Исторические мемуары об Императоре Александре и его дворе

София Шуазель-Гуфье

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

София Шуазель-Гуфье (Zofia Tiesenhausen de Choiseul-Gouffier), (1790–1878 гг.) — урожденная польская графиня Фитценгаузен, родственница Потоцких и Радзивилов, супруга сына известного французского дипломата и деятеля культуры графа Мари-Габриэля-Флорана-Огюста Шуазель-Гуфье, фрейлина при дворе Александра I.

- София Шуазель-Гуфье
  - [Предисловие А. Кизеветтера]
  - Предисловие автора
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI
  - ГЛАВА VII
  - ГЛАВА VIII
  - ГЛАВА IX
  - ГЛАВА X
  - ГЛАВА XI
  - ГЛАВА XII
  - ГЛАВА XIII
  - ГЛАВА XIV
  - ГЛАВА XV
  - ГЛАВА XVI
  - ГЛАВА XVII

- ГЛАВА XVIII
- ГЛАВА XIX
- ГЛАВА XX
- ГЛАВА XXI
- ГЛАВА XXII
- ГЛАВА XXIII
- ГЛАВА XXIV
- ГЛАВА XXV
- ГЛАВА XXVI
- ГЛАВА XXVII
- ГЛАВА XXVIII
- ГЛАВА XXIX
- ГЛАВА XXX

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

София Шуазель-Гуфье
Исторические мемуары об Императоре Александре и его дворе

[Предисловие А. Кизеветтера]

Воспоминания графини Шуазель-Гуфье всецело посвящены императору Александру I. В них легко различить два элемента: 1 — рассказы о встречах графини с императором Александром, записи его бесед, описания его обращения с окружающими и 2 — велеречивые восхваления императора, на которые не скупится графиня, безгранично обожавшая Александра.

Рассказы о встречах графини с Александром представляют несомненный исторический интерес. Именно этими рассказами к настоящим мемуарам было привлечено внимание всех, кто занимался изучением истории Александра I. Здесь развертываются перед нами такие черты характера Александра, благодаря которым Сперанский назвал этого государя «сущим прельстителем». Перед нами — Александр в кругу блестящих великосветских дам. Он ведет с ними непринужденные разговоры, в которых кокетливые шутки постоянно пересыпаются утонченными любезностями. С необычайным искусством умеет он при этом придать своим речам и всей манере держаться оттенок искреннего простосердечия, оставляя в своих собеседниках и собеседницах такое впечатление, как будто он безотчетно отдается беспечному отдыху от серьезных дел в кругу людей, ему симпатичных; а между тем, вчитайтесь повнимательнее в его беседы с дамами, переданные графиней Шуазель-Гуфье, и вы заметите любопытную черту: среди самой непринужденной на вид беседы Александр ни на минуту не забывает, что перед ним — представительницы польского общества, которое он хочет в возможно большей мере привязать к себе узами личного доверия и симпатии. И за легкими формами его любезных шуток и неожиданных признаний прозорливый читатель разглядит искусные, тщательно взвешенные ходы салонной дипломатии. Тайна его успехов на этом поприще заключалась всего более в поразительном умении, когда это было ему нужно, сочетать царственную величественность с грациозным проявлением интимной короткости по отношению к тем, кого он хотел обворожить и пленить своей личностью. Эта черта Александра особенно выпукло выступает в рассказах графини Шуазель-Гуфье, и с этой стороны ее мемуары очень любопытны для изучения личности императора Александра Павловича.

Разумеется, те восторженные панегирики по адресу императора, которыми графиня неизменно сопровождает рассказы о своих встречах с ним, не имеют цены исторического свидетельства для характеристики Александра. Но и эти

панегирики интересны для историка: они живо рисуют нам ту атмосферу обожания, которую Александр умел создавать около себя, искусно играя на людских сердцах. «Александр — прельститель» — так можно было бы озаглавить мемуары Шуазель-Гуфье. Эта сторона личности Александра играла огромную роль в его жизни и в истории его правления, и вот почему мемуары графини, отразившие на себе эту черту, заслуживают внимания тех, кто интересуется эпохой Александра I. Нужно только при чтении этих мемуаров постоянно отличать сообщаемые в мемуарах факты и высказываемые автором собственные о них суждения. Факты обрисовывают Александра. Суждения автора мемуаров обрисовывают ту среду, к которой автор принадлежал, и то впечатление, которое умел производить на эту среду Александр, очень далекий по действительным своим свойствам от начертанного графиней образа небесного ангела в русской короне.

Графиня Шуазель-Гуфье писала мемуары несколько приподнятым, изысканно велеречивым слогом. Мы думаем, что переводчица поступила правильно, сохранив и в русском тексте этот оттенок слога графини.

Настоящий перевод сделан с очень редкого первого французского издания мемуаров, вышедшего в 1829 г. Второе издание, появившееся в 1862 г., не воспроизводит во всей точности первоначального текста.

А. Кизеветтер

Предисловие автора

Всего прошло три года со времени того события, которое погрузило Россию в печаль и траур; и уже появились две истории императора Александра. Не оспаривая достоинство этих двух сочинений, я позволю себе заметить, что почти исключительно посвященные описанию политических событий и памятной борьбы между двумя величайшими державами Европы истории эти мало освещают личность монарха, который сыграл в этих событиях столь важную роль; они дают лишь поверхностную характеристику Александра, державного противника великого человека[1], который лишь в некоторых отношениях проявил больше величия, чем его добродетельный соперник.

В первом порыве естественной скорби, внушенной мне смертью моего государя, — монарха, которого я имела счастье знать, восхищаясь его благородным, трогательным характером, я пыталась описать добродетели того, чью смерть я оплакивала. Но — потому ли, что недавнее, сильное горе слишком воспламеняло мое воображение, или же потому, что я слишком увлекалась величием моего героя, я вскоре заметила, что тон, принятый мной в этом сочинении, не соответствует моим слабым способностям и не приличествует истории. Бросив тогда эту неудачную попытку, я горячо желала, чтобы знаменитый писатель, который один достоин быть истолкователем религии и гласом государей, взялся за предмет столь его достойный! По некоторым гармоническим отрывкам, которые успели уже появиться, я надеялась, что пламенное желание мое исполнится; но голос умолк, и желание мое сменилось сожалением. Тем не менее, раздумывая, — в тишине ли уединения, или среди шума городов и двора, — о прекрасной жизни Александра, я почувствовала, сколь мало я ценила выдающиеся добродетели этого государя, думая, что один лишь великий талант мог отдать им дань уважения и поведать о них потомству. Факты говорят сами за себя, и те, которые связаны со славным именем этого государя, имеют такую притягательную силу, что для правдивого их изображения достаточно выразить чувство благодарного сердца. Итак, я смею надеяться, что чувствительные души, не поддающиеся роковому влиянию охлаждающего времени, с интересом найдут здесь очертание благородных и великодушных качеств государя, заслужившего любовь и благодарность не только своих подданных, но и всей Европы.

ГЛАВА I
Первые годы жизни Александра I. Дворцовый заговор. Смерть Павла I

Александр I родился в 1777 г. С годами природные хорошие качества великого князя все более развивались; казалось, все гармонично сочеталось в юноше, которому впоследствии суждено было занять один из первых престолов в Европе и столь блестящее место в истории. Выдающаяся внешняя красота как бы отпечатлевала на себе равную ей красоту его души. Свойственная его характеру неизменная кротость с детства привлекла к нему всеобщую любовь и сосредоточила на нем лучшие надежды могущественной Российской империи. Говорят, императрица Екатерина так полюбила своего внука, что предполагала удалить от престола собственного сына, несчастного Павла Петровича, и назначить Александра своим преемником. В то время не было основного закона, регулирующего наследственность российского престола: порядок перворожденности был установлен лишь в следующее царствование. Притом, не было препятствия для гения Екатерины, привыкшей все подчинять своей власти. Она пожелала лично руководить воспитанием своего внука. Между тем, при редких качествах, которыми был одарен Александр, можно было желать лишь одного: чтобы августейшая мать великого князя, по собственному желанию, могла бы сама следить за первыми впечатлениями своего сына среди этого двора, изящного, но безнравственного, — и руководить им со свойственными ей бдительной мудростью и проницательной твердостью. Какую власть приобрели бы над сердцем такого сына мудрые наставления столь добродетельной матери, проникнутой любовью к добру, посвятившей всю свою жизнь счастью человечества! Тем не менее избранный Екатериной в воспитатели юного великого князь полковник Лагарп мог успокоить заботливую мать и удовлетворить желания русского общества. Мудрый воспитатель нашел во вверенном ему августейшем ученике самые счастливые природные задатки. Чтобы докончить дело природы и выполнить вверенную ему важную задачу, ему предстояло лишь развивать, поддерживать и направлять эти прекрасные задатки. Одаренный нежной и чувствительной душой, Александр беззаветно привязался к почтенному и проницательному воспитателю, посвятившему ему свое время и силы; он всегда относился к нему как к надежному и верному

другу.

Александр любил учиться; у него была изумительная память, восприимчивый ум, глубокий и тонкий. С ранней молодости он проявил склонность к военным наукам; прилежно занимался тем, что ему угодно было называть своей службой, в точности соблюдая дисциплину и самое строгое повиновение. В нем была в высшей степени развита любовь к порядку и к работе. Но особенно было в нем восхитительно всегда ровное настроение духа, — качество столь редкое и драгоценное в монархе и проистекавшее из природной его доброты. Ничто не могло нарушить приветливую благожелательность, отражавшуюся как в чертах лица, так и в его действиях. Александр говорил на нескольких языках, и особенно на французском языке — весьма свободно, изящно и красноречиво. Приемы его обращения были очень привлекательны; в первой молодости в них проглядывала некоторая застенчивость. Никто в такой степени не обладал даром нравиться и побеждать все сердца; никто, я уверена, не мог видеть и слышать Александра, не сказав себе, расставаясь с ним: «Какое было бы счастье иметь его другом!»

Едва Александр вышел из отрочества, как императрица Екатерина, опасаясь для него бурных увлечений молодости, постаралась наложить узду на его страсти, с юности связав его священными узами: неосторожность, последствия которой повлияли более, чем думают, на будущность и семейное счастье великого князя и его августейшей супруги. Согласно установленному в России обычаю, вызванные ко двору три юные германские принцессы предстали перед очами Екатерины, которой предстояло избрать среди них супругу для внука. Выбор этот определился, как говорят, довольно своеобразно; и простой случай помог Екатерине в такой же степени, как если б она, после долгих наблюдений, подчинилась своему просвещенному суждению. Из окна императорского дворца царица увидела подъезжавших юных принцесс. Все три были весьма привлекательны. Екатерина заметила, что принцесса, первой вышедшая из кареты, проявила, выходя из нее, слишком много поспешности; живость эта, на ее взгляд, не предвещала ничего хорошего. Появившаяся за ней следующая принцесса запуталась в шлейфе своего платья. «Какая медленность и неловкость!» — сказала императрица. Наконец, последняя сошла с полным самообладанием. «Вот кто будет великой княгиней!» — воскликнула Екатерина.

Это была Елизавета Баденская. Внешность ее утвердила императрицу в ее выборе и привела в восторг юного великого князя, сердце которого не могло сделать лучшего выбора.

Действительно, Елизавета соединяла в себе все чары. Ослепительный цвет лица, свежий, как розы, белокуро-пепельные волосы, спускавшиеся на плечи алебастрового цвета, талия сильфиды, черты лица, одушевленные умом и чувством, большие голубые глаза — все в ней привлекало и очаровывало взоры.

Страстно влюбленный в свою прекрасную юную подругу, Александр нашел в ее приятной беседе, в ее просвещенном уме, в нежности, которую она питала к нему, — все, что могло облегчить ему тяжелое существование, наставшее для него со смертью императрицы Екатерины и восшествия на престол его отца.

Долгие нравственные страдания исказили и ожесточили характер несчастного Павла I, от природы одаренного умом живым и проницательным, сердцем чувствительным и великодушным. Несчастная склонность к подозрительности, чрезвычайная его раздражительность, долго сдерживаемая пассивным подчинением, — вышли из всех границ при достижении Павлом высшей власти. Со временем эти отрицательные свойства лишь усилились; и в те минуты, когда благодаря им можно было опасаться всего, и когда собственная семья государя искала самозащиты, — в эти минуты один Великий князь Александр, умевший противопоставить почтительную твердость часто прихотливым требованиям императора, — мог порой успокаивать его ум, пораженный неисцелимой болезнью. Снедаемый пламенным и подозрительным воображением, вечно представлявшим ему опасности и тайных врагов, несчастный монарх сам был злейшим своим врагом; в конце концов он сам стал жертвой своих мрачных опасений.

Ссылки приняли ужасающие размеры. Террор царил повсеместно — при дворе, в столице, в армии и даже в самых отдаленных провинциях государства. При самом осторожном поведении никто не мог считать себя в безопасности от доноса; никто не мог рассчитывать на следующий день. Прибытие императорского курьера в отдаленную местность всех повергало в ужас; каждый с содроганием спрашивал себя: «Не обо мне ли роковой приказ?» — и каждый уже видел мысленно кибитку, которая унесет его в сибирские пустыни[2]. Невольное упущение в строгом этикете или в предписанной императором форме, самая незначительная небрежность в военной службе, — этого было достаточно, чтобы навлечь на себя кару ссылки, и Сибирь населялась людьми с громкими именами. Среди находившихся в то время в Петербурге знатных иностранцев граф Шуазель-Гуфье, бывший ранее посланником в Константинополе, осыпанный

милостями императора Павла, не знавшего пределов своей щедрости, внезапно получил приказ удалиться в дарованные ему государем литовские поместья и в двадцать четыре часа покинуть Петербург. Не постигая вызвавших его опалу причин, граф Шуазель послал своего сына попросить паспорт у графа Палена, в то время петербургского губернатора. Пален был на параде; он вскоре возвратился. Увидев графа Шуазеля, он оттолкнул лакея, подошедшего, чтобы взять его шляпу и портупею, и, взволнованный, воскликнул: «Дорогой граф, я в отчаянии от того, что с вами случилось; это невыносимо, такой порядок вещей не может продержаться, пора с этим покончить». — Несмотря на свою крайнюю молодость, граф Шуазель был поражен такой неосторожной речью и больше всего тем выражением, с которым были произнесены эти замечательные слова. Восемнадцать месяцев спустя Павла уже не было в живых! Быть может, при этом будет уместно познакомить читателя с тем глубоко скрытным человеком, который сыграл в этом заговоре роль настолько важную, что с достаточным основанием можно считать его единственным его виновником. Курляндский дворянин Пален в ранней молодости вступил на русскую службу и в царствование Екатерины II достиг чина генерал-майора. Благодаря протекции фаворита Зубова он получил место гражданского губернатора в Риге. Вскоре после своего восшествия на престол император Павел был проездом в Риге, остался доволен Паленом и перевел его в Петербург. С поспешностью, характеризовавшей все его шаги, Павел наградил нового своего любимца целым рядом должностей, поместий и милостей; назначил его шефом гвардии, губернатором Петербурга; пожаловал ему высшие ордена империи и подарил значительные поместья в Курляндии, ею отчизне. Пален устоял против всех этих милостей. Он сохранил тайные сношения с Зубовыми, своими прежними покровителями, и сообща с ними замыслил погубить щедрого государя, так возвысившего его в государственной службе. Причину такой черной неблагодарности следует искать в безнравственном характере Палена: большой любитель жизненных услад, притом — плохой офицер, он изнемогал под тягостью военной службы, которой обременял его император, а также подробных рапортов, которые он ежедневно должен был представлять ему о частной жизни, действиях и разговорах петербургских жителей.

Столь же осторожный, как и вероломный, Пален стремился возможно меньше подвергаться риску в заговоре и выступать лишь с величайшей осмотрительностью; поэтому он привлек к своему предприятию друзей, которые могли обеспечить успех его замысла. Платон Зубов, отъявленный враг Павла I, которому

государь этот имел неосторожность оставить несметные богатства, приобретенные в предшествовавшее царствование, представился Палену наилучшим орудием для заговора, который открывал ему возможность удовлетворить чувства личной ненависти. Притом, Зубов, долго остававшийся в милости, сохранил много связей; а брат его, Валерьян, всегда был окружен людьми без принципов и нравственности, способными содействовать всякого рода преступлениям и покушениям.

Пален, почти уверенный в готовности Зубова оказать ему содействие, сообщил ему о своем желании вступить с ним в переговоры; а для того, чтобы император дозволил ему вернуться из его поместий, где он жил в изгнании, он посоветовал ему выразить мнимое желание вступить в брак с дочерью Кутай сова, другого любимца Павла, который этого ничтожного турецкого раба, своего цирюльника, внезапно сделал одним из главных сановников империи, возвел его в графское достоинство и осыпал милостями. Кутайсов вскоре получил письмо от Зубова, просившего руки его дочери.

Вне себя от радости, он тотчас отправился с этим письмом к императору, бросился к его ногам и стал молить не ставить препятствия счастью его дочери, — не отказать Зубову в разрешении вернуться в Петербург. Павел охотно согласился исполнить желание своего любимца и заметил, что просьба Зубова была единственной его разумной мыслью во всю его жизнь. Тогда Зубов окончательно договорился с Паленом. Последний без труда привлек на свою сторону часть гвардии, ибо, к несчастью, Павел обременял утомительной службой, резкими выговорами и строгими наказаниями этот полк, давно уже привыкший к тому, что в России дворцовые перевороты совершаются без пролития крови.

Истинный план заговора, по уверению заговорщиков, не простирался до лишения императора жизни; предполагалось, по их словам, заставить его подписать акт отречения, по которому он соглашался бы передать корону наследнику престола, Великому князю Александру, предоставив себе право избрать свое местопребывание в окрестностях Петербурга, или в какой-либо провинции империи, или за границей, — в той стране, где он пожелал бы поселиться.

Пален с другими заговорщиками ясно сознавал, что невозможно было лишить обширное государство его главы, не заручившись для него преемником. С другой стороны, зная благородный характер Александра, они не надеялись, чтобы он согласился принять регентство; между тем необходимо было прийти на помощь нации, которую Павел не уважал в

достаточной степени и к которой, благодаря своему пылкому воображению, он относился с чрезвычайной строгостью. Пален понял, что единственное средство достигнуть цели состояло в том, чтобы посеять разногласие среди императорской семьи, — между отцом и детьми, между супругом и супругой, и, в конце концов, привести подозрительного императора к роковой мере — к несправедливым, жестоким преследованиям собственной семьи.

Между тем один из заговорщиков, мучимый угрызениями совести, быть может, страшась последствий столь преступного предприятия, не желая выдать своих сообщников, анонимным письмом[3] предупредил императора о заговоре. Встревоженный Павел тотчас призывает Палена. Последний, заранее обдумав свои коварные ответы, с невозмутимым хладнокровием предстает перед своим повелителем; без малейшего волнения выслушивает все внушенные недоверием, тревогой и гневом речи Павла, которые могли бы заставить одуматься другого, менее закоренелого преступника. При словах императора: «Против меня составляется заговор, и вы, петербургский губернатор, — вы этого не знаете?» Пален отвечает: «Простите, Ваше Величество, я не только о нем знаю, но сам к нему принадлежу.» При этих изумительных словах на лице императора одновременно отразились мучительная тревога, сомнение и удивление.

«Да, Ваше Величество, — продолжал Пален тем же спокойным тоном, — все нити заговора известны мне; я принадлежу к числу заговорщиков, но для того лишь, чтобы услужить Вам и спасти Вашу жизнь. Ни один из преступников не ускользнет от моей бдительности и от правосудия Вашего Императорского Величества. Безумцы, замышляя погубить Вас, сами идут к собственной погибели.» — «Кто же они?» — воскликнул Павел, волнение которого возрастало с каждым словом его вероломного наперсника. «Ваше Величество, осторожность мешает мне назвать их; но после всего, что я имел честь раскрыть перед Вашим Величеством, я смею надеяться, что мне будет оказано полное доверие и предоставлено следить за Вашей безопасностью.» Эта туманная фраза могла лишь еще более возбудить пламенное любопытство императора; ум его, введенный в заблуждение недоверием, осмелился возвести гнусное подозрение по отношению к добродетельнейшей супруге и почтительным, покорным сынам. «Кто они? — с ужасающей настойчивостью повторил Павел, — кто они? я хочу их знать.» — Ваше Величество, — опустив голову, отвечал Пален, — чувство уважения мешает мне назвать августейшие имена… «Понимаю, — взволнованно сказал император глухим, сдавленным голосом, — я предчувствовал… императрица?» — продолжал он, устремляя

пронзительный взгляд на Палена. Пален молчал. «Великие князья Александр и Константин?» Пален отвечает лишь безмолвием. Император тогда умолкает, и с его стороны молчание это, несомненно, предвещало грозу.

Приказ арестовать наследника престола и его августейшего брата — таково было первоначальное решение разгневанного отца, считавшего себя гнусно преданным самыми близкими ему лицами. «Что же касается императрицы Марии, — грозно прибавил император, — я сам приму меры относительно ее.» Предполагалось великих князей заключить в крепость, а императрицу — в монастырь.

Добровольно лишаясь, таким образом, самых верных опор своего престола и своей жизни, несчастный государь слепо доверялся предателю, от которого теперь зависела его судьба. «Добрый, верный Пален, — сказал он, глубоко вздыхая, — я доверяюсь тебе, охраняй твоего государя, который тебя о том просит.» Произнося эти слова, он раскрыл свои объятия, и Пален преступно дерзнул принять этот знак привязанности со стороны несчастного государя, дни которого уже были сочтены в глубине его сердца. Выходя от императора, Пален поспешил к заговорщикам и, собрав их, сказал наименее смелым из толпы, с целью пробудить их дремлющую злобу: «Тайна раскрыта. Список заговорщиков ему еще неизвестен; но кто нам поручится, что другой предатель не раскроет ему весь наш замысел? Если жизнь дорога вам, поверьте мне, — поспешим исполнить его; поспешим освободить империю.» Предатель, о котором говорил Пален, был не кто иной, как он сам. Этот коварный человек составил двоякий план: сообразно обстоятельствам, предать или государя своего, или своих сообщников. Если б случилось что-либо непредвиденное, и если б в решительную минуту судьба оказалась неблагоприятной для заговорщиков. Пален намеревался арестовать виновников и сказать императору: «Ваше Величество, Вы спасены, и задача моя исполнена».

Условившись относительно необходимых мер предосторожности, заговорщики назначили ближайший срок для совершения своего преступления. Расставшись с ними, Пален, имея в руках переданный ему государем роковой приказ, отправился во дворец Великого князя Александра. Немедленно принятый наследником, он почтительно преклонился перед ним, и, изобразив на лице своем крайнюю скорбь, он известил великого князя о высочайшей воле императора. «Как! — воскликнул изумленный Александр, — Его Императорское Величество, отец мой, хочет лишить меня свободы! Какое же преступление совершил я, чтобы навлечь на себя такую строгую

кару?» — «Вашему Императорскому Высочеству известно, — сказал Пален, вторично преклоняясь, — что, к несчастью, карам подвергаются здесь иногда те, кто не совершил ничего дурного.» При этих словах великий князь бросил на Палена строгий взгляд. После нескольких минут молчания Александр сказал: «Император волен в моей судьбе; я подчиняюсь, покажите мне приказ.» Пален представил его великому князю. Пробежав его вскользь, Александр горестно воскликнул: «И брат мой также!» Чтобы нанести сердцу молодого великого князя наиболее чувствительные удары, Пален намекнул ему на судьбу, ожидавшую его невинную и добродетельную мать. «Нет! это уже слишком», — сказал великий князь, закрывая лицо, чтобы скрыть свое горе от внимательных взоров фаворита. Пален бросился к ногам великого князя. «Ваше Высочество, — сказал он, — благоволите выслушать меня. Надо предупредить великие несчастья; надо положить конец заблуждениям Вашего августейшего родителя. Сегодня он хочет лишить Вас только свободы; но кто знает, в пылу его страстей, часто затемняющих его разум, где остановится его безграничная, всемогущая воля? Вспомните, Ваше Высочество, несчастного Алексея Петровича».

«Пален, вы оскорбляете моего отца». — «О, нет, Ваше Высочество! Я обвиняю не сердце его, полное самых благородных, великодушных чувств; виной всему необузданный характер, беспрерывно волнующий его. Вам известно так же хорошо, как и мне, что император ищет блага, но не может достичь его. Что станется с императорской семьей? Какая судьба ожидает империю, громадное население, которым Вы свыше призваны править, которое Вы должны охранять в случае, если Ваш отец, увлекаясь своими бреднями, заблуждаясь в своих мнениях, наказывая, прощая, без меры и рассудка награждая, — сохранит в руках своих бразды правления в этой несчастной стране? Ваше Высочество, притворяться теперь уже не время! И Сенат, и вся империя хочет сбросить с себя нестерпимое иго и вверить Вам свои судьбы; я здесь лишь верный представитель этой воли».

«Как! — воскликнул Александр, отходя от Палена, — от меня требуют, чтобы я захватил власть, чтобы я вырвал скипетр из рук моего отца? Не надейтесь на это. Я буду, если надо, жертвой его заблуждения, — все равно! Спасите только мою мать, спасите императрицу.» Тогда Пален с жестоким лукавством дал понять великому князю, насколько общее возмущение всех сословий государства было опасно для самого императора. Затем он указал ему на пример Англии, где управление государством должно было перейти к принцу Вельскому, хотя нравственное состояние короля Георга, быть может, внушало менее тревог в государстве,

где высшая власть, более ограниченная, подчинялась законам в большей мере, чем в России, где достаточно было единой воли монарха, чтобы потрясти всю империю.

Соблюдая такую же умеренность, продолжал Пален, великий князь, не вступая на престол, мог взять в руки бразды правления с тем, чтобы возвратить их отцу, как только здоровье императора войдет в норму, необходимую для выполнения столь важных обязанностей.

Таковы желания Сената, армии и всей нации, повторил ловкий царедворец. «Никогда не получат они моего согласия, — отвечал Александр. — Одна лишь воля моего отца может решить его и мою судьбу». И, сняв с груди образ Спасителя, Александр заставил Палена поклясться перед этим священным ликом, что отец его сохранит и жизнь, и свободную волю. «Ваше Высочество, — сказал Пален, — судьба Вашей августейшей матери, Ваша собственная и судьба всей России — должна решиться в следующие три дня».

Выходя от великого князя, Пален поставил у двери его несколько гвардейцев с офицером. В тот же день император Павел, уже давно покинувший свою семью, отправился вечером к княгине Гагариной. Мрачный, с исказившимися чертами, он произнес ужасные слова, — слова, вызванные гневным порывом, которые сердце его, без сомнения, отвергало и которые он никогда не привел бы в исполнение:

«На днях падут головы, некогда очень мне дорогие».

Испуганная княгиня Гагарина сочла долгом предупредить Великого князя Александра. Можно представить себе, какая жестокая тревога, какие внутренние муки разрывали сердце Александра. После разговора своего с великим князем Пален решил, что для успеха заговора нельзя терять времени. Собрав всех заговорщиков, он обратился к ним с речью в духе древних и новых революционеров. «Зачем, — сказал он, — медлить нам с делом освобождения нашей родины, с делом, которое заслужит нам благодарность наших сограждан». Решающее собрание состоялось у Платона Зубова. Взывая к тени Брута, заговорщики подкрепили свое мужество обильным возлиянием. В тот же вечер, перед последней ночью Павла, вероломный Пален виделся с императором и посредством искусно подготовленных речей убедил его, что заговор расстроился. Ему удалось успокоить его и влить на краткие мгновения утешительный бальзам в это встревоженное и несчастное сердце. Между тем, как только настала ночь, заговорщики, закутанные в свои плащи и почти все отуманенные винными парами, молча направились к Михайловскому дворцу. В то время, как они проходили

дворцовым садом, сидевшие на деревьях вороны вспорхнули и улетели с зловещими криками. Карканье этих птиц, считающееся в России несчастным предзнаменованием, настолько испугало заговорщиков, что они на минуту поколебались, — не вернуться ли им обратно. Пален сменил дворцовую стражу, поставив вместо солдат участвовавших в заговоре офицеров. Согласно его приказу, вся императорская гвардия стояла на часах в различных пунктах города; лишь один забытый заговорщиками часовой, увидя приближавшуюся ко дворцу группу, закричал «Караул!» Стражник вышел, но тотчас же был отозван в гвардейские казармы сообщниками Палена. Не встречая никаких препятствий, заговорщики подымаются по ступеням большой лестницы, где царила, как и во всем дворце, угрюмая тишина. Была полночь. После вечера, проведенного у княгини Гагариной, Павел, доверившись Палену, заснул мирным сном. Незаметно было вокруг него тех мер предосторожности, которые во множестве изобретает подозрительная и страшащаяся за себя тирания. Беспрепятственно пройдя длинный ряд апартаментов, заговорщики уже почти достигли спальни императора. Задерживая дыхание, Пален следил за взглядами и выражением лица каждого из своих сообщников, прислушивался к малейшему шуму; как вдруг в комнате, примыкавшей к спальне императора, стоявший на страже, закутанный в плащ гвардейский гусар, родом поляк, при виде лиц, входивших в такой необычный час, догадывается об их злостных намерениях, бросается навстречу заговорщикам и на их отказ удалиться выхватывает пистолет. Заговорщики бросаются на него и сваливают с ног. На этот шум Павел пробуждается; почуяв измену, он вскакивает с постели и бежит к потайному трапу, который сообщался через пол с апартаментами нижнего этажа. По несчастью, пружина, быть может, впервые не поддается нажиму. Куда спастись! что делать! Единственная дверь в комнате императора сообщалась с покоями августейшей его супруги; но дверь эта была заперта наглухо, и несчастный государь, жертва собственной недоверчивости, сам лишил себя всякого пути к спасению. Наконец, входная дверь отворяется. Павел не успевает спрятаться за ширмами у камина. Заговорщики с шумом входят в комнату; первые взгляды их устремляются на кровать императора: кровать пуста. Они отыскивают, наконец, государя. Последний, видя, что бегство уже невозможно, ищет глазами Палена, призывает его, как последнюю свою надежду. Но изменник не отвечает: его не было в комнате, он снаружи следил за всеми действиями заговорщиков. Тогда, вооружившись мужеством, которое, быть может, уже покидало его, Павел обращается к заговорщикам тоном властелина. «Павел

Петрович, — отвечают предатели, — ты видишь в нас представителей Сената и империи. Возьми эту бумагу, прочти и сам реши свою судьбу». При этих словах Зубов подает ему акт отречения, который император берет со взволнованным видом. При тусклом мерцании ночника, бросавшем зловещий свет на исказившееся лицо императора и на мрачные суровые фигуры заговорщиков, Павел пробегает роковую бумагу, вторично читает ее, и каждый раз обвинения в тирании, перечисление его проступков, самые неуважительные и неприличные выражения поражают взоры и еще более разум несчастного монарха… Достоинство не только государя, но человека пробуждается в нем… Он резким движением отбрасывает бумагу. «Нет, — восклицает он, — лучше смерть, чем бесчестье!» Он вновь пытается ускользнуть от ярости убийц, пытается защититься, бежать; он схватывает оружие… Тогда завязывается страшная борьба, не поддающаяся описанию сцена ужасов и оскорблений…

Глухие крики, стоны, угрожающие, сдавленные голоса, — глас преступления, — доходят до слуха встревоженной супруги.

Императрица поспешно встает, бежит к двери, но все ее усилия проломить дверь напрасны. Не теряя времени, она обходит кругом и, дрожащая, перепуганная, появляется на лестнице, где столпились убийцы ее мужа. Вовлеченный в заговор Беннигсен, который в этот вечер один сумел сохранить невозмутимое хладнокровие своего от природы мягкого характера, — Беннигсен подходит к императрице и, почтительно загораживая ей вход в комнату императора, дает ей понять, что она напрасно подвергла бы опасности свою жизнь, так как Павла уже нет в живых. Императрицу, в обмороке, еле живую, относят в ее покои.

Действительно, император испускал последний вздох, когда Пален вошел к нему со шпагой в руке, еще колеблясь, на что обратить эту шпагу, — на спасение ли жизни своего повелителя, или на соучастие в преступлении. Вид плавающего в крови государя, его благодетеля, однако, произвел некоторое впечатление на этого коварного предателя; он должен был прислониться к колонне; так он простоял несколько минут неподвижно, с висящей сбоку шпагой. Заговорщики также молчали. Беннигсен представил им, что необходимо идти к новому императору и принести ему обет верноподданства. Шум и беспорядок, все возраставшие вслед за совершившимся трагическим событием, перенеслись, наконец, во дворец, где Александр спал со своей юной супругой. Пораженный ужасом и самыми печальными предчувствиями, он слышит весть о смерти отца и падает в глубокий, продолжительный обморок.

Придя в чувство, Александр видит вокруг себя коленопреклоненных заговорщиков, которые пробуют оправдать свое покушение и разными бессвязными речами пытаются приписать внезапную смерть Павла апоплексическому удару, как естественному последствию его бурного нрава. «Чудовища! — сказал Александр, с негодованием удаляясь от них, — я никогда не приму короны, залитой кровью моего отца!» И, поспешно удалившись, он заперся в самой уединенной части дворца.

ГЛАВА II
Восшествие на российский престол Александра. Первые годы его царствования

Между тем собравшаяся у стен дворца Александра несметная толпа народа и войска громкими кликами призывают своего нового государя. Упавшие духом, пораженные страхом заговорщики не знают, на чем остановиться. Наконец, Беннигсен, с согласия остальных, решается один идти к императору, который, не считая его виновным, соглашается принять его. Беннигсен, бросаясь на колени перед Александром, убеждает его исполнить мольбы его народа и не вызывать дальнейшими отказами ропот и бесчинства императорской гвардии, — не отдавать во власть жестокой анархии могущественную империю, управлять которой призывала его судьба.

Побежденный доводами Беннигсена и особенно слезами своей матери, своей супруги и мольбами любимого брата, Великого князя Константина, Александр согласился выйти к народу.

Нового императора, — бледного, расстроенного, лишившегося сознания, пронесли среди рядов солдат, где он принял присягу в верности; и слова присяги, тысячу раз повторенные, казалось, тысячу раз возвещали ему о трагической смерти его отца.

Еще не зная, что их ждало впереди, заговорщики удалились к себе, ободряемые если не собственной совестью, то по крайней мере, общественным мнением, которое они считали вполне для себя благоприятным; также благодарностью отечества, освободителями которого они почитали себя, и, более всего — своей партии, столь же многочисленной, как и могущественной. Пален вскоре получил приказ удалиться в свои поместья. «Я этого ожидал, — сказал он, улыбаясь, — и все у меня заранее уже уложено.» Другие заговорщики были также изгнаны в различные губернии империи; и, несмотря на снисходительность постигшей их кары, все они считали себя героями, жертвами преследований или мучениками своего патриотизма. Быть может, многих, наоборот, удивит, что Александр не наложил более суровых кар на убийц своего отца. Смертной казни в то время не существовало в России; уголовные наказания сводились к ссылке, конфискации имуществ, тюрьме и позорящим наказаниям. Совершенное

преступление требовало, без сомнения, особого закона. Но представьте себе, если можете, положение Александра. Вступив столь юным на колеблющийся престол, он мог предоставить своему народу лишь одни надежды на будущее; ибо стеснения и зависимость, в которых держал его отец, не позволили ему обнаружить перед страной все его умственные качества, работоспособность, мудрость взглядов. В первые годы своего царствования Александр мог противопоставить лишь кротость, выдержку и дух примирения — опасному брожению, вызванному злополучной кончиной Павла. Эта смерть представлялась как бы победой своеволия над деспотизмом, — победой, за которой должны были последовать большие уступки со стороны самодержавной власти. Уже поговаривали об аристократической конституции, в которой интересы народа почти не принимались в расчет: главная цель ее сводилась к ограничению верховной власти. Заговор пустил глубокие корни, особенно в армии, в царской гвардии; и в течение долгого времени Александр видел висящий над его головой меч Дамокла.

Совершившие столь варварский поступок заговорщики состояли в сношениях с несколькими из главных сановников империи. Притом, надо сознаться, к сожалению, что в Петербурге царило всеобщее удовлетворение; раздавались смелые речи и одобрения по адресу виновных. Мы знаем лиц, и теперь еще живых, которые, с признательностью относясь к памяти злосчастного Павла I, несмотря на постигшую их с его стороны опалу, — добровольно удалились от общества, где они рисковали встретить тех, кого, к ужасу их, общество радушно приветствовало. Кто же стал бы судить виновных? Кто возвел бы их на эшафот?.. Император принужден был сдержать жажду справедливой мести и внять убеждениям нескольких верных слуг, чуждых заговору; они ясно представили ему опасность, которой подверглись бы государство и императорская фамилия, если б против этой партии были приняты строгие меры.

Не задевая открыто новых взглядов, надо было осторожностью и умеренностью обратить умы на путь долга. Задачу эту Александр выполнял с той мудростью, которую он проявил в течение всего своего славного царствования. Таким образом, история не может обвинять этого государя в преступной снисходительности по отношению к убийцам его отца, в даровании им добровольного прощения. Мы знаем и других государей, современников Александра, государей добродетельных и благочестивых, которые, в силу государственной необходимости, принуждены были не только допускать до себя одного из преступных виновников смерти

добродетельного Людовика XVI, но и облечь его своим доверием в качестве министра.

Восшествие на престол Александра ознаменовалось актами справедливости и благотворительности. Благодаря его великодушию из сибирских пустынь возвращены были многочисленные изгнанники, присоединившие свой голос к радостным приветствиям целого народа, преисполненного надежд и ликований.

Александр уничтожил при дворе чрезвычайные строгости этикета, введенные в предшествующее царствование, между прочим, обычай выходить из экипажа при встрече с экипажем императора. Ни возраст, ни пол никого от этого не избавляли.

Первая круглая шляпа, появившаяся на улицах Петербурга, произвела, как говорят, целую сенсацию. Всем и каждому в империи было предоставлено право выезжать за пределы страны. Никто уже не боялся шпионства и доносов. Освобожденные от оков, искусства и литература спешили принести дань уважения своему августейшему покровителю. Подчиненная определенным правилам, мудрой и правильно поставленной дисциплине, армия, наконец, свободно вздохнула, несмотря на то, что Александр проявлял, быть может, слишком большое пристрастие к мелким подробностям и придавал слишком большое значение таким внешним мелочам наружного порядка, которые часто не замечаются менее опытным взглядом.

Но трудно порицать это пристрастие — оно вызывалось у Александра духом порядка и справедливости; и ему-то главным образом русская армия обязана той прекрасной военной выправкой, тем совершенством дисциплины, которые справедливо вызвали восхищение всей Европы и доставили ей те победы, которыми она может теперь по праву гордиться.

Деревенский житель, уверенный, что молодой государь отнесется к нему справедливо и окажет ему покровительство, с удовольствием видел, как внимательно относился он к земледелию, как интересовался его развитием, как в своих собственных владениях он учреждал иностранные колонии, поощряя их опыты в надежде, что удастся развить и распространить в империи истинный источник богатства.

В любви Александра к искусствам, в покровительстве, которое он оказывал торговле, города, со своей стороны, нашли верный залог своего процветания. Вначале молодой император приложил все старания к упорядочению государственных финансов, сильно расстроенных благодаря обильным дарам, пожалованным императрицей Екатериной и расточительной щедростью Павла I. Вскоре он пожал плоды своих трудов в виде

восстановления государственного кредита.

Таково было счастливое начало царствования Александра. Государь этот предоставлял своим подданным и обеспечивал за ними всю ту свободу, которую они разумно могли требовать; и во всех его шагах можно было узнать мудрого ученика философа Лагарпа. Некоторые последователи новых современных взглядов старались увидеть в намерениях Александра тайную склонность к либеральным идеям, к которым прежний его воспитатель направлял ум юного великого князя, призванного управлять впоследствии пятьюдесятью миллионами людей; но Россия, счастливая и довольная, нашла, по остроумному выражению г-жи Сталь, совершенную конституцию в личности своего государя. Известна милая фраза, сказанная Александром в ответ этой знаменитой женщине, — фраза, так хорошо передающая его чувства. «Во всяком случае, — сказал он, — я был бы лишь счастливой случайностью».

Несмотря на чрезвычайную его молодость, неопытность, несмотря на его естественную склонность к филантропическим идеям, Александр был слишком разумен и умен, чтобы не видеть, что Россия представляла собой, — если можно сделать это сравнение, — слишком молодое дерево, чтобы прививать ему новые учреждения. Он многого ожидал от будущего, от своей собственной неусыпной деятельности и в особенности от времени, которое одно могло совершить и укрепить великую реформу в образе правления; но годы, неумолимые годы, не захотели остановиться для него; и безумные чудовища, неблагодарные, ускорили течение их… О! прочь эти ужасные мысли; они отравили бы описание счастливых, прекрасных лет царствования Александра.

Взглянем на Александра, обозревающего различные части своей громадной империи, повсеместно являющегося перед преданными ему подданными в образе блестящего, любезного и благодетельного государя, впоследствии — великого человека, призванного Провидением стать решителем судеб Европы и опрокинуть колосса, иго которого тяготело над ней в лице Наполеона Бонапарта.

Повсеместно проезд молодого императора, приветствуемого преданным ему народом, отмечался блестящими празднествами. Александр почтил также своим присутствием празднества, устроенные в его честь в Вильне, столице Литвы. В то время, по молодости лет, я не имела счастья его видеть; но я уже научалась обожать его августейшее имя. Я помню, что, выполняя программу совершившихся по этому поводу торжеств, городская дума вздумала запрячь людей в карету императора. Напрасно

несколько лиц из свиты государя, раньше него приехавшие в Вильну, указывали, что такого рода знаки почета не нравились Его Величеству: устроители торжеств не захотели бросить стоившую денег одежду, сделанную на двадцать человек, из среды мешан, которые должны были составить этот странный поезд. Итак, эти бедные люди побежали с большим усердием запрягаться в карету императора, — в том месте, где недалеко от Вильны, государь только что принял различные городские депутации, и, отправившись скорой рысью, они прибыли во дворец, причем оказалось, что вместо императора они привезли лакея Его Величества и кучера, который, важно восседая на козлах, правил ими. как настоящими лошадьми. Император, чувствуя естественное отвращение к тому, чтобы ехать на подобных себе людях, приехал в карете одного из своих адъютантов.

Уезжая из Вильны, Александр переехал через реку на пароме. Один из лодочников поранил себя настолько серьезно, что встревожил свидетелей этого несчастного случая, и особенно Его Величество. Государь, считая себя как бы невольной причиной случившегося с бедняком несчастья, пожелал собственными руками перевязать ему рану и разорвал свой платок, чтобы сделать перевязку. Эта трогательная сцена произошла на пароме, и такое проявление чувствительности молодого государя было тотчас запечатлено кистью и резцом всех местных художников. Дорогой из Вильны в Гродно император, меняя лошадей, остановился в поместье моего отца. Пока запрягали подставу, Александр, проходя около конюшен, отличавшихся довольно замечательной архитектурой, увидел большой кучерской кнут, только что выкрашенный и покрытый лаком, и со свойственной молодым людям фантазией он вздумал испробовать кнут. Стоявший тут же маленький конюх, не узнав императора и, вероятно, находя, что его кроткое, приветливое лицо выглядело гораздо менее страшным, чем лицо толстого, усатого кучера, владельца кнута, хотел отнять его у Александра и сказал: «Оставьте кнут, это кнут г-на Теодора.» Император, которому смелость этого ребенка, с хорошеньким плутовским лицом, показалась забавной, спросил его, не согласится ли г-н Теодор отдать ему кнут за один червонец. Мальчик принял на себя переговоры и передачу условленной платы. По заключении торга государь ловко свернул кнут и велел положить его в карету, сказав, что он предназначает его своему любимому кучеру, верному Юшке.

Путешествуя, император, для большей безопасности, ездил обыкновенно с собственными кучерами. Тот, кто правил

императорской каретой, захотел проехать лошадей, прежде чем в экипаж сядет император. В упряжке были рослые жеребцы, сильные и крепкие: как только они ощутили на своих боках непривычный для них русский кнут, они понесли и разбили бы карету вдребезги, если б конюхи не бросились вовремя, чтобы остановить их и предупредить несчастье. Конюх моего отца упросил, чтоб дозволили польскому кучеру править лошадьми обычным способом; после этого «г-н Теодор» вновь взял вожжи в свои руки, и императора благополучно довезли до следующей станции.

Филантропические наклонности императора Александра, казалось, предвещали его счастливым подданным непрерывный мир: ни одна мысль о победе, ни одно честолюбивое стремление не проявлялось до сих пор в юном государе, — к великому удивлению всех окружавших его, а также, без сомнения, и Европы.

Не менее удивительно было то восхищение, которое, быть может, невольно молодой государь чувствовал к человеку совсем иного характера. Но надо сознаться, что окружавший Наполеона престиж славы, могущества должен был привлекать воображение чарами, свойственными всему чудесному.

Александр не мог считать узурпатором необыкновенного человека, который, извлекши Францию из пропасти революций, продолжал направлять судьбы ее под скромным еще титулом консула. Позднее Наполеон сказал, что он нашел корону Франции на земле и подобрал ее. Без сомнения, он поступил бы справедливее и благороднее, если б, подобрав эту корону, он возвратил ее Бурбонам: ведь не они уронили эту корону — она была у них вырвана; но счастливый солдат нашел корону и венчал себя королем. Желая поддерживать с Францией дружеские связи, Александр пожелал продолжать начатые в предшествующее царствование переговоры и послал в Париж графа Моркова. Главная цель миссии Моркова состояла в том, чтобы войти в соглашение с французским правительством относительно системы вознаграждения германских князей, лишенных владений или потерпевших убыток благодаря последнему договору с Австрией, — вознаграждения посредством обмена или секуляризации церковных имуществ. В инструкции Моркова входило также предписание способствовать, насколько возможно, установлению добрых отношений между Францией и Англией; ибо война между этими двумя державами неизбежно должна была нарушить мир и благоденствие Европы. В царствование императрицы Екатерины Моркову поручали переговоры лишь с турками, всегда побеждаемыми, или с поляками, всегда

отважными, но принужденными уступать силе. Он не проявил ни такта, ни чувства меры. Все в нем не понравилось, — и тон его, и ум, и характер; он не внушил доверия ни Франции, ни Англии, ни Германии. Когда Англия нарушила Амьенский трактат и объявила Франции войну, Морков так был уверен, что лорд Уитфорд примет условия первого консула, что он стал играть на казенные деньга и проиграл значительную сумму их. В конце концов, присутствие этого дипломата так надоело Бонапарту, что он просил отозвать его в Петербург. Император Александр выказал при этом большую силу характера: он послал Моркову орден Андрея Первозванного, предоставив ему, по желанию, вернуться в Петербург или остаться в Париже. Но вместо того, чтобы выказать такую же твердость, как его повелитель, Морков поспешил уехать, говоря, что не смеет оставаться дольше в Париже, из боязни отравы. Его заменил в качестве уполномоченного Убри, исполнявший эту должность, пока роковой случай не нарушил добрых отношений между русским и французским дворами. Убийство несчастного герцога Энгиенского доказало даже поклонникам Наполеона, до каких ужасных эксцессов могло довести его честолюбие. Вся Европа содрогнулась от ужаса при таком нарушении самых священных прав. Разделяя это справедливое негодование, император Александр, как князь Германской империи, тотчас послал ноту в Регенсбургский сейм, предлагая потребовать удовлетворения за нарушение территории Баденского курфюршества. Но какое возможно было удовлетворение, когда зло было непоправимым!.. Герцога Энгиенского уже не было в живых!.. Австрия и Россия объявили Франции войну. Успехи Наполеона в этой кампании слишком известны, чтобы надо было о них напоминать… Австрия еще помнит их! Император Александр назначил генерала Кутузова главнокомандующим своих войск и самолично присутствовал при Аустерлицкой битве, неосмотрительно данной ранее прибытия отряда русской армии под предводительством генерала Беннигсена и шедшей из Италии армии под начальством эрцгерцога Карла. Говорят, что в начале битвы к Наполеону привели русского полковника, взятого в плен французами, причем император спросил его о местопребывании русского императора. Когда русский офицер удовлетворил любопытство Наполеона, последний велел отпустить его и поручил ему от его имени предложить императору Александру удалиться, так как на ту сторону, где находился Его Величество, должен был направиться огонь артиллерии. Я не стану описывать это сражение, столь славное для французского оружия; скажу только, что молодой император выказал в нем большую личную отвагу.

Он рисковал своей жизнью в нескольких стычках, при которых под ним была убита лошадь, и среди общего смятения он пытался остановить своих старых гренадеров, которые, убегая, кричали ему: «Государь, никто уже не командует армией, бегите, не рискуйте своей жизнью!» Таким образом, император принужден был покинуть поле сражения, опечаленный поражением и в еще большей степени сознанием, что он понапрасну пролил кровь своих подданных. «Надо быть на моем месте, — сказал однажды этот государь, — надо быть на моем месте, чтобы понять, что значит ответственность государя и что я испытываю при мысли, что мне предстоит когда-нибудь дать Богу отчет в жизни каждого из моих солдат.» Сколько души, сколько набожности отражается в этих прекрасных словах, заслуживающих быть выгравированными на мраморе и бронзе и вовеки служить уроком всем земным царям!

По дороге в Россию император заблудился в прусской Польше и был разлучен со своей свитой, зимой, в течение целой ночи, близ маленького городка или местечка Миндзирчек. Узнав, что поместье это принадлежит князю Константину Чарторыскому, которого он близко знал в Петербурге, так же, как жену его, княгиню Анжелику, урожденную Радзивилл[4], государь отправился в замок. Приехав в санках и без свиты, император велел доложить о себе как о старинном друге князя и попросил тотчас видеть князя. Судя по невзрачному экипажу, слуги вначале не хотели докладывать; но принужденные сдаться перед царственной осанкой приезжего, они пошли разбудить хозяина и доложили ему о приезде незнакомого друга, не желающего назваться. Князь Чарторыский, в свою очередь изумленный, встал, накинул халат и вышел в гостиную, где он узнал «друга». Император не дозволил разбудить княгиню; он только выпил чаю, согласился взять немного белья, в котором он нуждался, и тотчас уехал в Петербург.

По прибытии его в столицу империи Сенат хотел поднести императору орден Св. Георгия; но Александр отказался от этой награды за храбрость, скромно сказав, что он ее не заслужил.

После этой кампании Убри, уполномоченный России, заключил в Париже невыгодный для России договор, который император Александр имел стойкость не утвердить. Вслед за этим Пруссия, которая раньше отказалась вступить в коалицию с Австрией и Россией, решила одна объявить войну Франции. Это было крайне неосторожно. Битва при Иене, смерть доблестного принца Людвига, взятие Берлина — таковы были печальные результаты этого шага, в котором было больше благих намерений и геройской экзальтации, чем истинной, здравой политики.

Прекрасная королева Пруссии, поощрявшая доблесть прусских воинов, принуждена была, беременная, бежать на границу своего государства. Ее бережно перевезли в Мемель, где она вместе с королем оставалась до конца этой злополучной кампании. Пруссия погибала; быть может, по справедливому возмездию свыше, она подверглась бы судьбе Польши, если б великодушный Александр, ее благородный союзник, не пришел ей на помощь. Русская армия под предводительством генерала Беннигсена одна сдерживала некоторое время стремительный натиск французских войск, привыкших идти от одной победы к другой. Как та, так и другая армия не могла считать успешными для себя битвы при Пултуске и при Прейсиш-Эйлау. Беннигсен преградил Наполеону доступ в Литву; ни один генерал, сражавшийся с этим гениальным полководцем, не мог еще похвастаться столь большим успехом.

Значительное количество французских пленных были тогда перевезены через Вильну в глубь России. Среди поляков вид пленных французов вызвал как бы взрыв патриотизма, который, по счастью, не имел прискорбных последствий благодаря умеренности и осторожности литовского генерал-губернатора Римского-Корсакова.

В то время Варшава, уже занятая французами, являлась как бы центром новой Польши; и все патриотические идеи, все надежды поляков сосредоточились на Бонапарте, единственном государе, который мог и желал восстановить прежнее Польское королевство. Заблуждаясь относительно лицемерного характера Наполеона, поляки в каждом французском солдате видели орудие восстановления своего отечества. Как таковые, вышеупомянутые пленники встречали в Литве, в Вильне в особенности, выражения столь сильного, преувеличенного сочувствия, что нельзя было приписать его одной гуманности. В пользу их собирали одежду, белье, деньги; торговки на базаре бесплатно давали съестные припасы французским солдатам; офицеров, за которыми следили, многие посещали. В день их отъезда им прислали много съестных припасов; и толпа собралась в занимаемом ими доме, чтобы проститься с ними и проводить их. Так как их вели пешком, этапным порядком, один городской извозчик бесплатно доставил тридцать лошадей и столько же саней, чтобы провезти французов несколько миль от Вильны.

Битва при Фридланде весной 1807 г. завершила прусскую кампанию. Тильзитский договор, определив границы Варшавского великого герцогства, обманул надежды поляков, хотя не вполне их погасил. Свидание между двумя государями состоялось, как известно, на плоту, среди Немана, в присутствии русских и

французских войск, занимавших, в полном параде, оба берега реки.

Говорят, Наполеон, увидев Александра, был поражен его красотой. «Это Аполлон!» — воскликнул он. При этом свидании Александр впервые обратился к Наполеону как к императору: до тех пор он считал его лишь главой французского народа.

Плот принадлежал Наполеону. После первых приветствий и взаимного представления друг другу Великого князя Константина и Мюрата, в то время бергского великого герцога, Наполеон пригласил русского императора в предназначенный для совещания кабинет. Александр стал уверять, что он — на своем берегу, Наполеон — что он на своем плоту. Чтобы прекратить эти церемонные пререкания, Александр сказал: «Так войдемте вместе». Так как дверь была очень узкая, оба государя принуждены были тесно прижаться друг к другу, чтобы войти одновременно. Заметили, что после совещания, результат которого стал известен позднее, они вышли из кабинета очень оживленные. Вернувшись на свой берег, Наполеон из любезности к русскому императору велел всей французской армии кричать «Ура!». В ответ на эту демонстрацию Александр дал знак, чтобы его войска кричали «Vive l'empereuer Napoleon!» Знавшие французский язык офицеры исполнили это приказание; но русские солдаты отвечали обычным своим кликом; и оба берега Немана огласились многочисленными, громогласными «Ура!». В течение совещаний, продолжившихся несколько дней, государи делали друг другу визиты. Александр даже несколько раз обедал у Наполеона, который, со своей стороны, не оказал ему этого знака доверия, говоря в оправдание своих оскорбительных опасений: «Я не так добр, как Вы, Ваше Величество, я опасаюсь окружающих Вас лиц». Один только раз ему вздумалось попросить чаю. «Вы — сосед Китая, — сказал он русскому императору, — у Вас, вероятно, прекрасный чай». И когда ему подали чаю, он поднес чашку к губам и затем поставил ее, не отведавши чаю.

Когда император Александр обедал во французском лагере с несколькими лицами из своей свиты, дворецкие вносили золотые блюда и ставили их на стол Наполеона, между двумя рядами гренадер, которые никого близко не подпускали из страха, чтобы не бросили в блюда яду.

ГЛАВА III
Возвращение Александра в С.-Петербург после Тильзитского мира. Эрфуртское свидание

Дав свое согласие на континентальную систему, которую Наполеон стремился предписать Европе, как единственное средство борьбы против Англии, державы столь гордой своим неприступным положением и не хотевшей признать славу великого полководца, — император Александр купил Тильзитский мир ценой жертвы, более тягостной для империи, чем несчастная кампания. Страдания целой Европы были для Наполеона безразличны, лишь бы его честолюбие и ненависть нашли свое удовлетворение. Спокойный по отношению к России, которую он подчинил игу своей политики, Наполеон обратил свои честолюбивые взоры на Испанию. В это самое время император Александр принимал в Петербурге короля и королеву Пруссии. Он выказал при этом случае величие, щедрость и великодушное гостеприимство Людовика XIV, проявленные последним, когда он принимал изгнанного из Англии несчастного Якова II с семьей. На границах империи для Их Величеств и их свиты заготовлены были великолепные экипажи и драгоценные шубы; всевозможные удовольствия и самая изысканная роскошь была доставлена им во время этого путешествия. Король и королева Пруссии совершили свой въезд в Петербург в дворцовой карете. Несмотря на сильный мороз, все войска с пяти часов утра были в полном параде. Августейших путешественников ожидали собравшиеся во дворце представители высшего петербургского общества. Рассказывают, что Александр, шедший под руку с королевой прусской, встретил в одной из дворцовых галерей красивую г-жу Н*** [5], одетую в простое белое креповое платье; одна лишь гирлянда голубых цветов, так называемых незабудок, украшала ее черные волосы… Дама эта в то время занимала и долго продолжала занимать первое место в сердце Александра, ничем иным, быть может, не привлекая его, как опасным обаянием своей красоты. Напоминая об этой слабости, быть может, слишком хорошо известной, попытаемся, если возможно, не оправдать ее, но доказать, что добродетели Александра загладили ее.

Женившись так рано, и от природы очень страстный, он не мог довольствоваться одной дружбой; сердце его было слишком

нежно, слишком доступно опасным впечатлениям любви. Быть может, также гордость более постоянного сердца, оскорбленного в самых нежных своих привязанностях, не позволила Елизавете воспользоваться для привлечения охладевшего супруга всеми средствами, которые мог подсказать ей холодный разум. В то время, как она подавляла свои жалобы и притворялась спокойной, безмятежной, — сколько раз ее заставали в слезах перед портретом Александра, столь любезного, но неверного!.. О! чтобы умалить его вину, отвратим наши взоры от горестей кроткой Елизаветы! Александру, как человеку, свойственны были человеческие слабости! Безукоризненное совершенство несовместимо с человеческой природой. Если Александр в своем частном поведении не вполне достиг его, посмеет ли другой смертный мечтать о его достижении? Но, по крайней мере, никто не обвинит его в попытке соблазнить невинных. Он всегда умел уважать, почитать достоинства и добродетель и всегда избегал огласки. Никогда не расточал он в безумных страстях государственные деньги и никогда не поддавался опасным влияниям. Наконец, он отказался от своих заблуждений в возрасте, когда страсти еще сохраняют свою пагубную власть, — в возрасте, когда Людовик XIV содержал г-жу Монтеспан и красивую Фонтанж, и когда великий король Генрих IV, несмотря на свою слабость, бегал, переодетый в ливрею, за каретой очаровательной княгини Конде.

Император не только оплатил все расходы короля и королевы Пруссии во время их пребывания в Петербурге, но и окружил их самой деликатной заботливостью и предусмотрительностью. В честь их в Зимнем дворце состоялись роскошные празднества, между прочим фейерверк, стоивший громадных денег, и бал, в котором приняли участие более двадцати тысяч лиц в характерных костюмах. Прусская королева появилась на нем в великолепном русском костюме, оцененном в сто тысяч рублей: она нашла его перед балом в своей уборной. Вот как Александр умел сострадать невзгодам августейших лиц и уважать их!

Честолюбие, которым питался гений Наполеона, побудило его предложить императору Александру второе свидание, которое на этот раз состоялось в Эрфурте. И здесь-то, как рассказывают, политика этого человека, ненасытно стремившегося к славе и победам, развернула перед взорами мудрого и умеренного государя гигантский проект разделения мира посредством возобновления Западной и Восточной империй. Если проект этот не имел последствий, надо это приписать исключительно умеренности Александра. Какая громадная сила получилась бы от соединения военного гения Наполеона с силами и мощью России!

В то время еще не рассеялось увлечение Александра по отношению к Наполеону, то очарование, которое поддерживалось всепокоряющей славой, перед которой все сдавалось и которая сама должна была впоследствии сдаться тому, кто дает власть государям. Рассказывают, что на том же эрфуртском свидании Александр, присутствуя вместе с Наполеоном на представлении «Эдипа», вдруг встал при произнесении стиха: «Дружба великого человека — благодеяние богов» и, обняв Наполеона, применил к нему эти слова. Я не ручаюсь за достоверность этого факта, вернее анекдота; но я слышала от императора Александра, что во время пребывания его в Эрфурте ему приходилось постоянно присутствовать на представлении трагедий; и такой печальный выбор пьес он приписывал мрачному, трагическому характеру Наполеона.

Вскоре после эрфуртского свидания Наполеон, расторгнув свой брак с Жозефиной и желая, посредством блестящего прочного союза, утвердить и продолжить свою династию на престоле, поручил просить у русского императора руки его сестры, Великой княжны Екатерины. Александр, по-видимому, был расположен исполнить желание Наполеона. Но императрица Мария и сама юная княжна, женщина с сильным характером, всегда относившаяся отрицательно к континентальной системе, которую Александр принял против собственного желания, — выказали в этом случае такую твердость, такое сопротивление, что император должен был уступить; и Наполеон, быть может, впервые после своего возвышения получил отказ. Впервые счастье изменяло ему! Его блестящий брак с эрцгерцогиней Марией Луизой изгладил сами следы мимолетного унижения и, внушив ему веру в неизменность фортуны, вновь преисполнил сердце его гордыней. Между тем Провидение уже наметило предел ее. Злой рок долженствовал поразить свою знаменитую жертву в пустынях России, при свете пылающей Москвы, среди северных морозов и снегов; здесь-то он должен был обрушить на голову Наполеона те невзгоды, которые честолюбие его навлекло на весь мир, и подвергнуть медленной, жестокой смерти на скале, среди морей, того, кто жаловался, что задыхается в старой Европе.

После трех лет мира император Александр решился, если не объявить войну французам, то по крайней мере отказаться от континентальной системы. Тем не менее нельзя было надеяться, что Наполеон уступит в этом важном вопросе своей политики. Равным образом, Александру было невозможно закрывать далее глаза на печальное положение, в которое повергло империю полное прекращение торговли. Притом, можно ли было ожидать предела этой системы, более пагубной для предпринявших ее,

чем для тех, против кого она была направлена? При своих колониях и кораблях не располагала ли Англия всеми морями? Для постоянного отпора Франции политика Англии не была ли выше политики Наполеона, который умел действовать лишь при посредстве бомб, пушек и миллионов людей? Наконец, как последний ресурс, не имела ли она на своей стороне Испанию и Веллингтона?

ГЛАВА IV
События в России, предшествовавшие войне 1812 года. Пребывание Александра в Литве. Анекдоты

В 1812 г. совершились самые достопамятные в истории события. Император Александр, который со времени своего восшествия на престол лишь один раз почтил Вильну своим присутствием, вдруг объявил, что он избирает этот город своей главной квартирой. Войска стягивались с границ России в различные пункты Литвы. Император только что закончил завоевание Финляндии, и его дружеские отношения с маршалом Бернадотом, в то время шведским наследным принцем, вполне обеспечивали его против всякой опасной диверсии со стороны севера. Победитель в Молдавии, генерал Кутузов, заканчивал славную кампанию заключением с турками выгодного мира.

Как ни хорошо охранялись тайны русского кабинета, легко было угадать, что Франция являлась предметом всех этих движений, что вскоре должна была разразиться война. Но в какой местности? Этого никто не мог предвидеть, ибо ни одна весть из заграницы не проникала в страну, даже в главную квартиру. Со свойственной ему осторожностью император почувствовал, что пребывание его в Литве, его личная обаятельность, приветливость, его милости, — привлекут к нему всех литовцев и оградят их от соблазнов, которыми Наполеон хотел повлиять на их патриотизм. Прибытие Александра в Вильну совершилось в начале марта 1812 г. К этому-то времени относятся главным образом мои воспоминания об этом прекрасном государе. Я заранее прошу моих читателей не упрекать меня в тщеславии, если, говоря об императоре Александре, я должна буду упоминать и о самой себе: скромная полевая лилия подчас растет рядом с величественным кедром!

Моему отцу пришлось уступить свое помещение Великому князю Константину. Сам он взял другую квартиру, а меня отправил к почтенным друзьям в имение, недалеко от Вильны. Выехав из города, я поражена была бедностью сельских жителей: приостановка торговли лишила их предметов первой необходимости, как например, соли, сельдей и т. п.; а плохой прошлогодний урожай, проход войск и постоянная доставка

армии провианта — совсем их разорили. Частные лица принуждены были в огромном количестве снабжать различными предметами военные магазины, а правительство в неопределенные сроки выдавало им квитанции. Бедствие, по обыкновению, обрушивалось на низший класс. Бедные крестьяне, перевозя провиант, лишались своих лошадей и даже скота. Сердце мое сжималось при виде этого печального зрелища, вызывавшего во мне досаду на императора, как будто он виновен был в тех бедствиях, которые естественным образом предшествуют войне, не говоря уже о последующих неизбежных ее бичах. В то время был Великий пост, строго соблюдаемый всем населением империи, в том числе и самим императором. Поэтому нельзя было ознаменовать присутствие государя блестящими торжествами; но император часто делал честь некоторым лицам из виленского дворянства и приглашал их к своему столу. Днем император занимался государственными делами, принимал и отсылал курьеров, присутствовал на парадах, на военных учениях и делал длинные прогулки верхом в окрестностях Вильны, которые он по справедливости находил прелестными.

В нашем тихом уединении, украшенном искусствами и дружбой, мы узнали, мои приятельницы и я, что император будет делать смотр отряду войск, квартировавшему в Шавли, в Самогитии, и что мы поэтому будем иметь счастье увидеть государя, который неизбежно проедет через Товиани, местность, известную красотой замка и садов, разбитых по-английски. Государь уже неоднократно был в этих местах. В Товиани для Его Величества было отправлено сорок лошадей. Не зная, будет ли здесь лишь перепряжка лошадей или же император остановится и отобедает в Товиани, граф Морикони с супругой стали готовиться к торжественному приему.

Признаюсь, особое оживление, возвещающее о прибытии государя и предшествующее ему, быстрая смена противоречивых вестей, общая суета, приказы и отмена их, движение курьеров, лакеев, полицейских чинов, почтмейстеров, генералов и т. д., сменявших друг друга с быстротой молнии, — все это крайне меня забавляло. Никогда я столько не смеялась: и надо сознаться, что мои юные подруги дружно вторили мне, и достаточно было весьма немногого, чтобы вызвать нашу веселость.

Наконец, 27 апреля 1812 г., император Александр приехал в Товиани около семи часов вечера, в открытой коляске. Он всегда так путешествовал в какую бы ни было погоду, ночью так же. как и днем. На крыльце его встретил граф Морикони. При виде этого почтенного старика в форме мальтийского командора, со многими орденами, который едва мог стоять на ногах вследствие

паралича, разбившего его несколько лет раньше, император сейчас же заметил, что он страдает, и сам поддержал его с видом участия и заботливости. Увидев хозяйку дома, ее двух племянниц и меня, Его Величество в самых вежливых выражениях извинился, что он в форменном сюртуке, так как не ожидал встретить здесь дам. Затем, предложив руку графине Морикони, чтобы ввести ее в гостиную, император хотел поцеловать у нее руку. Графиня Морикони, из уважения к государю, не желала допустить такого знака почтения, вполне для нее неожиданного; и так как она была очень небольшого роста и, приседая, склонялась весьма низко, император, со своей стороны, наклонился почти до земли; и мне опять очень трудно было удержаться от смеха.

Графиня Морикони представила затем своих двух племянниц, г-жу Грабовскую (ныне княгиня Радзивилл) и г-жу Доротею Морикони (ныне графиня Лопасинская) и меня. Император пригласил дам сесть; старого графа он насильно усадил в кресло с трогательной заботливостью; а сам, стоя, стал говорить о Вильне, высказывая самые лестные вещи о местном обществе и о бале, данном накануне его отъезда. В ответ на эти комплименты мы сочли долгом заговорить о Петербурге. Император спросил нас, знаем ли мы его, и на наш отрицательный ответ сказал: «Так я вас, mesdames, приглашаю в Петербург; надеюсь, что вы найдете его соответствующим вашим ожиданиям.» Он несколько раз повторил, что смущается своим костюмом в обществе дам, и рассказал нам, что нечто подобное случилось с ним близ Варшавы, в Вилланове, старинной резиденции короля Яна Собеского. «Я крепко спал, когда приехал туда. — сказал нам государь, — представьте мое удивление и смущение, когда, проснувшись, я вдруг увидел себя окруженным прелестными, остроумными женщинами, в ярко освещенном замке, полном воспоминаний о короле Яне!»

Император наговорил много комплиментов г-же Морикони о ее замке и парке, на который он пожелал взглянуть из окна. В этот год весна так запоздала, что в конце апреля не было еще и признака зелени. Обеденный час уже прошел; но государь согласился выпить чашку чая; а когда вскоре доложили, что экипажи готовы, государь милостиво попросил г-жу Морикони не провожать его; любезно поклонившись всем провожавшим его, он сел в экипаж с обер-гофмаршалом графом Толстым.

Признаюсь, при первом взгляде, я не особенно была поражена красотой государя. Обаяние его заключалось главным образом в кротости выражения открытого, веселого лица. Должна также откровенно сознаться, что я не могла представить себе государя в сюртуке. Наконец, если мне позволят сказать правду, — я нашла,

что он недостаточно величествен, слишком любезен, слишком заставляет забывать о его высоком положении. Я не могла привыкнуть к преувеличенным любезностям, выражениям уважения и почтения, с которыми он обращался к женщинам и которые в моем представлении превосходили все, что мы знаем об изысканной галантности Людовика XIV. Мы узнали от генерала Армфельда, командовавшего в то время в Финляндии, и от г-на Чернышева, адъютанта Его Величества, что император вернется через Товиани. Г-н Чернышев, который благодаря своим поездкам в Париж и возлагавшимся на него тайным поручениям пользовался известностью, к которой он не был равнодушен, — г-н Чернышев, казалось, обожал государя, которого он прозвал «прельстителем.» Через три дня после отъезда Его Величества приехавший из Шавли курьер привез письмо от князя Волконского с извещением, что Его Величество предполагает приехать на следующий день вечером к графине Морикони на чашку чая. Так как император должен был остановиться в Вилькомире, чтобы присутствовать на смотре, главный директор почт, который заведовал отводом помещений для Его Величества, намекнул графине Морикони, что было бы уместно предложить императору провести ночь в Товиани, что здесь ему было бы гораздо удобнее, чем в маленьком уездном городе, грязном и наполненном евреями; он уверил ее, что император охотно примет ее приглашение. Графиня Морикони, пожилая дама, не любившая стеснений этикета, притом, страдавшая от застуженного насморка, ответила, что она недостойна такой великой чести; в то же время она тихонько ущипнула меня за руку, давая понять свою досаду. Пришлось наскоро очистить апартаменты графини, ее племянниц и их горничных, чтобы приготовить их для императора. Целая толпа горничных, молодых и старых, ходили взад и вперед, что-то несли и опрокидывали все, что несли; можно было помереть со смеху, глядя на этот беспорядок. Лакей Его Величества приказал наполнить сеном сафьяновый мешок, обычная постель Александра, всегда спавшего на жестком матрасе; при этом он с важностью сказал нам, что император никогда не допустит, чтобы из-за него беспокоились, и стал нас уверять, что ему будет слишком хорошо. В сумерки, в то время, когда в доме зажигали огни, я увидела в окно толпу мужиков и баб, которые после дневных работ возвращались в свои скромные избы и пели печальные литовские песни… Простота, спокойствие этих добрых людей представляли поразительную противоположность волнению, царившему в замке; я это заметила графине Морикони, вдове генерала того же имени, очень достойной особе,

благоволившей тогда относиться ко мне как к своей приемной дочери. В то время, как мы спокойно беседовали, нам доложили, что едет император. Хозяйка дома прибежала, запыхавшись; мы усадили ее на минуту, чтобы дать передохнуть, и затем все вместе пошли встречать императора. На этот раз Александр был в вышитой золотом генеральской форме, с перевязью; это уже не был государь в сюртуке. Он остановился переодеться на ферме, принадлежащей к замку. Государь, вспомнив про нездоровье г-жи Морикони, участливо спросил, как она себя чувствует, и каждой из нас сказал приветливое слово. Он сказал нам, что он торопился, чтобы поспеть к обеду в Товиани, но дурные дороги задержали его. Тогда г-жа Морикони, которую мы толкали, осмелилась просить императора сделать ей честь — остаться ночевать в замке. Государь объявил, что ни за что не захочет до такой степени затруднять ее, что помещение в Вилькомире уже готово и т. д. За этим пошли новые просьбы, ибо ясно было, что отказ вызывался лишь чувством деликатности. Мы призвали на помощь графа Толстого, который, узнав, что он сродни г-же Морикони через брак его дочери с князем Любомирским, племянником графини, тотчас обратился к императору тем фамильярным тоном, который он себе дозволял с ним: «Ваше Величество, согласитесь остаться здесь, так как это я, в качестве родственника, являюсь здесь хозяином!» Император был, видимо, удивлен, и Толстой поспешил объяснить ему это родство. Тогда, обратившись к графине Морикони, государь сказал: «Графиня, я к вашим услугам; но умоляю вас не беспокоиться для меня». Граф Толстой вышел, чтобы послать курьера в Вилькомир к военному министру Барклаю де Толли. Когда все уселись в круг, император спросил у графини Морикони, не употребляет ли она очень известное в Петербурге средство от кашля, прибавив, что, если средства этого у нее нет, его доктор может достать его. Возвратившийся в гостиную граф Толстой стал уверять, что он берется вылечить от насморка лепешками из придорожника. Император пошутил над его медицинскими познаниями, прибавив, что надо остерегаться его советов. «Как! Ваше Величество, — возразил Толстой, — я давал этих лепешек Вашей maman; императрица-мать только этим и лечится от насморка, и очень одобряет это средство.»

Император стал затем говорить о своей поездке по Литве, о нескольких красивых местностях по Неману, о земледелии вообще и т. д. Вдова Морикони, по-моему, с успехом поддерживала разговор; мы несколько раз обменялись взглядами, и по глазам было видно, какое я испытывала удовольствие. Император сказал ей несколько комплиментов по поводу ее

агрономических познаний. Император спросил затем, не занимаемся ли мы музыкой; графиня Морикони ответила, что племянница ее поет. Государь выразил желание послушать ее. Все встали, и Александр стал около фортепиано. M-lle Доротея сказала ему, что она от страха с трудом переводит дыхание. «Умоляю вас, — сказал государь, — забудьте, что около вас император.» В то время, как она пела, Александр перевертывал страницы, и по окончании арии он обратился к ней с лестными комплиментами о ее таланте. Потом он спросил меня, занимаюсь ли я также музыкой. Но я поспешила ответить, что у меня самые заурядные способности.

Император долго говорил о музыке и пении, упомянул о г-же Фракк, метода которой нравилась ему более, чем голос, который, впрочем, был очень красив и обширен, о Ромберге, Роде, Стейбельте, авторе оперы «Ромео и Джульетта», которой я осмелилась открыто предпочесть оперу Цингарелли, и т. д. Государь жаловался, что императрица Екатерина никогда не хотела дозволить ему учиться игре на скрипке, несмотря на его любовь к этому инструменту: государыня справедливо боялась для своего внука потери времени, которую неизбежно влекут за собой музыкальные занятия. Император сообщил нам также, что в Петербурге постом даются только концерты, а балов не бывает. «У нас обряды, — сказал он, — строже, чем у вас.» Он попросил затем m-lle Доротею спеть национальную песнь, — если она не сочтет эту просьбу злоупотреблением ее терпения.

Между тем приехал князь Волконский и г-н Вилье. Император стал шутить по поводу того, что они запоздали, и сказал, что они путешествовали, как черепахи. «Хорошо императору смеяться над нами, — сказал мне князь, — он берет на подставах лучших лошадей, а нам оставляет только плохих». «Знаете, Вилье, — сказал Александр своему доктору, — Толстой посягает на ваши права и дерзает давать советы». Удивленный англичанин ничего не понял из этой речи; за этим последовало объяснение в виде приятного шутливого разговора. В то время, как моя приятельница пела, я разговаривала с новоприбывшими, о которых никто не думал, так как все были заняты одним лишь императором. Когда я подошла к фортепиано, я услышала, что беседа ведется на иностранных языках, причем император утверждал, что одни польки знают несколько языков, и прибавил, что он очень любит и понимает польский язык. Я тогда сказала, что Великий князь Константин, говорят, прекрасно читает и даже пишет по-польски. «Да, — отвечал император, — мой брат этим хвастается; но писаний его я не видал, а говорит он по-польски не совсем правильно».

Зашла также речь о близости русского и польского языков, о сходстве нескольких слов; император, улыбаясь, заставил меня повторить русское слово, которое я дурно выговаривала.

Через некоторое время Александр пожелал удалиться, говоря, что он не хочет долее беспокоить нас, что мы, верно, желаем отдохнуть. Так как, при всем желании, никто не смел удерживать императора, я воскликнула: «Ваше Величество, верно, считает нас совсем провинциалками?» Добрый государь засмеялся и, обернувшись ко мне, сказал: «Нет, я, конечно, этого не думаю; но я думаю, что в деревне благоразумно ложиться рано». Толстой пришел сказать ему несколько слов на ухо; дело шло об ужине. Император спросил графиню Морикони, имеет ли она обыкновение ужинать, и на утвердительный ее ответ сказал: «Я не ужинаю, но я буду сообразоваться с обычаями дома». Разговаривая со вдовой Морикони, он пожелал узнать, проводит ли она зиму в городе или в деревне. Она ответила, что раньше она жила зимой в Вильне, но что теперь обстоятельства всех заставляли сокращать расходы. «Да, — заметил государь, — и будущее внушает еще больше опасений». Фраза эта заставила нас призадуматься. «Поэтому, — прибавила г-жа Морикони, — я завидую моей семье, которая имеет счастье жить в глубине Белоруссии». — «Конечно, это дальше от границ, но я еще надеюсь, что все уладится». — «Дай Бог!» — сказала графиня.

Подали ужин. Император предложил руку хозяйке дома, чтобы перейти в столовую, которая так же, как и стол, была украшена цветами. Он отказался занять приготовленное ему почетное место и, с очаровательной живостью переставляя приборы, сказал: «Я вас прошу, позвольте мне быть простым смертным, — я тогда так счастлив». — «Это отдых для Вашего Величества», — сказала вдова Морикони. Император сел между этих двух дам и услуживал им. Подняв стакан венгерского вина, он выпил за здоровье хозяйки, говоря: «Ведь это по-польски называется have wino (старое вино)?»

Государь уверял также, что он и его три спутника делали честь ужину, и, указав на князя Волконского, заметил: «Вот великий едок, посмотреть, как он ест, не подумаешь, что он уже обедал». — Князь Волконский сказал мне с некоторой досадой: «Хорош обед! Яйцо и полцыпленка»! — «Да, прибавил граф Толстой, император никогда не хочет брать во время своих путешествий ни поваров, ни провизии; он довольствуется той едой, которая попадается в пути». И затем, обратившись к Александру, он воскликнул: «Что же, Ваше Величество, вы сожалеете, что остались здесь, вместо того чтобы отправиться в Ваш противный Вилькомир?» — «Нет, не жалею, — отвечал

император, — я давно уже не проводил такого приятного вечера». Так как присутствующие восхищались памятью государя, с изумительной точностью помнившего названия всех лиц и местностей, им посещенных в различные его поездки по Литве, государь сказал: «Мне поневоле приходится иметь память за обер-гофмаршала и за себя, потому что у него-то ее совсем нет. Когда он мне о ком-нибудь рассказывает, он всегда говорит: „Ваше Величество, вы знаете, это такой-то“, и затем сочиняет целую историю!» Маршал с этим согласился. Я захотела испытать его и стала расспрашивать о последнем его путешествии. «Я не помню, — сказал он, — но я спрошу у государя». И он так и сделал.

После ужина Александр подошел ко мне и спросил, не потому ли Толстой так долго разговаривал со мной, что он хочет тоже быть моим врачом. В самом деле, я заметила, что император наблюдал за нами при помощи маленькой лорнетки, которую он всегда прятал в рукаве своего мундира и часто терял. Я ответила, что, наоборот, это я испытывала терпение и в особенности память обер-гофмаршала. «По какому же поводу?» — «Да по поводу его путешествия, и, к сожалению, он все ошибался» — «О! никто неспособен на такое чудо, чтобы заставить его что-либо помнить», — сказал император.

Перед тем, как удалиться, государь отвел в сторону графиню Морикони, говоря, что у него к ней большая просьба Вступление это очень нас заинтересовало. Александр хотел, чтобы никто на следующее утро не беспокоился провожать его. Г-жа Морикони настаивала, но государь с поклонами удалился. Мы попросили тогда у графа Толстого и князя Волконского разрешения ослушаться государя. Господа эти ответили, что они не берут это на себя, но что они сейчас же обратятся за разрешением к императору. Государь вернулся и стал уверять, что у него будет на совести, если графиня Морикони, уже и так простуженная, встанет рано утром. Она сказала, что чувство неисполненного долга гораздо более отяготит ее; а я прибавила, что мы готовы подвергнуться последствиям нашего непослушания. M-lle Доротея Морикони, со своей стороны, сказала, что мы встанем раньше вилькомирских солдат. Мы говорили все зараз. Император по очереди смотрел на нас своим выразительным взглядом, улыбался, мило выражал на своем лице нетерпение, уходил, возвращался; все эти переговоры, казалось, забавляли его, и во всех его движениях было много живости и грации. Наконец, поцеловав у нас руку, он удалился в свои покои. На следующее утро, в шесть часов, мы все собрались в гостиной, устремив взоры на дверь, из которой должен был выйти государь. Она вскоре

растворилась, и на пороге появился император. В эту минуту у него был очень величественный вид… С движением, полным достоинства и грации, он подошел к хозяйке дома. «Графиня, — сказал он, — я должен сделать вам упрек. Вы приняли меня не как друга и старого знакомого; вы для меня обеспокоились и выселились из своих комнат. Вы поистине приняли меня слишком хорошо». — Затем император спросил, когда мы встали. «В два часа», — отвечали мы. Он покачал головой. Вдова Морикони сказала Его Величеству, что впечатления вечера разогнали сон. Перед отъездом император опять обратился с разными любезностями к графине Морикони, просил помнить его и предложил ей свои услуги в Вильне. Он не хотел, чтобы его провожали; но как только он вышел, мы последовали за ним до крыльца, где он скрылся за колонны, чтобы надеть свою шинель.

Император вскочил в коляску и должен был сам прибрать целую гору свертков, мешавших ему сесть. Он это исполнил с веселым видом, поджидая обер-гофмаршала, который, наконец, явился и уселся рядом с Его Величеством, после того, как, зацепившись руками за подкладку сюртука, он с трудом натянул его на себя. Этот неожиданный инцидент заставил нас смеяться до упаду, даже после отъезда Его Величества.

Александр оставил тысячу рублей для прислуги. Узнав, что приходский священник ожидал императора при его проезде, мы пошли к нему в село. Добрый старик вышел к нам навстречу и с умилением рассказал нам, что император, увидев, что он выходил из церкви в облачении и с крестом, велел остановить лошадей и, соскочив на землю, подошел к нему приложиться к кресту, который он поцеловал с благоговением. Когда священник хотел поцеловать у него руку, он ее тотчас отдернул, поцеловал руку у священника и уехал, осыпанный его благословениями. Это простое, но столь трогательное проявление благочестия и уважения к старости растрогало меня до слез.

Читатель, быть может, подумает, что удовольствие, вызываемое воспроизведением дорогих мне воспоминаний, увлекло меня в слишком длинные и мелкие подробности. Но для того, чтобы описать лиц, сыгравших важную роль на великой мировой сцене и оставивших среди людей чтимое имя, — недостаточно напомнить ознаменовавшие их великие деяния; надо, так сказать, шаг за шагом следовать за ними в их частной жизни; здесь-то человек выказывается в истинном своем свете! Почему нас так очаровывают исторические романы Вальтера Скотта, который с таким удивительным искусством часто ведет нас из одной комнаты и будуара в другие, — вплоть до спальни своих героев и героинь? Потому что он мысленно переносит нас к

тем лицам, действия которых он описывает; и иллюзия такова, что нам кажется, что мы их видим и разговариваем с ними. Почему все так любят мемуары и ценят их? Опять-таки потому, что в мемуарах описывается масса подробностей и обстоятельств, не допускаемых строгим тоном истории.

В ту эпоху, о которой я говорю, императору Александру было тридцать пять лет, но он казался несравненно моложе. Я помню, когда я спросила графа Толстого, как может император переносить столь утомительные путешествия, он сказал: «Взгляните на него, и вы перестанете удивляться». Несмотря на правильность и нежность его очертаний, несмотря на блеск и свежесть его цвета лица, красота его, при первом взгляде, поражала не так, как выражение приветливости, привлекавшее к нему все сердца и сразу внушавшее доверие. Его благородная, высокая и величественная фигура, часто наклоненная с той грацией, которая отличает позу античных статуй, в то время проявляла склонность к излишней полноте; но он был сложен прекрасно. У него были живые, умные глаза цвета безоблачного неба.

Он был несколько близорук, но умел очаровывать улыбкой глаз, если можно так определить выражение его приветливого и кроткого взора. Нос у него был прямой и правильной формы, рот небольшой и очень приятный; оклад лица округленный, так же, как и профиль, очень напоминавший профиль его красивой августейшей матери. Его плешивый лоб, придававший всему лицу его открытое спокойное выражение, золотисто-светлые волосы, тщательно зачесанные, как на красивых головах камей или античных медалей, — казалось, были созданы для тройного венца из лавра, мирта и олив. В его тоне и манерах проявлялось бесчисленное количество различных оттенков. Если он обращался к лицам высокого положения, тон его был полон достоинства и в то же время приветлив. К лицам своей свиты он обращался с почти фамильярной добротой; к пожилым дамам — с почтением; к молодым особам — с безграничной грацией, с тонким, чарующим взглядом, полным выражения. В ранней молодости государь, к сожалению, испортил себе слух от сильного выстрела артиллерийского снаряда; с тех пор он всегда плохо слышал левым ухом и, чтобы расслышать, наклонялся направо. Странно то, что чем более было шума вокруг, тем лучше император слышал. Ни один живописец не сумел, как следует, запечатлеть черты его лица и в особенности выражение его тонкой физиономии. Впрочем, Александр не любил, чтобы писали его портрет, и это обычно делалось украдкой. Более счастливый, чем его собратья, знаменитый Жерар получил от императора

Александра несколько сеансов. В портрете этого государя, как и во всех своих шедеврах, он выказал большой талант, хорошую кисть, и все-таки это еще не Александр. Жерар хотел придать ему вид завоевателя, воинственный вид, который не согласовался с кроткими чертами умиротворителя Европы, государя, который хотел не победить, а восстановить французскую монархию. Жерару удалось сделать лишь прекрасную картину. На этот раз скульптура одержала верх над своей сестрой живописью; и мы видели бюст Александра, исполненный берлинским художником, не оставляющий желать ничего лучшего. Торвальдсен тоже сделал бюст этого государя, — бюст, который, говорят, достоин этого великого художника.

ГЛАВА V
Нарбонн. Празднества, данные в Вильне в честь императора Александра. Различные эпизоды

Вскоре после возвращения императора Александра в Вильну туда прибыл граф Нарбонн, посланный Наполеоном, по-видимому, не столько чтобы избежать разрыва или обеспечить сближение, как для тою, чтобы украдкой бросить взгляд на положение русской армии, ее силы, планы и т. д. Светский человек, любящий удовольствия, приятный, блестящий, но непостоянный ум, стыдившийся тех различных приемов, которым он следовал, и самой роли, которую он играл, чуждый того апломба, той важности взглядов, которые притом и несвойственны фальшивым положениям, — граф Нарбонн не годился для дипломатической миссии. В молодости он начал с того, что был в свите принцесс из королевского дома, которые осыпали его милостями и неоднократно приходили ему на помощь, ибо склонный к расточительности он не имел состояния. В эпоху революции Нарбонн выказал неблагодарность по отношению к этим принцессам. Увлеченный г-жой Сталь и несколькими другими лицами, он воспринял революционные идеи. Будучи министром Людовика XVI в то время, когда этот государь был королем лишь по названию, Нарбонн принял меры против иностранных войск, прибывших на помощь Людовику. Подозрительный для революционной партии, так же, как презираемый роялистами, он покинул Францию в период террора.

После нескольких лет скитаний он вернулся в свое отечество в тот момент, когда Наполеон взял в руки бразды правления. Ценой долгих хлопот и просьб Граф Нарбонн получил от Наполеона сначала место министра в Мюнхене, затем генерал-адъютанта. Наполеон при этом остановил свой выбор на Нарбонне, так как среди этого двора, пропитанного военным духом, быть может, он один сохранил прежний этикет и приемы обращения; и поэтому он один был достоин, чтобы его выслушал государь просвещенный и вежливый, каким был Александр. Тем не менее, несмотря на изящную легкость своей речи, Нарбонн в аудиенции, которую дал ему Александр, не мог привести ни единого аргумента в пользу своего повелителя.

Государь так ясно, с таким благородным красноречием

изобразил умеренность своего образа действий, свои справедливые обиды, невозможность согласовать сделанные ему предложения с честью своей короны, с интересами империи и со своим желанием избежать пролития человеческой крови, — что Нарбонн, ослепленный, смущенный, ничего не мог возразить на эту речь. После аудиенции он сказал одному из своих друзей: «Император стоял на твердой почве, в рассуждениях его столько логики и силы, что мне оставалось сказать лишь несколько банальных придворных фраз».

В тот же день Нарбонн присутствовал на большом смотру и обедал у императора, который велел передать ему богатый подарок, ящик, осыпанный бриллиантами и украшенный его портретом. Желая переговорить с поляками, к которым у него были письма, Нарбонн хотел продолжить свое пребывание в Вильне. Но на следующий день после аудиенции император прислал ему с дворецким самые изысканные яства на дорогу; вслед за тем граф Кочубей и граф Нессельроде сделали ему прощальные визиты. После этого Нарбонн почувствовал, что уже не может откладывать долее своего отъезда, тем более что курьер императора пришел доложить ему, что почтовые лошади заказаны к шести часам вечера. Чувство глубокого восхищения Александром, изумление при виде выдержки и сил русской армии — вот что вынес Нарбонн из этого посольства.

Вскоре я узнала в Товиани, что государь соблаговолил назначить фрейлинами при императрицах девиц Доротею Морикони, Марию Грабовскую и меня, а также двух молодых особ, в то время находившихся в Вильне, а именно девиц Гедрой и Вильхонскую. Император сам передал моему отцу три футляра с бриллиантовыми значками, изображавшими соединенные шифры императрицы-матери и императрицы Елизаветы; при этом государь любезно указал ему на то, что он этим уплачивает долг товианского гостеприимства. Мой отец приехал тогда за мной, чтобы везти меня в Вильну.

На следующий день после моего приезда я отправилась в церковь, где император должен был присутствовать при богослужении. Был воскресный день. В церкви собралось многочисленное, блестящее общество. Я в первый раз присутствовала при торжественном православном богослужении. Я нашла, что облачение архимандритов[6], их широкие фиолетовые мантии, длинные, распущенные волосы, спускавшиеся на грудь, волнистые бороды, наполнявшее церковь благоухание ладана, золоченые двери, которые в определенные службой моменты открывались и закрывались, — все это подходило к величественности христианского богослужения. В

особенности пение без инструментального аккомпанемента поразило меня красотой своей божественной простоты. Пела Петербургская Императорская капелла. В этот самый день, в то время, как мой отец обедал при дворе, обер-гофмаршал подошел к нему и сказал: «Ваша дочь будет ли дома сегодня вечером? Император предполагает посетить ее и даже написал императрице, что он сделает визит одной фрейлине. И возможно, — прибавил, смеясь, граф Толстой, — что император при этом не принял в расчет хозяина дома». Тогда отец написал мне карандашом записку, чтобы предупредить меня, и послал ко мне придворного курьера.

Император приехал около семи часов вечера, в дрожках. Отец мой встретил императора внизу, на лестнице; я приняла его у двери прихожей и в кратких словах выразила, как я счастлива, что государь соблаговолил предупредить своим посещением выражения моей почтительной благодарности.

Император стал уверять, что мне не за что благодарить его; что, наоборот, он благодарит меня за все мое внимание к нему в Товиани, и добавил, что он явился, чтобы выразить мне свое нижайшее почтение. Я привожу эти слова, чтобы дать понятие о свойственном этому государю рыцарском обращении. Входя в гостиную, государь потребовал, чтобы я села на диван; сам он взял стул и положил шляпу на пол.

Так как мой отец продолжал стоять, несмотря на обращенное к нему Его Величеством приглашение сесть, — государь вдруг встал со словами: «Если вы не сядете, граф, я тоже буду стоять»

Мой отец повиновался.

Император стал говорить о Товиани и, смеясь, сказал моему отцу, что я обвинила его в том, что он будто бы принял меня за провинциалку. Затем он обратился ко мне тоном просьбы, тогда как он мог приказать, и спросил, не приеду ли я в Петербург? Так как я опустила глаза, не отвечая на это несколько смутившее меня предложение, государь, продолжая, сказал тоном столь пленительной мягкости: «Так разве это невозможно?» — «Ваше Величество, — отвечала я наконец, — я сочту это за счастье».

«В данный момент, — продолжал император, — не время приезжать в Петербург. Но я надеюсь, что вы приедете позднее, и мы постараемся как можно лучше принять вас и доставить вам разные развлечения». Государь очень хвалил окрестности Вильны; и так как я говорила о красивых загородных домах в окрестностях Петербурга и о красоте Невы, государь сказал: «Да, искусство все у нас сделало, чтобы победить природу; ведь Петербург расположен среди диких болот. Мы все покажем вам, когда вы приедете. У нас ужасный климат, — прибавил он, — когда у нас в

сезоне наберется пятнадцать хороших дней, мы говорим, что лето было чудное». Император сообщил мне, что он только что приобрел имение генерала Беннигсена, Закрет, в полуверсте от города; что он теперь виленский гражданин и приобрел право носить местный мундир. Я осмелилась выразить сожаление, что государь не приобрел Верки, старинную, красивую резиденцию виленского епископа, князя Массальского; его обширный замок, лучшей итальянской архитектуры, расположен на лесистой горе, откуда открывается обширный вид на окрестные деревни, на Вильну, отстоящую от него на расстоянии одной мили, и на протекающую у подножия горы Вилию. Император ответил, что такая прихоть стоила бы слишком дорого для него, и прибавил к этому другую шутку, — что имение это должен бы приобрести мой отец. Граф возразил, что он отец семейства. «Так что же, — отвечал государь, — тем более: вы дадите это имение вашей дочери, которая будет там хозяйничать, и это будет прелестно».

Разговор скоро принял более серьезный оборот: он перешел на политические темы. Не высказываясь по вопросу о современных обстоятельствах, император стал уверять, что намерения его самые миролюбивые; что во всяком случае он решил не предпринимать враждебных шагов; наконец, что счастье его подданных всего ему дороже и что бедствия настоящего времени доставляют ему много страданий. Мой отец сказал, что литовцы сожалеют, что эти несчастные обстоятельства не позволяют им высказать всю их преданность Его Величеству; все они знают, что император хочет быть отцом своих подданных. Император ласково ответил, что он постарается оправдать снисходительное о нем мнение.

Уезжая, Александр со свойственной ему преувеличенной милой любезностью извинился передо мной, что он докучал мне и злоупотребил моим терпением. Мои подруги из Товиани тоже ездили в Вильну благодарить государя, который сделал им визит в моем присутствии. Вспоминаю одну фразу императора, которая произвела большую сенсацию среди поляков его свиты, узнавших о ней через меня: быть может, они дали ей другое истолкование, чем то, которое имел в виду государь. Подали чай; государь взял хрустальный кубок со сливками и подал его дамам. Когда настала моя очередь, он спросил, сколько мне налить сливок. «Ваше Величество, я пью чай по-английски», — отвечала я. «Лучше бы по-польски», — сказал Александр со свойственным ему тонким взглядом.

В то время в Вильне занимались подготовлением к празднеству в императорском доме, в Закрете. Над нашими головами готова была разразиться гроза; и между тем все

беспечно думали лишь об удовольствиях и о том, какое счастье иметь Александра в Вильне. Мы не только не предвидели его отъезда и приближения к Неману наполеоновских войск, но мы не знали даже, что французы уже прошли через Германию. В Литву не пропускали никаких вестей; никогда еще политика не была окутана столь непроницаемой завесой.

В саду Закрета строили для танцевального зала окруженную колоннами длинную открытую галерею; в полукруге ее предполагалось устроить обширный луг. усеянный цветами. Работа эта поручена была казенному архитектору, профессору Шульцу. Мой отец, будучи в Закрете, заметил архитектору, что глубина фундамента не соответствует высоте галереи и толщине колонн. Шульц сознался, что замечание это вполне справедливо; но он сказал, что недостаток этот он исправит, соединив верхнюю часть колоннады со срубом крыши. На следующий день вся галерея обрушилась со страшным треском. По счастью, это случилось в обеденный час рабочих; тем не менее один из них был раздавлен при обвале. Обезумев при этом зрелище и, быть может, опасаясь, что его заподозрят в тайных сношениях с французами, не доверяя снисходительности государя, несчастный Шульц бежал. За ним бросились в погоню по его следам; но нашли лишь его шляпу на берегу реки: несчастный утопился! В самом деле, какой страшной катастрофой кончилось бы это событие, случись оно дня на два позднее, во время бала.

Государь, вся его военная свита, командовавшие войсками генералы, много известных лиц, — неизбежно погибли бы при этом ужасном крушении. Французы, не обнажив своих шпаг, выиграли бы целую кампанию.

Тем не менее празднество в Закрете состоялось. Я никогда не видала такого великолепного праздника и таких веселых прощаний; ибо, кроме посвященных в тайну лиц, никто не мог еще предвидеть, что бал этот будет сигналом отъезда государя и отступления русских войск.

В восемь часов вечера все собрались в парке Закрета. Вечер был прелестный, небо слегка заволакивало облаками как бы для того, чтобы предохранить нас от жаркого солнца. Дамы в покрытых цветами элегантных туалетах уселись в круг на паркетной площадке, на лужайке, занимавшей место галереи и украшенной благоухающими померанцами.

Толпа лиц, привлеченных любопытством и в особенности желанием созерцать своего государя, разбилась на отдельные кружки. Со всех сторон, в различных местах парка раздавались гармоничные звуки духовых инструментов: это музыканты императорской гвардии играли избранные номера. Блестящее

собрание разряженных женщин, военных в богатых мундирах и орденах с алмазами; рассыпавшаяся на зеленой лужайке огромная толпа, пестревшая разнообразными и блестящими цветами своих одежд, старые деревья, образовывавшие обширные пространства зелени; река Вилия, отражавшая в своем извилистом течении и лазурное небо, и розоватые оттенки солнечного заката; лесистые вершины гор, исчезавшие в туманном горизонте, — все представляло чудную картину. Но вот появился государь… и все взоры сосредоточились на нем одном.

Государь был в этот день в форме Семеновского полка, с отворотами небесно-голубого цвета, который удивительно шел к нему. Государь обошел круг дам, которым он не позволил вставать даже тогда, когда он к ним обращался; затем он вступил в разговор с некоторыми из присутствующих мужчин. Дам пригласили освежиться прохладительными напитками; затем государю предложили открыть бал на площадке, чтобы собравшаяся толпа могла насладиться этим зрелищем. Со свойственной ему любезностью государь согласился и пригласил на полонез г-жу Беннигсен, исполнявшую роль хозяйки бала; затем он танцевал с г-жой Барклай де Толли, потом со мной, и при звуках музыки мы поднялись в главную танцевальную залу, обширную и ярко освещенную.

Я не стану повторять здесь все комплименты, с которыми государь соблаговолил обратиться ко мне, так же, как ко всем присутствующим дамам: подробности эти заняли бы слишком много места, безграничная галантность государя не поддается описанию. Никто в такой степени не обладал искусством придать грациозный оборот самым обыкновенным выражениям, и удивительным тактом, проистекавшим не только от находчивости, но и от редкой сердечной доброты. Желая узнать, предполагаю ли я вернуться в Товиани или остаться с отцом, государь прибавил: «На месте графа я никогда бы не расставался с вами!» Государь удалился во время ужина, который был сервирован без всякого этикета на двух небольших столах, в саду. Было так тихо, что огни не гасли, и блеск иллюминации, озарявшей часть парка, фонтана и реки с ее островами, — казалось, соперничал со звездами и с мягким светом луны. Говоря со мной, император назвал луну, весьма, по-моему, непочтенно, — фонарем, заметив, что это лучшая часть иллюминации. Кто бы подумал, при виде любезности и оживления, проявленных в этот вечер Александром, что он как раз во время бала получил весть, что французы перешли Неман и что их аванпосты находятся всего в десяти милях от Вильны!..

Шесть месяцев спустя Александр говорил мне, как он страдал

от необходимости проявлять веселость, от которой он был так далек. Как он умел владеть собой!

Три дня после празднества в Закрете император покинул Вильну и отправился в свою главную квартиру, в Свенцяны. Надеясь, что пребывание Его Величества продолжится и не предвидя ожидавших нас событий, отец мой собирался устроить праздник в честь Александра.

В минуту своею отъезда государь издал красноречивый приказ по войскам, вызвавший всеобщий энтузиазм среди военных, восхищенных тем, что государь согласился стать во главе армии. «Я с вами, — сказал он, — на зачинающего — Бог!» Слова эти явились как бы вдохновением свыше. Какая разница между благородным, религиозным тоном, характеризующим приказы Александра, верившего лишь в правоту своего дела и более всего в заступничество неба, — и властным тоном приказов Наполеона, не признававшего другого божества, кроме того, которое он приковал к своей колеснице, — Фортуны!

Не одни русские войска покинули Вильну, но и частные лица из русских поспешили уехать со своими женами, детьми, со всем своим имуществом… Ввиду такой экстренной необходимости отъезжавшим были предоставлены все лошади города, а также частных лиц, за исключением моего отца. Между тем отец мой не стал даже из предосторожности прятать их, как сделали некоторые другие лица, поставившие своих лошадей на чердак, где полиция не догадалась искать их.

Прошло всего два дня между отъездом императора Александра и вступлением французов; но, вследствие волнения и тревоги, время это показалось нам смертельно долгим. На улицах не слышно было лошадиного топота, но люди бегали взад и вперед, сообщая друг другу тревожные и почти всегда неверные вести. Одни говорили, что под стенами города будет дано сражение, и советовали мне бежать в горы, так как пули разрушат наш дом. Другие, с бледными, перепуганными лицами, прибегали сообщить, что русские, отступая, подожгут город. Наконец, третьи уверяли, что они видели, как император Александр без мундира ходит по улицам и старается успокоить местных жителей, обещая не оставлять их. Генерал-губернатор Корсаков, уезжая, уверял моего отца, что бояться нечего. Изумление, недоумение, вызываемые ожиданием великих событий, не оставляли в моей душе места для тщетных страхов. Притом, последние не помогают в опасности и лишь убивают ту твердость духа, которая так необходима во всех обстоятельствах жизни.

ГЛАВА VI
Вступление французской армии в Вильну. Положение Литвы. Анекдоты

В ночь с 15 на 16 июня, н. ст., русские войска выступили из города в полном порядке и внушительном безмолвии. Нет, это не было бегство, как уверяли некоторые. В восемь часов утра отряд французской кавалерии марш-маршем бросился в город, чтобы отстоять подожженный русскими мост. Трудно передать волнение, которое я испытала при виде поляков, которые бежали во весь опор, сабли наголо, но с веселым видом, махая своими флагами национальных цветов, которые я видела впервые. Я стояла у открытого окна; они, проходя, поклонились мне. При виде этих истинных соотечественников сердце мое умилилось. Я почувствовала, что родилась полькой, что сознание это вновь пробуждается во мне; слезы радости и энтузиазма залили мое лицо. Это была чудная минута; но она промелькнула, как миг. Всюду царило общее опьянение. Во всем городе раздавались торжествующие клики; жители спешили вооружаться. Русские побросали много оружия в Вилию. Разные лица из подонков населения поспешили вытащить его из реки. Неуклюже нацепив эти орудия на свое рабочее платье, они ходили по улицам, собирались на площади городской думы, бросая в воздух свои шапки, с шумными патриотическими возгласами. Более мудрый и осторожный, мой отец основательно боялся этих патриотических движений. «Сумасшедшие! Безумцы! — восклицал он, — русские в нескольких шагах от нас: кто может предвидеть, куда они направятся и что затем воспоследует?» Я помню, что через три дня после вступления французов, при виде беспорядка, царившего в этой громадной армии, и отсутствия в ней дисциплины, непредусмотрительности вождей ее, их фаталистической веры в то, что они называли «счастьем императора» (этим громким словом французские офицеры и придворные Наполеона всегда отвечали, когда им возражали по поводу этой кампании), — при виде всего этого у моего отца явились роковые предчувствия относительно исхода этой войны. Шестьсот тысяч человек всех европейских национальностей, подчиненные наполеоновской политике, шли двумя линиями, без провианта, без жизненных припасов, в стране, обедневшей благодаря континентальной системе и недавно еще

систематически разорявшейся огромными контрибуциями. Один русский генерал предложил даже императору Александру опустошить всю Литву, вывести из нее всех жителей и оставить наполеоновским армиям лишь обширные пустыни. Но чувствительный Александр отверг эту меру, быть может, полезную, но жестокую и бесчеловечную. Были сожжены лишь все хлебные магазины и мельницы. Вступавшая в Вильну французская армия в течение трех дней терпела недостаток в хлебе. Всех городских булочников тотчас взяли в армию; и вопреки словам генерала Жамини, утверждавшего, что «с голоду умирают лишь в осажденном городе», голод жестоко дал себя знать виленским жителям, особенно тем, кто заранее не обеспечил себя жизненными припасами и мукой. Местности, расположенные на пути Великой армии, подверглись разорению и грабежу, жатва их была преждевременно срезана для кавалерии, поэтому они не могли удовлетворять запросам столицы и не смели даже высылать съестные припасы по дорогам, наводненным мародерами. Впрочем, беспорядки в армии являлись следствием взглядов вождя; ибо, перешедши Неман, Наполеон в приказе войскам объявлял, что здесь начинается русская территория. Вот как входил в Литву этот столь желанный освободитель! Вследствие этого приказа французские войска стали смотреть на Литву и относиться к ней как к неприятельской стране; и между тем, как ее обитатели, одушевленные патриотическим энтузиазмом, бросались навстречу французам, они вскоре подверглись разорению и оскорблениям со стороны тех, кого они считали орудием своего освобождения. Принужденные отдать на разграбление свои дома и поместья, они бежали в глубь лесов, унося с собой самое дорогое свое достояние: честь своих жен и дочерей. Рассказы о насилиях, совершаемых войсками в деревнях, ежедневно поражали наш слух и наполняли скорбью наши сердца. Вильна, казалось, превратилась в театр войны. Беспрерывно шли бесчисленные войска. Солдаты располагались на биваках среди улиц; раздавалось бряцание оружия, слышался звук труб, ржание лошадей и смесь различных наречий. И когда, утомленная зрелищами, последовательно представлявшимися моим взорам, я поднимала глаза к небу, чтобы отдохнуть на более отрадной картине, мне казалось, что и на облаках двигаются войска; и воображение мое с ужасом рисовало страшные видения Апокалипсиса.

Между тем пылкие французы, удивленные овладевшим всеми упадком духа, стремились отстранить все препятствия, уничтожить все затруднения. От Литвы требовали солдат и денег. Наскоро организовалось временное правительство; старались

пробудить национальное самолюбие посредством зажигательных речей. У вас нет патриотизма, — говорили французские чиновники, — нет стойкости и энергии. И литовцы говорили друг другу, чтобы подбодриться: «Мы подвергнемся разорению, но будем поляками!» Что могло поддержать при этом их уверенность? Французский Магомет даже не соблаговолил дать им иллюзии в залог их надежд и принесенных жертв.

Наполеон вступил в Вильну встревоженный и недовольный. Легкость этого завоевания некоторым образом пугала его. У него было достаточно здравого смысла, чтобы видеть, что отступление русских вызывалось не страхом перед его именем, но что оно скрывало глубоко задуманный план действий. «Я полагал, — сказал он, — что взятие Вильны обойдется мне, по крайней мере, в двадцать тысяч человек». Наполеон пришел в бешенство, узнав, что Россия заключила мир с Турцией и что он не может надеяться на благоприятную диверсию ни на юге, ни на севере.

Отсутствие съестных припасов, беспорядки в армии, ошибки принца Жерома, брата императора, постоянные потери, которые терпела кавалерия, — все вместе предвещало неизбежный печальный исход кампании; но роковой гений Наполеона толкал его вперед; и таким образом, от одной иллюзии к другой, он шел к своей погибели, отталкивая истину, как страшное видение, невыносимое для его взоров.

На общей аудиенции в императорском замке Наполеон в бессвязных, туманных, неясных словах объявил, что он иришел, чтобы восстановить Польшу, что в Варшаве собрался сейм для избрания короля, что сейм этот еще не знает, кто будет королем. Граф Нарбонн, находившийся в то время в Вильне, в свите Наполеона, на вопрос одного лица. ком\ предназначается польский престол, сказал, что, так как император и король одержим манией корон, вероятно, он себе присвоит и польскую корону.

Помню, как однажды в многочисленном обществе несколько французов, в виде развлечения, предложили дамам наметить избранника. Одна остановила свой выбор на самом Наполеоне, другие избрали его брата Жерома, неаполитанского короля, и даже маршала Даву. Я молчала. «А вы кого избираете?»' — спросили меня. «Я не имею чести знать всех этих господ», — отвечала я небрежно и рассеянно. Дамы были, кажется, поражены моим глупым ответом; но, мне думается, тот, кто обратился ко мне с этим вопросом, не совсем разделял в данном случае их мнения. В другой раз, проговорившись, я сказала еще большую наивность. Я тогда только что получила известие из имения от моего брата; мне прислали цветов, провизии и в то же время мне

сообщали, что армия не проходила через эту местность. Обрадованная этими хорошими вестями и забыв присутствие француза из дипломатического посольства министра иностранных дел, я воскликнула, обращаясь к моей подруге, тоже француженке: «Ах! M-lle T….! как они счастливы в P***, - они не видели ни единого француза!» Присутствовавший при этом француз не преминул отметить это выражение. «Вот как нас здесь любят!» — сказал он. Несколько смущенная моим восклицанием, я сказала, желая поправиться: «Я говорю не о французах, а об армии». — «Да, да, понимаю, — это грабители».

Среди всех бедствий, тяготевших над нашей страной, не говоря о тех, которые ей угрожали, над нами мелькнул луч надежды, проблеск мира. Он исходил от ангела, о встрече с которым мы сожалели, не надеясь когда-либо вновь его увидеть, — от Александра, который, желая сделать последнюю великодушную попытку избавить человечество от кровопролития, в первые же дня по вступлении Наполеона в Вильну послал генерала Балашова с предложениями мира, крайне выгодного для Франции и для Польши. Наполеон сначала сказал, что после объявления войны он считает за шпиона всякого представителя дипломатических сфер. Он, однако, согласился дать Балашову частную аудиенцию, принял епо вежливо и выразил ему свое удивление, что император Александр решил лично командовать войсками. «Это хорошо для старого капрала, как я», — сказал он. Он совершенно отбросил всякие мирные предложения, дав понять, что Рубикон перейден и что теперь уже судьба решит исход войны. Отпуская русского посла, Наполеон спросил у него: по какой дороге лучше всего идти к Москве. «К ней ведут несколько дорог, — с редкой находчивостью отвечал Балашов, — и можно даже взять путь через Полтаву».

Старый французский эмигрант с весьма известным именем, совершивший несколько путешествий по Франции в ту эпоху, когда в ней уже властвовал Наполеон, и который никогда не был представлен императору, находился в Вильне во время вторжения французов. Всем обязанный за себя и за свою семью русскому государю, который проявил к нему в его несчастьях самое благородное великодушие, этот француз испытывал естественное отвращение к тому, чтобы в какой-либо форме приветствовать властелина Европы, врага императора Александра. Тем не менее, так как старинный друг его семьи, близко стоявший к Наполеону, предупредил его, что он будет призван и подвергнут допросу самим Наполеоном, эмигрант этот решил добровольно представиться императору. В назначенный для аудиенции час камердинер ввел эмигранта и громко назвал его имя в той самой

приемной, где за несколько дней перед тем принимал император Александр. Наполеон встретил эмигранта приветливой улыбкой, сказал, что он был осведомлен о его последней поездке в Париж и, прохаживаясь с ним вдоль и поперек комнаты, поставил ему следующие вопросы:

— Вы видели здесь императора Александра?

— Я имел честь представиться ему.

— Он на самом деле правит государством?

— Он много работает со своими министрами; ему докладывают о всех важных делах.

— Я не то спрашиваю. Пользуется ли он на самом деле полной властью? Не влияет ли на него преобладающий над ним Сенат?

— Сенат в России представляет лишь высшее судебное учреждение, — суд последней инстанции. Насколько мне известно, у Сената нет ни возможности, ни желания бороться против верховной власти.

— Зачем русские так быстро отступили и не захотели попытать счастья в сражении здесь или в окрестностях города? У них в Вильне была позиция, которая обошлась бы мне в двадцать тысяч человек.

— Быстрое наступление французской армии, направляемой столь искусными генералами, вероятно, застигло врасплох русское войско, которое не сочло возможным бороться с ней.

— О нет! Вы ошибаетесь. Мы шли совсем не быстро; меня заставили потерять много времени… Я с сожалением начал эту войну, благодаря которой прольется много крови; император Александр, не соблюдавший условий Тильзитского трактата, принудил меня начать войну. Государь этот в своей ранней молодости получил плохое умственное развитие: он воспринял ложные филантропические идеи своего воспитателя, некоего Лагарпа. Поверите ли, в наших беседах в Эрфурте мне пришлось оспаривать его взгляды, будто бы избранное народом правительство более обеспечивает счастье народов, чем наследственная власть. Как будто надо быть божеством, чтобы править людьми! Случайность наследственности пригоднее для счастья людей, чем их собственный выбор.

Подобные слова изумительны в устах такого человека, если только он говорил искренно. Он продолжал в том же духе:

«Император Александр не любит этикета; он почти всегда без свиты. Таких же приемов держится мой тесть, австрийский император; он не раз выражал мне свое удивление при виде моей многочисленной свиты. Я отвечал ему, что французам надо импонировать даже внешним проявлением власти; и притом,

положение мое совсем иное».

Говоря о литовском дворянстве, он употребил грубое выражение, которое я здесь не повторю. И вообще он не считался с поляками, которые жертвовали ему своим со стоянием и своей жизнью. Он писал из Москвы герцогу Бассано, что одни женщины в Польше обладают умом и характером.

В своих инструкциях архиепископу де Прадту он советовал ему главным образом бережно относиться к женщинам в Польше, ибо они — все в этой стране.

ГЛАВА VII
Представление Наполеону литовских дам, в том числе автора мемуаров. Беседы с этим государем. Празднества

Во время своего пребывания в Вильне Наполеон потребовал, чтобы дамы явились на прием в замок. Недомогая нравственно, еще более, чем физически, я хотела уклониться от этого визита, но мой отец указал мне на положение, в котором он находился. Недоброжелательные лица представили его как сторонника русских, и если б не вмешательство неаполитанского короля, он бы даже не попал в представленный Наполеону список граждан. Видя, что избежать представлений мне нельзя, я объявила о своем намерении явиться в замок с шифром. Мой отец сначала колебался и сказан, что надо узнать, наденет ли его M-lle Ж., единственная из моих подруг, находившаяся в то время в Вильне. Я просила его ничего не узнавать. Я наскоро оделась, и очень неохотно, так как меня разбудили в пять часов утра, чтобы пригласить по приказу полиции явиться ко двору раньше полудня. Эти чисто военные приемы до последней степени не нравились мне, особенно по сравнению с приветливостью, изысканной вежливостью императора Александра и его свиты. Никогда еще я не надевала своего шифра с таким удовольствием, я скажу даже — с гордостью.

Я отправилась в замок вместе с несколькими дамами из моих знакомых, которые употребили все старания, чтобы убедить меня снять шифр. Они пытались напугать меня, говоря, что Наполеон — страшный человек и что он, наверно, наговорит мне неприятных вещей. Так как я довольно свободно выражала свой образ мыслей, они сказали: «Молчите ради самого неба, — разве вы не знаете, что сами стены передают ему все, что о нем говорите». Ничто не могло заставить меня изменить мое решение. Я ответила, что, быть может, мне придется повиноваться воле того, перед которым все уступает; но так как воля эта была мне неизвестна, я должна действовать именно так, как я решила. В самом деле, с моей стороны было бы столь же малодушно, как и неблагодарно отбрасывать, в присутствии счастливого и торжествующего противника, знаки благоволения государя, столь достойного быть любимым, и притом, в ту самую минуту когда

государь этот, казалось, был преследуем судьбой. Все мое сердце возмущалось при одной этой мысли. Признаюсь, я ожидала резкой выходки со стороны Наполеона и собиралась дать твердый отпор; но мне не пришлось получить этого удовлетворения. Он обратился ко мне, как будет видно дальше, с вопросами, на которые можно было дать лишь незначительные ответы. Все ответы, которые мне приписывали при этом случае и которые были даже записаны в альбомах некоторых русских, не соответствуют истине.

Когда меня назвали Наполеону, взгляд его внимательно устремился на мой бриллиантовый шифр с голубой кокардой. «Что это у вас за орден?» — спросил он. «Шифр Их Величеств, русских императриц». — «Так вы — русская дама?» — «Нет, Ваше Величество, я не имею чести быть русской». Впоследствии, на балу, данном в его честь, Наполеон, заметив стоявшую рядом со мной M-lle Ж., спросил у нее, почему, будучи также фрейлиной при русском дворе, она не надела своего ордена. M-lle Ж. ответила, что при данных обстоятельствах она не нашла нужным надеть его. «Почему же? — возразил Наполеон, — это придворное отличие, которое ничего не означает. Дарование этого значка — большая любезность со стороны императора Александра. Можно оставаться хорошей полькой и носить шифр», — прибавил он, обращаясь в мою сторону с приветливой улыбкой.

Наполеон даже в женщине умел ценить проявление сильного характера. Когда оказалось, что дело приняло такой хороший оборот, меня очень стали хвалить за твердость, которую я проявила в данном случае; но у меня было одно лишь желание, чтобы об этом когда-нибудь узнал император Александр, и я никак не предвидела, что желание это так скоро исполнится. На этом самом представлении Наполеон, поговорив с несколькими женщинами и, по своему обыкновению, поставив им странные вопросы: «Вы замужем? Сколько у вас детей? Что они у вас — толстые, жирные — а?» — вдруг обратился ко всему кружку и сказал: «Император Александр очень любезен, он всех вас очаровал, mes-dames; хорошие ли вы польки?» Все улыбнулись в ответ.

Наполеон рисовался в обществе, выражая чувства уважения и дружбы к государю, империю которого он собирался разгромить. В аудиенции, которую он дал представителям Виленского университета, он прежде всего обратился к членам академии со следующими словами: «Вы все паписты, да?» Я не знаю, что ему ответили. Он сказал затем: «Император Александр хороший государь, философ на троне; оказывает ли он вам покровительство?» Ректор ответил, что академия многим обязана

щедрости русского императора.

Наполеон не производил внушительного впечатления ни лицом, ни манерами. Я сама удивлялась, что не чувствую в его присутствии того волнения, которое невольно испытываешь при виде знаменитою человека. Вся его слава, купленная ценой людей и пролитой крови, не могла внушать мне энтузиазма. Слава завоевателей блещет в истории, но сердцами владеет лишь доброта. Я часто представляла себе Наполеона в сверкающем образе гения. Каково было мое удивление, когда я увидела человека маленького роста, короткого, толстого, постоянно переминавшегося с ноги на ногу, с гладкими, прилизанными волосами, с довольно красивыми, но маловыразительными чертами лица, не отличавшимися даже той жестокостью, которую придают всем его портретам, за исключением портрета, написанного Давидом. Напротив, у него была довольно мягкая улыбка, обнаруживавшая очень красивые зубы. Издали, правда, его тускло-бледное лицо, без всякой окраски, его античный профиль производили впечатление строгости, которое исчезало для того, кто ближе всматривался в это лицо.

Прошло восемь дней со времени вступления Наполеона в Вильну. Среди беспорядка и бедствий, причиняемых недисциплинированной армией, состоявшей из сброда чужестранцев, которые шли на войну против собственного желания и ненавидели того, кто вел их (ибо было бы несправедливо приписывать одним французам совершенные под их именем насилия), — никто не думал о празднествах и удовольствиях. Герцог Бассано убедил тогда графа П***, моего двоюродного брата, дать у себя бал в день польской конфедерации. Праздник этот, который почтил своим присутствием Наполеон, был так блестящ, как только позволили обстоятельства и отсутствие средств, вызванное столькими опустошениями.

Среди криков «Да здравствует император!» при шумных звуках военной музыки, при свете аллегорических картин и блестящей иллюминации, среди расточительности роскошного пира, — в это самое время на улице человек умер с голода! Ужасная противоположность, достойная того, кто вскоре должен был похоронить свои войска в снегах России!

Как только на балу возвестили о приезде Наполеона, тотчас избрали несколько дам, в том числе меня, чтобы принять его внизу лестницы. При одном слове «император» маршалы империи, важные сановники, не говоря уже о камергерах, бросились к выходу, как будто бы неприятель ждал их на поле битвы. Коленкур подал своему государю подножку, чтобы помочь

ему выйти из кареты, как будто земля недостойна была прикосновения этой царственной ноги. Не удостоив поклоном вышедших ему навстречу дам, Наполеон поднялся по ступенькам лестницы, устланным шелковой материей, при кликах «Да здравствует император!» — кликах, никогда не пресыщавших его слух. Я не только не была поражена его невежливостью, но подумала, что напрасно мы ей подверглись без достаточных оснований. Побеседовав с несколькими дамами в бальном зале, Наполеон уселся на импровизированный трон, сооруженный из кресла, ковра и подушки, которую он, садясь, отбросил ногой. Затем он закричал, как бы тоном команды: «Дамы, садитесь!» Дамы тотчас сели, и бал открылся. Наполеон в течение нескольких минут оглядел танцующих дам, обратился с несколькими фразами к лицам своей свиты, к маршалам, к хозяину бала и уехал, сопровождаемый обычными кликами. Оставшиеся на балу французы восхищались любезностью своего государя; похвала, на которую он, без сомнения, сам не рассчитывал и которую трудно было совместить с званиями полководца, завоевателя, основателя империи.

Мужчины и женщины надели в этот день национальную кокарду — патриотическая побрякушка, льстившая надеждам поляков — надеждам, ни на чем не основанным, ибо Наполеон, от изменчивой политики которого они зависели, никогда не высказал ни намерения, ни желания удовлетворять их. Однажды, когда я выражала удивление, что честолюбие Наполеона не удовлетворилось обладанием одним из лучших тронов Европы и что он постоянно со всеми воевал, — мне ответили, что гений Наполеона был направляем не только жаждой завоеваний, но также необходимостью искоренить во Франции якобинскую партию. Лекарство было, по меньшей мере, так же сильно, как и недуг.

Вскоре после бала, катаясь верхом с г-жой Б*** и несколькими другими лицами, мы встретили Наполеона, возвращавшегося из Закрета со своей блестящей и многочисленной свитой. Он остановился, чтобы сказать нам несколько слов, и спросил, любим ли мы ездить верхом и хорошие ли мы наездницы. Через несколько минут мы вновь увидели Закрет, еще так недавно сиявший блеском празднества и присутствием самого любезного из всех государей… Закрет представляет теперь груду развалин. Наши лошади шагали по паркету, на котором я танцевала с императором Александром. Апельсинные деревья были опрокинуты и разбиты; замок, недавно так элегантно меблированный, представлял картину полного разгрома. Прекрасные теплицы, полные тропических

растений, были разрушены и разграблены, не только солдатами, но и некоторыми горожанами…

Крапива и чертополох росли теперь в тех местах, где раньше цвели розы и спели ананасы… Печальное молчание царило там, где я недавно слышала звуки музыки и веселые, радостные голоса. Одни птицы еще пели свои песни и не покинули этих рощ. Фонтан иссяк. Словом, Закрет предназначен был служить военным госпиталем.

Я избавлю читателей от тех размышлений, которые, естественно, навеяли на меня эти развалины и столкновение событий, столь противоположных и столь близких по времени одно к другому.

ГЛАВА VIII
Император Александр оставляет свою армию. Возвращение его в С.-Петербург

Потеряв надежду водворить в своем государстве мир, твердый в сознании исполняемого долга, полный религиозной веры в помощь и поддержку Провидения, император Александр покинул свою главную квартиру в Свенцянах и отправился в Москву. Прибытие государя в первую столицу его империи, его присутствие, его речи, приказы вызывали общий энтузиазм и умиление среди патриотически настроенного дворянства и русского народа, столь религиозного и патриархального. Однажды, когда император обедал у графини Орловой, огромная толпа теснилась вокруг дворца и садов, жадно стремясь увидеть обожаемого государя. Чтобы удовлетворить этому естественному желанию, графиня Орлова тотчас велела снять все решетки сада, чтобы открыть свободный доступ народу, который в пылу радости и любви здесь же поклялся перед небом, что он посвятит Александру свои силы, свою жизнь и все, чем он владел. Клятву эту он свято сдержал, и пылающая Москва подтвердила ее! Как все это должно было тронуть чувствительное сердце Александра! И сколько величия проявляется в этих непроизвольных движениях народа, — движениях, которых нельзя ни подделать, ни искусственно вызвать! Движения эти встречаются лишь среди народов, нравы которых еще не удалились от природы и еще проникнуты религиозностью; среди народов, которые привыкли видеть в своем государе образ обожаемого Бога и которые основывают надежды на будущее счастье на чувствах верноподданнического повиновения и верности. Как прекрасна конституция, покоящаяся на вере и на небесных наградах! Чем можно заменить ее? Для этого прежде всего пришлось бы исказить основные черты русской нации. Повторяю, трогательное зрелище этих сцен любви и чувствительности между государем и его подданными не встречается среди легкомысленных и чувственных наций, давно развращенных привычками роскоши, праздности, изнеженности, эгоизма и алчности.

Император Александр недолго пробыл в Москве. Передав командование над войсками генералу Барклаю де Толли, он вернулся в Петербург. Этот мудрый и осторожный государь чувствовал, как полезно будет его присутствие и пример его

твердости в столице и во дворце при данных опасных обстоятельствах. Наполеон уехал из Вильны и сосредоточил все свои усилия, чтобы настигнуть неприятеля, который постоянно ускользал от него, благодаря плану мудро рассчитанному и задуманному, как говорят, шведским наследным принцем.

Хорошо знакомый с военным гением Наполеона, побуждавшим его быстро кончать кампании посредством решительных действий, Бернадот, как уверяют, посоветовал русскому императору не рисковать вступать в битву с этим великим победителем на поле сражения, но, наоборот, посредством симулированного отступления, заманить его в глубь русских степей. Между тем Петербург и Москва были лозунгом французского солдата. Последний, легкомысленный и беспечный, не озабоченный исходом кампании, спокойно спрашивал дорогу, считая тот и другой богатый город целью, славным завершением длинного, трудного похода.

Удивленный упорным отступлением русских, Наполеон произнес в Смоленске следующие знаменательные слова: «Уж не хочет ли мой брат Александр заставить меня разыграть роль Карла XII?»

Если он это предчувствовал, почему же он не остановился? Но непобедимая гордость, наоборот, побудила его отбросить все убеждения короля Неаполитанского и князя Понятовского, предлагавших ему остановиться на зиму в Смоленске и идти на Волынь и Украину. Но Наполеон был во власти

«… Духа безумия и заблуждения,
Рокового предвестника падения царей».

И Провидение уже наметило течение его судеб.

ГЛАВА IX
Паника в С.-Петербурге. Герцог Бассано в Вильне. Отступление французов

Я не стану подробно останавливаться на этой кампании, столько раз описанной талантливыми писателями.

Движение французских войск, направлявшихся, по-видимому, на Петербург, вызвало в этом городе всеобщую необычайную тревогу. Все хотели уехать, — удалиться в глубь России. Спешили укладывать драгоценности. Императрица-мать, женщина смелая, с сильным характером, боясь не за себя, а за юных и нежных созданий, которых она окружала истинно материнскими попечениями, тоже хотела покинуть Петербург и увезти с собой молодых девиц, воспитывавшихся в многочисленных учреждениях, основанных и направляемых ее благодетельными заботами. Император Александр с полным основанием боялся, что отъезд императрицы окончательно перепугает население; и он с почтительной твердостью сказал своей матери: «Ваше Величество! Я, как сын, умолял Вас остаться, — теперь я, как император, требую, чтоб Вы остались».

Скрыв жестокую печаль в глубине своего сердца, Александр сохранял по внешности безмятежное спокойствие и публично объявил, что он покинет Петербург последним. Это осторожное поведение достигло желанных результатов, и вскоре спокойствие восстановилось во всех слоях общества.

После отъезда Наполеона в Литве приступили к рекрутскому набору, к формированию полков. Один из моих братьев был назначен полковником в пехоту, а старший за свой счет образовал отряд конной артиллерии. Но, по отсутствию средств, вооружение подвигалось очень медленно, и Наполеон из своей главной квартиры писал герцогу Бассано: «Я получил в Литве значительное подкрепление. Огинский прибыл с двенадцатью солдатами новой гвардии».

Французы, оставшиеся в Вильне с дипломатическим корпусом, все горячо желали счастливого заключения войны. Я помню, что герцог Бассано, — внимательное и благожелательное отношение которого к моему отцу и ко мне я с удовольствием вспоминаю, — объявил мне однажды, что генерал Кутузов назначен главнокомандующим русской армией: при этом он сказал мне: «Надо надеяться, что мы вскоре заключим мир, ибо г-

н Кутузов имеет талант проигрывать битвы».

Политику, по-видимому, не принимали в расчет, а между тем разве она не помогает одерживать победы?

Битва под Можайском или под Москвой[7], предвещая близкое взятие Москвы, явилась в глазах всех французов верным залогом мира.

Уже герцог Бассано собирался немедленно ехать в Москву для предварительного обсуждения условий мира; и окружавшие его изящные молодые люди высшего тона, по-видимому, очень беспокоились тем, что в этой местности их ожидали сильные холода.

Наконец, мы узнали о вступлении французов в Москву, и весть эта, по обыкновению, была ознаменована молебном. Вечером у герцога Бассано были танцы. На балу я с удивлением заметила на лице этого дипломата выражение печали и тревоги, которого ничто не могло рассеять. Уже не было разговора об объявленном отъезде: по словам герцога, министр ждал новых известий; а последние касались московского пожара, — единственного, быть может, в своем роде страшного примера патриотического самопожертвования.

Со времени этого события французская политика покрылась непроницаемой завесой. Мы узнали только, что Наполеон решил покинуть Москву и идти обратно через опустошенную страну. Но скоро сообщения были прерваны. К Вильне подходило несколько отрядов легкой кавалерии и казаков. Наконец, в течение трех недель дипломатический корпус не знал о судьбе новой армии Камбиза, — о Великой французской армии. Тем не менее, в городе продолжались танцы, спектакли, развлечения, ибо французам прежде всего нужны удовольствия.

Супруга маршала Удино, герцогиня Режжио, поспешно приехала в Вильну, чтобы ухаживать за своим мужем, которого привезли раненым после битвы при ***.

Герцогиня Режжио спросила, есть ли у меня братья на военной службе; и затем сказала с выражением, которого я никогда не забуду: «Так ваши печали только начинаются!» Слова эти оказались пророческими! Один из моих родственников, покинувший французские войска в Смоленске, сообщил нам удивительные сведения о Великой армии, живо напоминавшей, по его словам, Венецианский карнавал, или улицу Толедо, в Неаполе, на Масленице. Но в Вильне его сочли за чудака и безумца.

3 декабря 1812 г. состоялся другой бал у генерал-губернатора, графа Гогендорна, в честь годовщины вступления на престол того самого Наполеона, который, покидая свои армии в

несчастье, бежал, повторяя столь известное слово: «От великого до смешного — один шаг!» Он путешествовал под именем Коленкура, и французский солдат, способный шутить среди величайших несчастий, говорил по этому случаю: «Oin, c'est Colin qui court».

Проезд Наполеона близ Вильны явится секретом, который все сообщали друг другу на ухо. Герцог Бассано говорил мне об этом в тот же вечер и заметил, что император был в хорошем настроении и весел.

Наполеон спокойно позавтракал у ворот Вильны, разговаривая, шутя с лицами своей свиты и с герцогом Бассано, в то самое время, как правивший его лошадьми ямщик тут же замерз. Но что значил этот случай для человека, на глазах которого три четверти его армии погибли от истощения и холода и который, созерцая покрытые телами долины Можайска, воскликнул с восторгом: «Какое прекрасное поле битвы!»

Изречение Вителлия — ничто в сравнении с этой фразой.

Вскоре пред нами предстало зрелище, одновременно вызывавшее сострадание и тайный страх, — в образе остатков этой армии, шесть месяцев ранее столь прекрасной, торжествующей, могущественной: теперь эта армия своим быстрым шествием и своей судьбой напоминала блестящий метеор. В течение трех-четырех дней на улицах Вильны толпились люди, которых нельзя было назвать военными, в их смешных, неуклюжих одеждах. Один, бросив свою кирасирскую каску, нарядился в дамскую шляпу и черный, бархатный плащ, из-под которого виднелись шпоры, и тащил под уздцы свою изнуренную лошадь, на каждом шагу скользя по обледенелой земле. Другой, тщетно пытаясь защититься от холода, напялил на себя одно на другое церковные облачения — ризу, стихарь, напрестольные пелены. Некоторые, более счастливые в поисках добычи, накинули на себя женские, подбитые мехом, капоты, завязав на шее рукава. Наконец, другие тащили за собой шерстяные одеяла, или, подобные теням, вернувшимся из мест, откуда никто не возвращается, шли покрытые саванами и погребальными пеленами. И эти мрачные одеяния, эти траурные атрибуты смерти изображали в этом историческом маскараде угасшую славу великого завоевателя. Пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы — никто уже не признавал никакой власти. Моля о помощи, они шли без порядка, без дисциплины, почти без оружия, с лицом и руками, почерневшими от дыма бивуаков, потеряв от чрезмерных лишений и физических страданий всякие чувства, кроме храбрости, никогда не покидающей французов.

Мой отец приютил некоторых из них, главным образом

генерала Жюмильяка, зятя герцога Ришелье, которого близко знала моя тетушка Радзивилл и у которого при этом несчастном отступлении осталась одна лишь лошадь. Когда этому бедному генералу дали хорошо натопленную комнату и прибор за столом, он был вне себя от радости. Он говорил нам, жадно поглощая пищу: «Mesdames, вы не понимаете, какое счастье есть за столом!» Мы не могли удержаться от смеха, глядя на его черные руки, — по его уверению очень чистые, но только закоптелые.

Г-н Жюмильяк все вздыхал по Аркадии и своей доброй принцессе. Он часто спрашивал нас, долго ли продлятся эти холода; и когда мы чистосердечно уверяли его, что мороз в 26–28 градусов держится в этой местности не долее трех дней, он благодарил нас, как за какую-то милость.

Но в этих обстоятельствах казалось, что небо, охраняя Россию, хотело со всей суровостью обрушиться на ее врагов: зима, даже для нашего северного климата, была необыкновенно холодная. Вследствие преступной непредусмотрительности французских властей, расхищений и взяточничества чиновников армии, — все запасы провианта и одежды, как присланные из Франции, так и доставленные на местах, не были розданы французским солдатам и целиком достались русским. Вильна, вся Литва в громадном количестве доставляли корпию и белье для госпиталей; но все это продавалось бумажным фабрикам, а солдатам перевязывали раны шерстью и сеном. Подробности эти я имею от директора госпиталя: более честный, чем его товарищи, он с полным основанием жаловался на эти злоупотребления.

Мой отец, член временного правительства Литвы, принужден был следовать за французской армией. Уезжая, он дал мне несколько советов относительно образа действий, которому я должна последовать, чтобы спасти хотя бы часть его состояния, ибо всем удалявшимся в данных обстоятельствах грозила конфискация имущества. Отец сказал мне, что, если император Александр не приедет в Вильну, хорошо бы мне съездить в Петербург; наконец, он обещал мне вернуться в случае, если я дам ему успокоительные сведения относительно его личной безопасности. Он уехал; мои братья уехали раньше него… Многие дамы из моих знакомых тоже уехали… Я осталась одна; и в этом одиночестве было что-то тягостное и зловещее. Я осталась одна, не зная еще, что ожидает этот город, что можно было ждать для Вильны от милосердия русских и от проектов французского правительства. Неаполитанскому королю, командовавшему в то время остатками армии, предложили защищать Вильну. Он протестовал против этого проекта и, описывая положение города,

употребил такое тривиальное сравнение, что невозможно повторить его. Он равным образом отказался поджечь арсенал и пороховой склад: взрыв этих двух зданий разрушил бы большую часть города.

В день взятия Вильны русскими войсками я проснулась при звуках пушечной пальбы. Битва происходила у ворот города, в горном ущелье Понари, где погибло столько французов. Сражение было непродолжительно, в исходе его не было сомнений; и вскоре я увидела длинные пики, остроконечные шапки, мохнатые плащи и длинные бороды моих старых знакомых казаков. Появление их не вызвало во мне большой радости, тем более что некоторые из них, чтобы не упустить случая пограбить и не потерять этой привычки, под предлогом поисков французских экипажей, пришли, чтобы завладеть моей каретой. Перепуганные слуги прибежали предупредить меня. Я обратилась к казакам твердым тоном, и мне удалось остановить их: я всех их заставила выйти из дома. Очень довольная этим успехом, я все-таки из предосторожности обратилась к генералу Чаплицу, который первый вступил в Вильну, с просьбой дать мне охрану.

Два дня спустя в Вильну торжественно вступил фельдмаршал Кутузов и явился навестить меня. Я давно была с ним знакома. Он очень хвалил мое поведение на представлении Наполеону и сказал, что он не преминет уведомить об этом императора. Он прибавил, что напрасно отец мой уехал и не доверился великодушию Его Величества… Фельдмаршал дал в мою честь вечер и представил меня всем генералам армии, говоря: «Вот молодая графиня, надевшая шифр перед лицом Наполеона».

Этот поступок, столь простой и естественный, был тем более одобрен, что разнесся слух, будто бы я последовала за моими братьями во французскую армию. Рассказывали, что меня видели по дороге в Москву, что я разыгрывала из себя героиню и скакала среди войска в синей амазонке, на серой лошади. Несколько русских военных признались мне, что они дали себе слово взять меня в плен.

Фельдмаршал, казалось, изнемогал под бременем своих успехов, оказанных ему почестей и отличий, которые со всех сторон сыпались на него. Его только что произвели в князя Смоленского. Он получил, в знак отличия, портрет государя, украшенный бриллиантами, на голубой ленте; ему был обещан орден Св. Георгия. И между тем он вздыхал, что ему не удалось взять в плен Наполеона. Я заметила на его столе великолепный министерский портфель из черного сукна, с золотой вышивкой, представлявшей, с одной стороны, французский герб, с другой — шифр Наполеона.

Фельдмаршал предназначал этот портфель княгине Кутузовой.

Однажды кто-то из общества сделал замечание по поводу бедствий Москвы. «Как! — воскликнул фельдмаршал, — дорога от Москвы до Вильны дважды стоит Москвы!» И он хвалился, что в один год заставил две армии питаться кониной, — французскую и турецкую.

ГЛАВА X
Ужасное положение французских военнопленных. Казаки-грабители в дружеской стране. Анекдот

В Вильне мало-помалу восстановилось спокойствие; но какое это было спокойствие! Правда, уже не опасались случайностей войны; но картины самые ужасные, с человеческой точки зрения, постоянно опечаливали наши взоры Нельзя было шагу сделать на улицах, чтобы не встретить трупы французов, или замерзших, или убитых евреями, которые овладевали их часами и деньгами. При малейшей оттепели на мостовой и даже в воротах некоторых домов выступали кровавые следы. Женщины-еврейки и даже дети доходили в своей жестокости до того, что собственными руками приканчивали умирающих несчастных солдат и убивали их позорным образом, нанося удары своими каблуками, окованными железом. Тела этих несчастных, в мундирах, окостеневшие от мороза, даже съежившиеся, сохраняли то положение, в котором застигла их смерть: одни сидели, склонив голову на руки, другие — прислонившись к стене, с угрожающим видом и сжавши кулаки… Можно было подумать, что они спали, но сон этот был не что иное, как смерть.

По сведениям полиции, в городе и его окрестностях оказалось около сорока тысяч погибших французов. Проникая в нашу страну, французы внесли беспорядок и грабеж; покидая ее, они оставили ей заразные болезни и страшную смертность. Эпидемия лихорадки, известная под названием госпитальной лихорадки, произвела ужасные опустошения и уничтожила большую часть населения по пути, где проходила Великая армия. Виленские госпитали были заражены; огромное число частных лиц пали жертвами этого нового бича. Между тем французские пленные свободно бродили по городу. Нет, ничто не изгладит из моего воображения образ этих бродячих привидений. Я, как сейчас, вижу их: с изнуренными, исхудалыми лицами, с заведенными глазами, они вызывали глубочайшее содрогание. Прикрытые лохмотьями, с трудом таская ноги, они садились погреться у навозных куч, которые зажигали перед домами, чтобы рассеять зловоние; и здесь же эти несчастные часто отыскивали какие-нибудь отвратительные отбросы, чтобы утолить жестокий голод, являвшийся не меньшим из бедствий! Можно было применить к ним стих Лафонтена о чуме:

«Умирали не все, но все были поражены».

Однажды я выходила из монастыря, где моя тетушка была игуменьей. Меня там снабдили множеством пирожков, пряников и т. п. У двери я увидела несколько пленных, просивших милостыню. Я дала им все эти сласти; они накинулись на них с жадностью, которая меня испугала. Моей подруге не удалось так же скоро все вынуть из своего мешка; и эти несчастные, теснясь вокруг нее, едва ее не затоптали. Я послала моего слугу, который высвободил ее от них; и она, бледная, дрожащая, пошла со мной далее.

Я приютила у себя одною из этих несчастных, под влиянием крайней нужды утратившего все духовные свойства. На мой вопрос — в чем он нуждается, он ответил с сардоническим смехом: «Мне ничего не нужно, я мертв». Невозможно было добиться от него другого ответа. Я не могу передать, какое ужасное впечатление произвела на меня эта страшная улыбка. Этот человек потом сбежал, и нельзя было узнать, что с ним сталось.

Я затем поместила у себя целую семью пленных — мужа, жену и ребенка. Муж был родом из Генуи; он служил в войсках сапожником. У жены его, одетой в рубище, было прелестное лицо. Будучи родом из Ниццы, она говорила мне со своим мягким южным акцентом, описывая свой госпиталь: «Сударыня, у вас бы сердце сжалось, если б вы видели, что там делается». Ребенок, с золотисто-белокурыми волосами, большими черными глазами, напоминал своей чрезвычайной, выразительной красотой ангелов на картинах Рафаэля. Бедняжке было всего два года. Он не в силах был пережить свои страдания и умер в деревне, куда я послала его с его родителями, которых я долго держала у себя. Надо было послушать этих несчастных, очутившихся среди снегов, в суровом климате и в жестокую зиму; надо было послушать, как они рассказывали о благоухающих цветах своей страны, о чудных ночах на берегу моря, в прекрасной Генуе.

Невзгоды настолько погасили в несчастных пленниках само сознание жизни, что, охваченные непобедимой апатией, они поджигали пол среди комнаты, садились вокруг и подвергали себя медленному самосожжению. Так случился пожар в военном госпитале Закрета, и этот несчастный случай часто возобновлялся в деревнях. Рядом с этими ужасными картинами нищеты, обогатившиеся грабежом казаки продавали на ассигнации и за самую низкую цену слитки золота, серебра, жемчуг, часы и драгоценные вещи. В то же время они продолжали грабить по

деревням. Я постоянно просила Кутузова дать охрану моим знакомым. «Какие негодяи, — говорил мне при этом фельдмаршал, — им всегда мало, вот я заставлю их вернуть награбленное». На самом деле, он принудил казаков доставить известное количество серебряных слитков для статуй двенадцати апостолов в Казанском соборе, в Петербурге. В Вильне казаки продавали детей несчастных французов, покинувших Москву, чтобы последовать за Великой армией. Бедняжки, отнятые от материнской груди, могли лишь плакать в жестких руках своих своеобразных покровителей: они не могли назвать своих родителей, которые, без сомнения, погибли во время отступления. Один итальянский певец, сопрано Торкинио, которого я раньше встречала в Вильне, где он давал уроки, и который был в Москве во время взятия ее французами (он каждый вечер пел у Наполеона, всегда просившего его спеть «Нину», сочинение Паезиелло), тоже был взят казаками и приведен в Вильну, где он был освобожден. Торкинио рассказал мне довольно любопытные вещи о своих сторожах. Каждый вечер, возвращаясь на биваки, казаки, в виде развлечения, переодевались в награбленные днем мундиры французских маршалов и генералов. Бедный Торкинио и его товарищ — итальянец, тоже хороший артист, принуждены были петь, чтобы заработать свой ужин. Усевшись на обледенелом снегу вокруг костра, освещавшего своим ярким пламенем их дикие лица и богатые одежды, представлявшие такой удивительный контраст с манерами их владетелей, — казаки, казалось, наслаждались гармоничными звуками юга, песнями, где воспевалась «возлюбленная Нина», — бесконечно чарующими песнями, которые могли бы смягчить не только этих суровых детей севера, но также их жестокий климат.

Тысячи подобных рассказов являлись предметом наших бесед в виленском обществе. Как ненавистен был нам истинный виновник всех этих бедствий! Помню, как на одном из таких собраний присутствующие стали изобретать разного рода казни для Наполеона. Особенно изобретателен был один англичанин, делавший предложения в мрачном духе своих соотечественников. Когда настал мой черед, я сказала: «Мне хотелось бы, чтобы Наполеон утонул в тех слезах, которые он заставил пролить».

Среди всех этих бедственных картин я также испытывала личные горести. Я не получала никаких известий от моего отца и братьев.

Часто приходили сказать мне, что они взяты в плен и что в данных обстоятельствах можно этому только радоваться.

ГЛАВА XI
Возвращение императора Александра в Вильну. Беседы его с автором мемуаров

Не прошло еще пятнадцати дней со времени возвращения в Вильну русских войск. Однажды утром я проснулась с той печалью, с тем стеснением сердца, которое стало для меня обычным. В этом настроении я в первую минуту пробуждения не могла дать себе отчета, — страдаю ли я от совершившегося несчастья или от предчувствия его. Вдруг пришли сказать мне, что в эту ночь приехал император. Я заплакала и воскликнула: «Ангел здесь! Мы все будем спасены!»

Днем ко мне явился с визитом милый, добрый граф Толстой, и я искренно была рада вновь увидеться с ним. Он передал мне благодарность нашего обожаемого государя.

Мы довольно долго беседовали о несчастьях, вызванных этой войной, и утешали друг друга надеждой на более счастливое будущее. Граф Толстой простился со мной. Вдруг, спускаясь уже с лестницы, он вспоминает главную цель своего визита и, поспешно возвращаясь, говорит мне: «Тысячу раз прошу извинить меня. Я забыл сказать, что государь поручил мне спросить у вас, может ли он навестить вас сегодня вечером».

Когда он вышел, я не могла удержаться от смеха и дала себе слово рассказать императору об этом новом проявлении памяти его обер-гофмаршала.

Хотя я была счастлива при мысли, что опять увижу государя, тем не менее, вспоминая о моем отце и братьях, я чувствовала невыразимое смущение. Они покинули свою страну, чтобы последовать за врагами своего государя. Они некоторым образом были к этому принуждены; тем не менее факт был налицо. Что скажу я ему? И что скажет он мне? Какое затруднительное положение!

Но присутствие Александра, благосклонное выражение тою, что он называл своей признательностью ко мне (внушавшей мне самую глубокую благодарность к его ангельской доброте, ценившей во мне небольшое доказательство моей преданности к нему), рассеяли все возникшие в моем уме облака и дали мне спокойно, безбоязненно насладиться счастьем видеть и слышать его. Наконец, сам он со свойственной ему необычайной деликатностью, казалось, угадывал мои страдания. Он

следующими словами приступил к этому тягостному вопросу: «Я не могу обвинять литовцев; им пришлось уступить силе: тайна нашей тактики была им неизвестна. Они не могли предвидеть ни хода событий, ни их направления. Притом, вполне естественно было им желать восстановить свое государство. Тем не менее император Наполеон далек был от мысли осуществить их надежды, так-как он отверг все предложения, с которыми я через Балашова обратился к нему в начале кампании. Я решил тогда принести большие жертвы, чтобы сохранить мир и свободу торговли, без которой государство мое не может существовать. Что Наполеон никогда не думал о восстановлении Польши — это ясно из того, что он не принял тех уступок, на которые я был согласен. В конце концов, я терял лишь завоеванную территорию; империя оставалась неприкосновенной. Он этого не захотел. Поэтому мне пришлось проводить план действий, успех которого явился плодом нашей стойкости и помощи свыше.

Мы не могли по собственному почину пойти на риск войны против таких искусных генералов, с армией, в течение двадцати лет привыкшей побеждать и командуемой великим полководцем, таланты которого и военный гений до этой кампании не знали поражений… Скорее, чем отказаться от намеченного плана и принять условия, которые Наполеон хотел мне предписать, я готов был пожертвовать не только Москвой, но и Петербургом, и удалиться в Казань, в глубь России, хотя бы до границ Азии. И при этом, опять-таки я не рисковал настоящими границами, ибо Петербург построен на шведской земле, а Москва — наше древнее приобретение. Но, — добавил государь, улыбаясь, — я во всяком случае рассчитывал, что мне представится возможность вернуться. Повторяю, — сказал государь, — я ничего не имею против литовцев. Мы сами их покинули, но этого больше не случится».

Государь затем соблаговолил сказать мне, что он пережил очень печальные минуты со времени пребывания своего в Вильне и в течение шестимесячной кампании. «Я очень много перестрадал, — сказал государь, — и сильно тревожился. Петербургское население волновалось, большинство было недовольно первыми военными действиями. В последнее царствование и при императрице Екатерине придворные интриги гораздо более привлекали общественное внимание, чем теперь; и в настоящее время все хотят быть посвященными в тайны правительства и политики; возможно ли удовлетворить всех?.. Я не разделяю счастливую философию Наполеона, и эта несчастная кампания стоила мне десятка лет жизни…» Государь назвал кампанию несчастной! Но ведь он был победителем! Он

торжествовал! Но это великодушное сердце не могло радоваться своим успехам при виде страданий всего человечества.

Чтобы избавить чувствительные взоры императора от картины бедствий, причиненных этой жестокой войной, был составлен новый маршрут, удалявший его от пути, по которому следовали армии. Тем не менее он встретил по дороге несколько несчастных заблудившихся французов. Он давал им вспомоществование или сажал их в свои сани. Таким образом, он привез больного французского солдата в принадлежавший моему отцу замок Постави. Император ночевал там, оставил несчастному денег и просил позаботиться о нем. Таково было поведение государя относительно его врагов: он уже не считал их за таковых, раз они были несчастны. Наполеон совершенно иначе вел себя, когда он, среди бедствий, бросил собственных солдат — орудие его карьеры и славы.

Император приехал из Петербурга в Вильну в три дня, в открытых санях, что утомительнее, чем ночь, проведенная на бивуаках. И он сказал, смеясь: «За поездку в Вильну мне пришлось поплатиться кончиком носа».

Подали чай. Император любил чай и пил его много. Разливая чай, г-жа Т. предложила государю чашку, но он не согласился взять ее, говоря, что первая очередь за мной, и сказал тоном любезной шутки: «Хотя я и северный дикарь, но я знаю, как надо обходиться с дамами».

Император много расспрашивал меня о Наполеоне и о том, как я была ему представлена. Я попросту рассказала то, что произошло при этом случае. Государь повторил, что я выказала удивительную смелость, не побоявшись того, перед кем дрожали даже мужчины. Я ответила, что для меня было счастьем дать Его Величеству единственное доказательство преданности, которое было в моей власти, и что я не смела бы надеяться когда-либо получить столь отрадную награду — одобрение моего государя. Он пожелал знать, какое впечатление произвел на меня Наполеон. Я сказала, что внешность его не соответствовала моему представлению, которое я составила себе о нем, судя по его гению. «Вот именно, такое же впечатление произвел он и на меня,» — заметил государь. «Обратили вы внимание на его светлосерые глаза, столь проницательные, что трудно выдержать его взгляд?» — «Я ничего не нашла внушительного в личности Наполеона,» — сказала я тогда. «Признаюсь, несмотря на чрезвычайную доброту Вашего Величества, я испытываю большую робость в Вашем присутствии, чем когда меня представляли Наполеону; между тем я знала, насколько он неприветлив и необходителен в своем обращении с женщинами.» — «Как, —

сказал император, — неужели я внушаю вам страх?» — «Да, Ваше Величество, страх заслужить Ваше неодобрение.» Государь любезно поблагодарил меня. Император спросил также, видела ли я неаполитанского короля. Я, ответила, что я лишь вскользь видела его из своего окна, со стороны двора, и что он произвел на меня впечатление театрального короля, с его желтыми сапогами и большим султаном a la Henri IV.

— Да, — сказал государь, — он заимствовал лишь костюм этого короля, а не его нравственные качества. Жаль, что вам не пришлось поговорить с ним; у него гасконский акцент. При моем первом свидании с Наполеоном я увидел около него молодого Журка, которого тотчас представили мне под именем и титулом герцога Бергского, зятя императора. В другой раз он появился в розовом мундире испанского покроя, с зелеными украшениями.

Я заговорила о новой милости, оказанной Наполеоном его зятю.

— Он чересчур добр, — сказал государь, — Наполеон должен бы расстрелять его, так как это он погубил его, уничтожив французскую кавалерию.

Государь не мог удержаться от улыбки, когда я передала ему фразу, которую сказал Наполеон, при представлении ему дамы: «Император Александр очень любезен, он покорил все ваши сердца, mesdames. Хорошие ли вы польки?»

Беседуя, я щипала корпию, и государь сказал мне тогда милую фразу, которую я привожу, чтобы показать, какая деликатность и любезность проглядывала у него даже в самых мелочах: «Хотелось бы быть раненым, чтобы пользоваться этой корпией».

Когда зашла речь о некоторых подробностях пребывания Наполеона в Вильне и услуг, которые он требовал от своих сановников (так, например, Коленкур должен был подавать ему подножку), государь, очень шокированный, воскликнул: «Разве можно так унижать личность посланника? И притом, какое удовольствие, чтобы вам прислуживали камергеры и шталмейстеры. Разве мой камердинер не лучше служит мне, чем все эти придворные полотеры. К счастью, — продолжал он, — теперь уже перестают считать, что придворного места достаточно, чтобы заполнить деятельность человека; и те, которые имеют такое место, несут другую службу, в военном или административном ведомстве».

Философ на троне, как называл Александра Наполеон, ярко обрисовывался в этих словах, и особенно в его равнодушии ко всей помпе, которой, обыкновенно, окружает себя верховная власть. Г-жа Ф. призналась, что, со своей стороны, все это кажется

ей очень красивым. — «Так вас соблазняет суетный блеск?» — отвечал государь. И он произнес тогда прекрасные слова, которые я уже приводила раньше, но которые заслуживают, чтобы их всегда повторять: «Надо побывать на моем месте, чтобы составить себе понятие об ответственности государя и о том, что я испытываю при мысли, что когда-нибудь мне придется дать отчет перед Богом в жизни каждого из моих солдат. Нет, престол — не мое призвание, и если б я мог с честью изменить условия моей жизни, я бы охотно это сделал». Как изумительны были эти слова в такую минуту в устах государя, торжествовавшего над самым страшным своим противником, покорителем Европы! «У меня так мало поддержки в моих стремлениях к счастью моего народа! — сказал он затем. — Признаться, иногда я готов биться головой об стену, когда мне кажется, что меня окружают одни лишь себялюбцы, пренебрегающие счастьем и интересами государства и думающие лишь о собственном возвышении и карьере». Какие прекрасные чувства! Какая ангельская душа проглядывала в любви государя к миру, в его презрении к роскоши, к честолюбию и вообще к царедворцам! Для этого любящего сердца недостаточно было счастья его собственных подданных; он мечтал о счастье всего человечества: он хотел бы возвратить миру золотой век. «Почему бы, — говорил он, — всем государям и европейским народам не сговориться между собой, чтобы любить друг друга и жить в братстве, взаимно помогая нуждающимся в помощи? Торговля стала бы общим благом в этом обширном обществе, некоторые из членов которого, несомненно, различались бы между собой по религии; но дух терпимости объединил бы все исповедания. Для Всевышнего, я думаю, не имеет значения, будут ли к Нему обращаться по-гречески или по-латыни, лишь бы исполнять свой долг относительно Его, и долг честного человека. Длинные молитвы не всегда бывают угодны Богу». — «Государь, — сказала я тогда, — а я между тем возносила долгие молитвы за Ваше Величество.» Государь, казалось, был тронут и, поблагодарив меня с обычной своей приветливостью, прибавил: «Молитвы такой чистой души, без сомнения, исполнятся».

Я осмелилась при этом заметить, что если б все люди следовали морали Евангелия, морали столь отрадной, столь доступной каждому, можно было бы, приняв принципы этой божественной книги, обходиться без других законов. Император одобрил мою мысль.

Я бы желала, чтоб короли могли так же, как я, послушать этого государя, чтобы запомнить все его слова и руководствоваться ими в своем поведении. Его Величество

перевел разговор на произведения философов XVIII в., Вольтера, Руссо, Дидро, д'Аламбера и др. Из произведений Вольтера я знала только его трагедии, «Генриаду», исторические его сочинения; Руссо я почти не знала. Государь уверял, что философия Руссо менее повредила религии, чем сочинения Вольтера. Многие филантропические идеи этого писателя, по-видимому, нравились государю и подходили к складу его ума. Я также отметила некоторое соответствие между идеями государя о всеобщем мире и сочинением Сен-Пьера. Государь одобрительно отозвался о «Гении Христианства», произведении по справедливости так же знаменитом, как и его автор, о философии Канта, столь глубокой и отвлеченной, что можно считать ее непонятной и непонятой даже самим Кантом.

Среди этой серьезной беседы государь вдруг прервал себя, смеясь. «Не знаю, — сказал он, — что мне вздумалось читать курс морали, беседуя с хорошенькой женщиной. Если б меня слышали, надо мной, наверно, стали бы смеяться». Я поспешила ответить, что я воспользуюсь этим курсом морали и благодаря Его Величеству стану лучше. «Ах! вам этого не надо, вы много лучше нас. Впрочем, — заметил он, — такие разговоры со многими женщинами неуместны; есть такие, которым постоянно нужны сказочки».

Разговор вскоре вновь перешел к Наполеону. Александр, с полным основанием, удивлялся изумительной непредусмотрительности этого великого воина, отважившегося идти в опустошенную страну с шестьюстами тысяч человек, без всякого провианта и жизненных запасов; и последствием этой непредусмотрительности явилось мародерство и неповиновение армии… Наполеон сам говорил лицам, умолявшим его издать армии строгие приказы для прекращения грабежа: «Что же мне делать? Надо же им чем-нибудь жить». «Наполеон думал, — продолжал государь, — что легко поднять русский народ, соблазнив его в разных прокламациях перспективой свободы. Но как было неполитично оскорблять религиозные взгляды русского народа, допустив, чтобы французские войска безнаказанно совершали кощунства в святых местах, освященных религией. При виде оскорблений и расхищений, совершаемых по отношению к предметам их культа, русские сочли за ловушку все сделанные им предложения; и, всегда верные своему Богу и своему государю, вместо того, чтобы бежать навстречу своим мнимым освободителям, они удалились в глубь лесов со своими женами, детьми и скотом; и сами поджигали свои жилища, не переставая тормозить движение неприятельских войск. О, мои бородачи! — с энтузиазмом воскликнул государь, — они много

лучше нас! Вот где еще можно найти патриархальные нравы, глубокое уважение к религии, любовь к Богу, полную преданность личности государя!..» Александр стал говорить затем об услугах, оказанных этой кампании евреями, которые подожгли мост, чтобы задержать движение французов. «Они выказали удивительную преданность,» — сказал государь. — «Да, удивительную», — повторила я, думая в эту минуту лишь о совершенных евреями жестокостях. Заметив сейчас же, что восклицание это с моей стороны было более чем наивно, я спохватилась и прибавила: «Судя по себе, Ваше Величество, я не вижу в этом ничего удивительного…»

Император опять заговорил о личности Наполеона, его манерах, небольшом росте и т. д. «Ваше Величество, — сказала я, — весьма редко бывает, чтобы государь соединял в себе все качества». — «Но примеры этому бывают», — сказала г-жа Ф. «О, да, конечно…» — с живостью подхватила я. Тотчас угадав, кого я при этом разумею, государь, краснея, закрыл себе лицо обеими руками и сказал с самой любезной улыбкой: «Пожалуйста, без комплиментов».

На следующий день город собирался дать большой бал по случаю годовщины дня рождения Его Величества, но государь отказался от этой почести и сказал мне по поводу этого отказа, мотивированного столькими причинами: «Я подумал, что в данных обстоятельствах танцы и даже сами звуки музыки не могут быть приятны».

Я поспешила выразить сочувствие столь справедливой мысли.

Прощаясь со мной, государь изволил вновь любезно выразить свое участие ко мне и благоволение. Я проводила государя до передней, где его ждал любимый его кучер Илья, который напился чаю с моим лакеем и горничными, в то время как, по моему приказанию, другие слуги смотрели за лошадьми государя. Кучер остался очень доволен проведенным вечером, который был даже весьма шумен, так как долгий, громкий смех доносился до гостиной, где я сидела с государем, который, по счастью, не обратил на это внимания. Илья уверил моих людей, что он расскажет об их дружеском приеме своему господину, которому, сказал он, это, наверно, доставит удовольствие. Слуга этот своим прекрасным характером вполне заслуживал безграничную привязанность к нему императора. Мне рассказали о нем трогательный эпизод.

Государь имел обыкновение ездить по улицам Петербурга в дрожках или зимой в санях, запряженных в одиночку. Лошадью правил Илья. Однажды, когда государь объезжал город, Илья повез его в грязную, плохо застроенную улицу. «Зачем ты везешь

меня в этот квартал?» — спросил государь. Илья тотчас повернул назад. Тем не менее в другой раз он опять повез государя в то же место. Государь, очень удивленный, сказал: «Ты не без причины все возишь меня на эту улицу?» Принужденный отвечать, Илья сказал: «Если Ваше Величество дозволит, я отвечу, когда мы проедем подальше». Государь согласился. Подъехав к одной хижине, Илья остановился. «Ваше Величество, — сказал он, — вот жилище вдовы моего прежнего хозяина, который уступил меня Вашему Величеству». Государь ничего не ответил; но, вернувшись во дворец, он дал честному Илье денег для передачи прежней хозяйке, с обеспечением ей пенсии на остаток ее дней. Муж этой дамы потерял все состояние оставил ее в нищете[8].

Он повез его из Таганрога в Петербург и, несмотря на сильный холод и свои преклонные годы, спал все ночи на колеснице, везшей драгоценные останки государя.

ГЛАВА XII
Праздник в честь Александра. Варварская почесть, отвергнутая государем

В годовщину рождения императора Александра государю представлялись разные лица. Немногие оставшиеся в Вильне представители литовской аристократии зашли ко мне из замка. Господа эти были еще под впечатлением величественного обращения императора Александра и его речи.

— Господа, — сказал им государь, окинув взглядом собрание, — я недоволен многими литовцами и одобряю лишь весьма немногих среди них. Но я предпочитаю забыть прошлое в надежде, что вы уже не поставите себя в положение, в котором вам пришлось бы прибегать к моей снисходительности и т. д.

Днем я получила приглашение на вечер к фельдмаршалу Кутузову. Государь обедал у него, и говорили неопределенно, что он вторично будет у него вечером. Входя к фельдмаршалу, я очень удивилась при виде приготовлений к танцам музыкантов, массы военной молодежи и т. д. В ту минуту, когда входил император, к ногам его положили знамена, недавно отнятые у неприятеля. Я видела, как император отступил с движением удивительной скромности, исходившим из великодушного чувства… Затем он вошел в кабинет фельдмаршала. Последний вскоре вышел из кабинета и сказал мне: «Мы сейчас нечто сделали для вас». Не понимая, что хотел сказать фельдмаршал, я попросила у него объяснения. Речь шла о только что подписанной императором амнистии в пользу литовцев.

Какая прекрасная мысль — ознаменовать забвением и прощением тот день, когда он впервые увидел свет!

Приглашая меня на танцы, государь сказал мне: «Вероятно, вы удивитесь, что попали на бал после моих вчерашних слов; но что делать, надо было доставить старику удовольствие». Государь так называл фельдмаршала. Он однажды сказал мне, говоря о Кутузове: «Старик имеет основание быть довольным, мороз сыграл ему в руку». Между тем он только что пожаловал этому старику брильянтовый орден Св. Андрея и великолепную почетную саблю, украшенную крупными алмазами и гирляндой лавра из изумруда: при этом фельдмаршал нашел, что драгоценные камни слишком малы, и уверял, что он это заметит самому государю.

Этот бал, где, за исключением двух-трех литовцев, я видела лишь русских военных, мысленно переносил меня в Петербург; и иллюзия была бы полная, если бы не этот зал, где я видела Наполеона и французов. Я сказала императору, что, не покидая Вильны, я в течение шести месяцев перевидала почти все европейские нации и что это произвело на меня впечатление волшебного фонаря. Император передал мне также сделанное ему довольно верное замечание, что Наполеон, сам погубив свою армию, показал себя самым лучшим союзником России. Фельдмаршал представил Его Величеству одну русскую даму, которая последовала за своим мужем на войну и на самое поле сражения.

«Я не одобряю в женщине такого рода храбрость, — сказал император, когда эта дама удалилась, — есть для них другой способ отличиться, более достойный их, более соответствующий их полу», — прибавил он, бросив на меня приветливый взгляд.

Каждый день император Александр, сопровождаемый своей свитой, отправлялся пешком на парад, на площадь пе-ред городской думой, почти напротив моих окон. Я слышала, как он говорил солдатам: «Здорово, ребята», — причем солдаты отвечали: «Здравия желаем, Ваше Величество».

Эта взаимная заботливость, соединявшая государя с армией, отца с усыновленными детьми, гул всех этих мужественных и воинственных голосов — все это производило впечатление чего-то торжественного и трогательного.

Однажды, когда я хвалила состояние русских войск, в течение кампании никогда ни в чем не нуждавшихся, император сказал, вздыхая: «Войска тоже много пострадали; здесь можно видеть лишь то, что блестит». Александр считал несправедливым, что во Франции императорская гвардия получает более высокий оклад, чем рядовое войско.

Фельдмаршал Кутузов предложил мне передать ему письмо моему отцу, — письмо, в котором я посоветовала ему вернуться в Литву. Он обещал доставить это письмо отцу через еврея, шпиона и курьера армии. Мой отец, действительно, получил его в Варшаве, где он был еще во власти французов.

Послание это, написанное осторожно и показанное императору и фельдмаршалу, произвело сильное впечатление среди агентов французского правительства. Вообразили, что мой отец поддерживал тайные сношения с русскими. Он принужден был обязаться последовать за французами, и ему стоило большого труда помочь несчастному еврею спастись бегством.

ГЛАВА XIII
Заботы Александра о французских пленных. Император уезжает из Вильны

В течение своего двухнедельного пребывания в Вильне император Александр посвящал облегчению человеческих страданий все минуты, в которые он мог оторваться от правительственных и военных дел. Всегда в сопровождении генерала Сен-При, он лично обходил госпитали, не боясь зловредного заразного воздуха, который внушал нам сильнейшие опасения за его драгоценную жизнь! Благодаря ему везде восстановлялся порядок, и надежда возвращалась в сердца несчастных пленных. Однажды одна бедная француженка с двумя малыми детьми бросилась на улице к ногам государя, возвращавшегося с парада; слезы этих несчастных тронули его до слез, и он поспешил оказать им помощь. Один солдат, которого я приютила, однажды рассказал мне, что, встретив молодого, красивого и с виду доброго русского офицера, он остановил его и попросил милостыни. Красивый молодой человек велел ему пойти в кухню императорского дворца и сказать, что брат великого князя приказал, чтобы ему дали поесть. «Я сделал, как он мне сказал, — прибавил солдат, — и хорошо же я тогда поел!» Несчастный не знал, что этот брат великого князя был сам император.

Известие о смерти принца Ольденбургского, зятя Александра, погибшего от госпитальной лихорадки, усилило наши страхи за жизнь государя. Накануне своего отъезда государь провел у меня вечер, причем я осмелилась высказать ему свои опасения и умолять его бережливее относиться к столь драгоценной для нас жизни.

«Эти эпидемические болезни, — отвечал император, — совсем не страшны при отсутствии мнительности и при здоровом организме. К несчастью, по отношению к моему зятю эти условия отсутствовали, и он погиб…»

Я сама испытала то, что говорил государь: я ежедневно, в собственном доме, бывала с лицами, заболевшими госпитальной лихорадкой; но, пользуясь прекрасным здоровьем, я ни разу не заразилась этой болезнью. Я спросила у государя, правда ли, что его узнавали при посещении им госпиталей? «Да, — сказал он, — меня узначи в офицерской комнате; но обыкновенно меня

принимали за адъютанта генерала Сен-При».

По этому поводу государь рассказал мне один эпизод, который очень его тронул и на меня произвел такое же впечатление. Один умирающий испанский офицер, лежа на своем одре, диктовал конец письма своему товарищу, когда генерал Сен-При в сопровождении государя подошел и заговорил с ним.

«Г-н офицер, — слабым голосом сказал испанец, обращаясь к Александру, которого он принял за адъютанта русского генерала, — будьте добры, отправьте это письмо. Я в нем посылаю последнее прости в Испанию, моей жене». «Я доставлю это письмо», — сказал государь, который тогда собирал всех испанских пленных, чтобы отправить их морем, на свой счет, на родину. Государь, посетивший французский госпиталь, в центре университетских зданий, описал его в таких красках, что кровь леденела в жилах и нельзя было не содрогаться от ужаса. «Я отправился в госпиталь вечером, — сказал государь. — Одна-единственная лампа освещала эти темные своды, под которыми были нагромождены целые ряды трупов, до самого потолка. Я не могу выразить ужас, который охватил меня, когда среди этих безжизненных тел вдруг зашевелились еще живые существа… Наконец, — продолжал государь, — никто не хочет сопровождать меня, когда я отправляюсь в госпитали; и мои молодые люди, которые с восторгом идут на приступ или в бой, стараются найти какой-нибудь благовидный предлог, чтобы не сопровождать меня, когда я иду исполнять этот долг».

Говоря о беспорядке, господствовавшем во французской администрации, государь сказал: «Я хочу, чтобы император Наполеон знал, как плохо служили ему те, кого он облек своим доверием…»

Разговор, естественно, перешел к ненасытному честолюбию этого великого полководца, к увлечениям и несчастьям, в которые честолюбие это вовлекало французов и остальную Европу.

«Боже мой! — сказал Александр, прижимая обе руки ко лбу, — какая блестящая карьера еще предстояла этому человеку!.. Он мог дать Европе мир; это было в его власти, и он этого не сделал! Теперь чары его рассеяны! Посмотрим, что лучше удастся, — внушать страх или любовь». Какое благородное соревнование сказалось в этом слове! Внушать любовь! Да, в этом замечалась вся тайна великодушной и благородной политики Александра. В течение всего своего царствования он всегда относился ко всем европейским государям, как друг к другу. — «В конце концов, — сказала я, — не Наполеону достанется честь умиротворения Европы». — «Не все ль равно, — ответил государь, — сделает ли это он или я, лишь бы водворился мир».

Когда я выразила желание, чтобы мир был заключен следующей весной, государь возразил горячо: «Почему же не этой зимой? Чем скорее, тем лучше».

Император так пламенно желал утверждения мира, главной цели, к которой клонились все его желания и мысли, что он считал потерянным время, проведенное им в Вильне. «Мне приятно было в Вильне, — прибавил государь, — но, по ходу политических событий, надо торопиться, чтобы воспрепятствовать Наполеону собрать свои силы на Висле. Мы принуждены были дать войскам некоторый отдых после тяжелого похода…»

Император Александр был так скромен, что лестные замечания, хотя и правдивые, были ему неприятны. Я ему сказала, что мы недавно старались найти в истории государя, которого можно было бы сравнить с Его Величеством… Он не дал мне кончить. «Умоляю вас, — без комплиментов», — сказал он, опуская голову. Не знаю, по какому поводу заговорили о семье Наполеона. Г-жа Ф. одобрительно отозвалась о нравственных качествах Люсьена Бонапарта. «Нет, — холодно сказал государь, — я не хотел бы походить на него». Затем он воскликнул с увлечением: «Но я хотел бы уподобиться Моро[9]. Вот поистине великий человек».

Государь описал затем достоинства и таланты этого искусного генерала. По-видимому, Александр уже мысленно избрал французского патриота для выполнения своих глубоко задуманных планов, политических и военных. Я заговорила с государем об одном портрете сына Наполеона, именуемого тогда римским королем, на котором он очень напоминал своего отца.

«Это для него большое счастье, — сказал государь, — если верить всему, что говорят о его рождении. Как прискорбно, — продолжал государь, — что французы проявляют такое самопожертвование по отношению к человеку, который в глубине души презирает их, хотя он с их помощью и делает такие великие дела! При моем свидании с Наполеоном в Эрфурте он сказал мне по поводу некоторых высказанных мной мыслей о способах управления этим народом: „Вы французов не знаете, надо править ими, подобно мне, — при помощи железного бича“. Я признаю теперь, как прав был Талейран, сказавший мне тогда, что мир для Франции необходим. Я сильно не доверял в политике этим седым бородам. Притом, осведомленный о военном могуществе французов и талантах их главы, я думал, что, говоря таким образом, Талейран хотел уловить меня в сети и предугадать мои мысли. Теперь события доказывают мне, что этот дипломат был прав и что после столь бедственной кампании в России и больших неудач, постигших Францию в Испании, страна эта, несомненно,

вполне обеднела, как солдатами, так и деньгами». Услышав, с каким презрением Наполеон говорил о своих соотечественниках, г-жа Ф. сделала замечание о том, как прискорбно, что Франция не может узнать правды о бедствиях этой войны и о лжи, которой Наполеон наполнял военные бюллетени.

«Мы были настолько предусмотрительны, — сказал государь, — что разбрасывали по берегам Франции и во всех портах печатные сообщения, имевшие целью извлечь эту страну из ослепления, в которое ее погрузили и которое стараются поддержать. Впрочем, мы знаем, что заговор Маллэ далеко еще не подавлен и что во Франции много недовольных. Надо надеяться, что все события сложатся так, чтобы привести к желанному результату, к прочному миру в Европе. После сильных потрясений, которые она пережила за последние тридцать лет, Европа сильно нуждается в мире».

Судя по этим брошенным в разговоре различным мыслям, мне трудно сказать, желал ли тогда же Александр падения Наполеона и верил ли он в возможность этого падения Но, говоря о Наполеоне, он несколько раз повторил с особым выражением: «Чары рассеяны». Не думал ли он о Бонапарте, влияние которого он испытал на самом себе?

Государь сказал, что, восприняв революционный жаргон, французы забыли свой настоящий язык. «Это удивительно, — прибавил он, — они уже не говорят на настоящем французском языке». Государь имел право быть разборчивым в этом отношении, ибо сам он всегда употреблял выражения изящные, избранные и точные. Я не знаю, где государь познакомился с маршалом Удино, герцогом Режжио, но он отзывался о нем как о человеке умном, любезном и был доволен, что маршал, во время своего пребывания в Смоленске или Витебске, сам убедил жителей города не восставать против своего законного государя.

Говоря о пороках, которые он замечал в современном воспитании, Александр сказал: «Наши молодые люди воображают, что, выучившись танцевать и говорить по-французски, они уже все знают. Вы не можете себе представить, — прибавил он, — до какой степени испорчены у нас нравы. Никто не верит в истинную дружбу, в бескорыстное чувство к женщине, которая вам не мать, не жена, не сестра, и не люб…» Он не кончил последнее слово. Государь стал затем говорить, с той проницательностью, которая составляла отличительную его черту, о принятых в Европе различных системах упрощения методов обучения, между прочим об алгебраической системе Песталоцци, которая казалась императору слишком механической и малоспособной развивать

ум.

«Стараясь облегчить молодым людям учение, — говорил государь, — из них делают настоящие машины».

Я не знаю, на каком основании авторы двух историй об императоре Александре приписали возбужденному воображению г-жи Крюднер идею Священного союза и всеобщего мира: этот благородный проект мог зародиться лишь в сердце самого Александра.

Ни в эту эпоху, ни впоследствии, когда государь в различных случаях благоволил беседовать со мной о знаменитых писателях прошлого века и нашего времени, и даже о женщинах выдающегося ума, как г-жа Сталь, таланты которой он ценил, уверяя, что она признала ошибочность своих суждений о религии и самоубийстве: никогда, говорю я, государь не произнес имени автора «Валерии». Я удивлялась, что он не упоминал также о г-же Жанлис, выдающейся писательнице, изящной и плодовитой, написавшей столько полезных и интересных сочинений о религии, нравственности и чувствах, сочинений, за которые матери будут ей вечно признательны…

Государь соблаговолил спросить, какие у меня известия о моей семье; я повторила то, что слышала, что братья мои остались в Литве. «Ах! как я рад», — сказал государь с таким искренним выражением доброты, что я была тронута до глубины души. И он предложил мне по этому поводу несколько вопросов об их военной службе, о полках, которые были ими собраны против его войск; при этом он говорил совсем просто, с поразительной добротой, доказывавшей, что прекрасная душа его была недоступна какому-либо чувству злопамятства. Поистине, мне кажется, я предпочла бы, чтобы Александр гневался на моих братьев; я бы тогда имела смелость защищать их, тогда как его снисходительность почти что побуждата меня их обвинять; и разговор этот был мне так тяжел, что я с большим трудом, при сильном сердцебиении, выговаривала одно слово за другим.

С тем же величием души и чувством негодования государь отверг все доносы, которые поспешили представить ему при его прибытии в Вильну, доносы часто ложные, всегда гнусные, которые, даже когда они были правдивы, могли лишь возмутить столь чувствительное и великодушное сердце. Он объявил, что не хочет ничего слышать: он здесь, чтобы прощать…

Между тем в акте амнистии была одна тревожившая меня статья. В ней заключалась такая оговорка, что в марте месяце 1813 г. — срок, предоставленный литовским эмигрантам для их возвращения, имущества всех тех, кто не вернется к этому времени, будут конфискованы. Я осмелилась высказать Его

Величеству мои опасения. Я сказала ему, что если мой отец не получит письмо мое в Варшаве, ему не придется воспользоваться благодеянием амнистии. Государь спросил, где, по моим предположениям, находится отец мой. Я ответила наудачу, что он в Вене. Моя мать была там в то время. «Так что же! — сказал государь, — дайте письмо на его имя Толстому. Мы его, наверно, доставим, так как, — прибавил он, улыбаясь, — у нас в течение всей кампании всегда были открытые каналы по отношению к Австрии. Впрочем, — прибавил он, — не тревожьтесь. Такие строгие меры применяться не будут; они объявлены лишь для того, чтобы воспрепятствовать отливу денег в чужие страны и обращению их на поддержку неприятельских войск». Это уверение в устах Его Величества показалось мне вполне достаточным. Государь спросил меня затем о моих личных планах. Я сказала, что намерена удалиться в деревню. Он пожелал знать, где имение, куда я предполагаю уехать, и не находится ли оно на проходе войск: потому что, сказал он, солдаты — далеко не ангелы; и все эти армейцы могут наделать беспорядков. И так как он проявил при этом самую любезную заботливость, я сказала: «Я ничего не боюсь, Ваше Величество, я отдаюсь под Ваше покровительство».

Тронутый моим доверием, государь соблаговолил уверить меня, что он его оправдает и прикажет генерал-губернатору позаботиться о моей безопасности. После нескольких мгновений молчания государь сказал самым мягким тоном: «У меня к вам небольшая просьба». Несколько удивленная, я подняла глаза. «Вспоминайте иногда обо мне». — «О, Боже мой! — воскликнула я, — я это делаю во все мгновения моей жизни!» Мы были растроганы; и так сильно было влияние этой отзывчивой души, столь ценившей привязанность всех, близко к ней подходивших, что нельзя было видеть Александра, не пожелав стать лучше.

Прежде чем проститься со мной, государь поднялся и, не говоря, что он ищет, стал внимательно осматривать пол во всех углах гостиной. Я поставила лампу на ковер и тоже стала искать потерянный предмет: оказалось, что государь искал небольшую лорнетку, которой он обычно пользовался и которая упала к моим ногам, под стол. Теперь я сожалею, что не присвоила ее себе, тем более что она имела лишь ту ценность, что принадлежала Александру, — она была из простой черепахи, без украшений.

В этот самый вечер произошел довольно забавный случай. Приехав ко мне, государь вошел в гостиную, предшествуемый борзой собакой крупных размеров, которая прыгала вокруг Его Величества. Зная, что государь не любит собак, я удивилась, что

он привел ее с собой; но я ничего не сказала и вскоре совсем позабыла о появлении собаки. Лишь после отъезда государя я вспомнила, что собака не осталась в гостиной, и я спросила, куда она девалась. Слуги мои ответили, что они позаботились о собаке и угостили ее сухарями и молоком. После наведенных точных справок оказалось, что собака, которую так усердно угощали, не принадлежала ни государю, ни даже его кучеру Илье, и никто не мог узнать, откуда она взялась.

Я имела счастье вновь увидеть Александра в придворной церкви, в день Рождества. Он уехал после обедни, почти один и без свиты. Кто-то заметил у фельдмаршала Кутузова, что осторожность требовала бы, чтобы императора лучше охраняли в военное время, «Боже мой! — воскликнул фельдмаршал, — неужели кто-нибудь решится сделать зло этому ангелу». Такой человек нашелся, — нельзя подумать об этом без содрогания. И у него только не было случая выполнить свой замысел! Такой человек нашелся не среди неприятеля, и не в военное, а в мирное время, в собственном государстве Александра, среди неблагодарных подданных, достойных всего гнева и всех кар небесных!

Без сомнения, легко вспомнить и передать все замечательные слова Александра и благородные чувства, вырвавшиеся из его великодушного сердца; но кто передаст выражение его взгляда, его интонаций и всего лица?.. Какое испытываешь тяжкое сожаление, когда среди прекрасных иллюзий, услаждающих сердце при воспроизведении этих воспоминаний, вдруг вспоминаешь ужасную правду и говоришь себе: «Это прекрасное, благодетельное создание уже не существует, и ничто не вернет его нам! Ах, как в такие минуты чувствуешь потребность поднять взоры к небу, где настоящее его место!»

ГЛАВА XIV
Семейные дела. Тщетные надежды поляков. Смерть Кутузова. Военные события

Прибывши в уединенное имение под охраной казаков, — предосторожность вполне бесполезная, так как дороги были безопасны и спокойствие везде восстановилось, — вполне доверяя последним словам государя, я не тревожилась о мартовском сроке. Но поверенные моего отца не разделяли моего спокойствия и уверяли, что, так как я не добилась распоряжения, делающего исключение для моего отца, то правительство поступит согласно общему постановлению о секвестре имуществ. Так как мой отец не возвращался, пришлось принять новые меры. Приводя самые недостаточные мотивы, я написала, что отец мой принужден продолжить свое пребывание за границей; я прибавила, что, если нужно, я сама за ним поеду; и в заключение я умоляла Его Величество не подвергать имущества моего отца конфискации и секвестру. Я послала это письмо с верным, старым конюшим в главную квартиру, в Иоганисбург, в Пруссии. Мой курьер, не отличаясь особенной подвижностью, тем не менее приехал довольно скоро и передал мою депешу графу Толстому. Прождав три дня, мой посланный все время приставал к доброму графу Толстому, который каждый раз, как видел его, призывал его в свою комнату, говорил, чтобы он терпеливо ждал, и поручал его заботам дворцовой прислуги.

Посланный был, наконец, отпущен с самым благоприятным ответом, а именно — с паспортом для моей поездки к отцу, — причем ехать мне не пришлось, так как просьба моя достигла желанной цели, — и с приказом генерал-губернатору не подвергать наши имения секвестру.

Я поспешила сообщить отцу эти хорошие вести; но я вскоре узнала, что он уехал из Вены, чтобы присоединиться в Дрездене к другим членам литовского временного правительства, которые привлекли его, внушив призрачные надежды и глубокую уверенность, что в предстоящем договоре, который должен был состояться в Вене, Наполеон не преминет позаботиться о судьбе Польши.

С мужеством и стойкостью, достойными лучшей участи, лишенные всех средств существования, благодаря тому что они добровольно бросили свои имения, не получая никакой помощи

от французского правительства, поляки и литовцы, однако, слепо решились последовать за колеблющейся фортуной Наполеона, который, подобно угасающему светочу, еще привлекал и очаровывал их своим обманчивым блеском.

Варшаву заняли русские; тем не менее исход войны еще не определился. Фельдмаршал Кутузов, заболевший заразной лихорадкой, в борьбе с которой все искусство врачей оказалось бессильным, вследствие преклонного его возраста и усталости, перенесенной им за последнюю кампанию, — фельдмаршал Кутузов покончил жизненные счеты в Бунцлау, в Силезии. Кутузов посвятил всю жизнь служению своим государям. Восемнадцати лет он получил, при взятии небольшой турецкой крепости, рану, лишившую его одного глаза. Он часто командовал русскими войсками, одержал несколько побед, испытал также и большие неудачи, но всегда умел уберечь войска от столь пагубного для них упадка духа. Побежденные при Аустерлице и при Бородине, русские солдаты не отчаялись спасти Россию и сохранили уважение к своему старому генералу даже во время его неудач.

Ловкий, искусный дипломат, Кутузов в царствование Екатерины II занимал должность чрезвычайного посла в Константинополе. В 1812 г. он искусно вел переговоры с Лористоном, подавая надежды на мир, — надежды, которым не предстояло осуществиться. Он воспользовался перемирием, чтобы собрать громадные количества солдат, лошадей, съестных припасов и амуниции. Добровольные пожертвования различных русских губерний были так велики, что фельдмаршал утверждал, в моем присутствии, что не только армия его была обильно всем снабжена, но он даже принужден был отменить доставку многих ненужных запасов.

Я не стану распространяться долее о важнейших военных действиях в Германии, которые, несмотря на некоторые последние проблески непостоянного счастья, подготовили падение того, кто раньше распоряжался европейскими престолами и кто теперь должен был спуститься с того престола, на который возвели его военные победы и его гений. События эти принадлежат истории и политике. Перо современного Тита-Ливия, соперника Ричардсонов, Фильдингов и т. д., со свойственным ему талантом уже отметило эти события в сочинении, озаглавленном «Жизнь Наполеона» и т. д.[10]

При этих памятных событиях император Александр проявил не только примирительный дух и твердость, но также большое мужество Всем известно, что на рекогносцировке близ Дрездена то самое ядро, которое раздробило знаменитому генералу Моро

обе ноги, — пролетело около русского императора и покрыло его пылью.

При одной серьезной схватке генерал Витгенштейн послал своего адъютанта умолять государя удалиться и не рисковать своей жизнью; он также велел сказать государю, что присутствие Его Величества совершенно лишает его хладнокровия, необходимого при военных действиях.

Политические взгляды Александра клонились лишь к утверждению в Европе мира и обеспечению независимости Германии. В Праге состоялся конгресс, которому предшествовало перемирие. Известен печальный результат этого конгресса: последовавшие за ним враждебные действия стоили человечеству потоков крови, а Франции — неисчислимых жертв. Граф Нарбонн, в то время посланник Наполеона в Вене, явился на этом конгрессе весьма плохим представителем интересов своего повелителя. Он выказал при австрийском дворе легкомыслие, не соответствовавшее ни его возрасту, ни положению, легкомыслие, которое могло лишь покоробить серьезных, степенных немцев. Нарбонн не сумел распознать истинные намерения австрийского кабинета, а также силу общественного мнения, которое открыто проявлялось в Австрии и, в конце концов, потребовало, чтобы государь объявил себя против Франции.

Вскоре австрийское войско двинулось на армию Наполеона и поставило ее в критическое положение. Мы не станем входить в подробности успехов и неудач этого великого полководца. При знаменитой Лейпцигской битве, где погиб князь Понятовский, последняя надежда поляков, один из моих двоюродных братьев, полковник П***, был тоже опасно ранен и взят в плен пруссаками. Жена его, женщина очень интересная по своим нравственным качествам, написала императору, прося его разрешить ей отправиться к мужу в Берлин и вернуться с ним в Литву. Государь дал ей аудиенцию и приветливо принял ее; а когда г-жа П***, ободренная этим успехом, осмелилась просить о снятии секвестра с ее личного имущества, государь прибавил: «А также и с имущества вашего мужа». Вот как он относился к своим подданным, восставшим с оружием в руках! К сожалению, великодушие Александра стало для большинства столь привычным, что не только не вызывало восторга и глубокой благодарности, но принималось как нечто обязательное. Таково вообще человеческое сердце: мало есть таких, для кого признательность не является тяжким бременем. Столь замечательные слова Александра, — «Посмотрим, что лучше удастся — внушать страх или любовь», — казалось, с каждым днем оправдывались тем доверием, которое внушал рыцарский

характер государя, и присоединением германских сил к русскому войску. Преследуя во главе союзных войск остатки французской армии, собиравшейся перейти. Рейн, по берегам которого развевались его торжествующие знамена, Александр обратился к своим храбрым войскам с приказом, из которого я приведу здесь выдержки, лучше всего характеризующие прекрасную душу этого государя и руководившие им благородные чувства. «Воины! Доблесть ваша привела вас с берегов Оки к берегам Рейна… Проникнув в глубь нашей империи, неприятель, с которым мы теперь боремся, причинил великие бедствия. Но страшная кара пала на его голову… Гнев Божий разразился над нашими врагами… Не будем подражать им: забудем дела их. Обратимся к Франции не со злобой и местью, — протянем ей руку в залог мира. Для русского слава в том, чтобы победить нападающего на него неприятеля и относиться по-братски к обезоруженному врагу. Исповедуемая нами вера устами самого Бога учит нас любить наших врагов и делать добро тем, кто нас ненавидит. Воины! Я убежден, что благодаря вашему сдержанному поведению в неприятельской земле, в которую мы вступаем, вы сумеете победить столько же благодаря величию души, как и силе телесной, и. соединив доблесть воина с человеколюбием христианина, вы завершите ваши великие деяния, сохранив ту славу храброго и цивилизованного народа, которую деяния эти упрочили за вами. Я также убежден, что ваши вожди приложат все старания, чтобы сохранить незапятнанной честь наших войск».

ГЛАВА XV
Нашествие на Францию. Вступление союзных войск в Париж. Великодушный образ действий Александра

Между тем Наполеон добился от Франции новых жертв.

По требованию его явилось новое войско, но состоящее уже не из мужчин, а из детей, едва умевших владеть оружием, которое им вкладывали в руки. Тем не менее французы, благодаря врожденной им доблести и с помощью остатков старых, искусившихся в бою войск, поддержали своими искусными движениями великие дарования руководившего ими полководца.

Была минута, когда союзные генералы высказались за отступление, представлявшееся им неизбежным; войска не могли долго продержаться в разоренной стране. Париж и Национальная гвардия проникались воинственным духом, который бы не ослаб и, быть может, погубил бы эту громадную столицу, если б в этих критических обстоятельствах Мария Луиза проявила сильный характер Марии-Терезии.

Император Александр, не разделяя точки зрения своих союзников, убедил их принять свое мнение, а именно, — быстро идти на Париж, в то время как отряд войск будет отвлекать силы Наполеона. В этом плане действий, по мнению самих командовавших генералов, проявился настоящий военный гений, которому по справедливости надо приписать счастливый и блестящий исход кампании.

Между тем как Наполеон завязал борьбу с русским генералом Винцингероде, император Александр двинулся на Париж во главе армии столь сильной, что маршал. Мармон не осмелился вступить с ней в сражение и, защищая Париж, подвергнуть громадное его население ужасам разграбления.

Капитуляция Парижа, за которую Наполеон и его сторонники обвиняли маршала в измене, была неизбежной[11].

На высотах Монмартра Париж с ужасом увидал готовые ринуться на него необозримые войска. Парижане уже не были под влиянием великого национального движения (Мария Луиза с сыном уже покинули Париж); парижане думали лишь о собственном спасении, и для них Франция и отечество

заключались в пределах Парижа.

Опасаясь справедливого возмездия и не зная еще безграничного великодушия Александра, который, проникнувшись религиозными принципами и не желая воздавать злом за зло, отнесся к Франции как к дружеской стране, — большинство жителей страны поспешно бежали, продавая за ничтожную цену самое драгоценное свое имущество. Богатые картинные галереи, прекрасные библиотеки, тысячи редких предметов искусства, — выставлялись в лавках старьевщиков, и вскоре сами торговцы, опасаясь за драгоценные предметы, которых они могли лишиться в один миг, поспешили спрятать их от посторонних взоров. Тревога и страх царили в этом громадном городе, еще не знавшем, какая судьба была приуготовлена ему справедливостью и милосердием союзных государей. Одни лишь сторонники Бурбонов, вполне доверяя великодушию союза монархов, предавались надеждам и открыто выставляли белую кокарду, знак единения во имя правого дела.

30 марта, в памятный день капитуляции маршала Мармона, мэры города Парижа явились в главную квартиру русского императора. Принимая их, государь приветливо сказал им: «Мы воюем не с Францией, а с тем, кто, назвавшись нашим другом и союзником, трижды предал нас; с тем, кто напал на наши государства, опустошил их и оставил на своем пути следы, которые изгладит одно лишь время. Я люблю французов, — прибавил Александр, — и признаю среди них одного лишь врага — Наполеона. Париж может рассчитывать на мое покровительство. Лишь отборная часть наших войск вступит в пределы вашего города. Я хочу воздать добром за зло. Франции необходимо прочное правительство, которое бы обеспечило ее спокойствие и спокойствие Европы».

Восхищенные этим приемом, мэры передали Парижу благожелательные и миролюбивые слова победителя и друга французов. Наконец, присутствие Александра окончательно вернуло доверие во все сердца. 31 марта союзные войскf вступили в Париж. Шествие открывали несколько эскадро нов кавалерии; за ними следовал Александр, сопровождаемый прусским королем, Великим князем Константином, князем Шварценбергом и блестящим штабом. Затем, в наилучшем военном порядке, шла многочисленная колонна, состоявшая из отборной инфантерии, кавалерии и артиллерии императорской гвардии. Благоприятствуемое чудной погодой, это блестящее войско дефилировало по предместью Сен-Мартен, по бульвару и площади Людовика XV и остановилось на Елисейских полях, при многократных кликах: «Да здравствует Александр! Да здравствует

король Пруссии! Да здравствуют Бурбоны!» — Александр вступал в Париж победителем, во главе своих торжествующих войск, и между тем, судя по толпам народа, поспешно собиравшимся, чтобы созерцать его вдоль пути, восхищаться величественной красой, кротким и приветливым лицом этого героя человеческого рода, — можно было принять Александра за возлюбленного монарха, который возвращался в свою столицу по окончании счастливой и славной войны и которого приветствовали его подданные. Какая минута! Какое торжество! Как простительно было бы при таких обстоятельствах минутное опьянение! Но недоступное гордости сердце Александра отсылало эту славу Тому, от Кого исходит всякая слава, и благословляло направившее шаги его Провидение.

В самый день своего вступления в Париж Александр напечатал следующую декларацию: «Войска союзных держав заняли столицу Франции. Союзные государи принимают пожелания французского народа. Они объявляют, что если условия мира нуждались в прочных гарантиях, когда речь шла о том, чтобы сдержать честолюбие Бонапарта, условия эти должны быть более благоприятны, если Франция, вернувшись к мудрому правительству, сама даст обеспечение мира. Посему государи объявляют, что они не вступят в переговоры с Наполеоном Бонапартом или с каким-либо членом его семьи; что они уважают неприкосновенность прежней Франции, какой она была при своих законных королях.

Они готовы сделать и более того, ибо они по-прежнему признают тот принцип, что для счастья Европы Франция должна быть великой и сильной; и они признают и обеспечат ту конституцию, которую Франция изберет для себя. Поэтому они предлагают сенату назначить временное правительство, которое могло бы отправлять административные функции и подготовить конституцию, соответствующую потребностям французского народа. Выраженные мной намерения разделяются и другими державами.

Александр Нессельроде Париж, 31 марта, три часа пополудни»

Сенат, который раньше все также невозмутимо склонялся перед деспотической волей Наполеона, — сенат, стряхнув с себя, наконец, угнетавшее его иго, объявил Наполеона и его семью низложенными и освободил народ от присяги верности.

Император дал аудиенцию депутации сената. «Государь, — сказал один из членов депутации, — мы давно ожидали Ваше Величество». Как благороден был ответ Александра: «В этом промедлении вина падает на доблесть французов». Александр

повторил, что он — друг французов; что справедливость, так же, как и разум, требует, чтобы Франция избрала себе конституцию, соответствующую просвещенному веку; что и он, и союзные государи обещают свое содействие мудрым и справедливым предначертаниям французского народа.

ГЛАВА XVI
Продолжение предшествующей главы. Странные доказательства доверия, данные Александру жителями Парижа. Разные эпизоды

При вступлении союзных войск в Париж тысяча пятьсот человек французской армии, взятые в плен в окрестностях города, ждали на бульваре, чтобы решили их судьбу или, вернее, их место назначения, когда поспешно подбежавшие русские офицеры закричали им: «Французы, вы свободны, император Александр дарует вам свободу именем вашего короля, Людовика XVIII. Вы можете возвратиться к вашим очагам». Это был благородный и деликатный способ намекнуть французскому народу на тот выбор, который он уже сам произвел в глубине души, при падении Наполеона. Французские солдаты тотчас закричали: «Да здравствует король!» и попросили белую кокарду. Тогда дамы высшего общества принесли белое знамя, на котором эти добрые воины принесли присягу Людовику XVIII.

Когда Александр переходил Вандомскую площадь, взоры его внезапно были поражены красивым памятником, возведенным искусством в честь гордыни, победы и мощи, соединившихся в личности Наполеона, в честь монарха, внушавшего такой страх, в честь гордого завоевателя', который, в силу превратности человеческих судеб и под влиянием созидателей его карьеры, в ту самую, быть может, минуту, когда счастливый и скромный его соперник созерцал его великолепное изображение, — подписывал акт отречения, лишавший его величия и верховной власти… Обращаясь к окружавшим его лицам, Александр сказал им, улыбаясь: «Если б я был вознесен так высоко, у меня закружилась бы голова»[12].

Когда глава коалиции, вступив в Париж, объявил депутации сената от имени союзных государей, что он не желает стеснять французский народ в выборе государя, уверяют, что выбор этот, внушенный чувством восхищения и доверия, остановился бы на Александре, если б отличавшее его чувство справедливости позволило ему принять эту высшую дань уважения. Известно, с каким интересом и участием Александр отнесся к императрице Жозефине, первой жене Наполеона, и к ее сыну, принцу Евгению

Александр остановился в Париже у князя Талейрана.

Государь счел нужным проявить этим свое доверие к нему за преданность и рвение, которые сановник этот выказал по отношению к Бурбонам. Очарованные умом и приветливостью Александра, французы как бы вновь нашли в северном монархе своего Генриха IV, и новые песни, благодаря своей популярности тотчас сделавшиеся национальными, соединили и совместно прославили эти два великих имени. Французы ежедневно толпились у дверей дома Талейрана. Они приходили говорить с Александром не только о великих интересах Франции, но и о своих личных делах, и часто обращались к справедливому суждению государя по поводу своих семейных несогласий. Всегда доступный, Александр улыбался в ответ на эти странные проявления доверия и никогда не обнаруживал нетерпения или неудовольствия по отношению к докучавшим ему лицам[13].

Движимый свойственным ему великодушием, Александр также настоял, чтобы союзные государи согласились предложить наиболее выгодные условия неприятелю, слава и несчастья которого невольно внушали уважение[14].

Он хотел, чтобы Наполеон сохранил принадлежавший ему титул императора, — титул, санкционированный церковью и признанный всеми державами Европы (за исключением Англии); наконец, чтобы он пользовался свободой и верховной властью на Эльбе, с правом пользоваться всеми сокровищами этого острова: великодушный Александр не мог тогда ни рассчитать, ни предугадать последствий и опасности такой снисходительности.

Порядок и дисциплина союзных войск внушали парижанам такое доверие, что в самый день вступления армии в Париж все лавки открылись; а три дня спустя, среди множества разных предметов редкости, в магазинах красовались фарфоровые сервизы, представлявшие вступление союзных государей в Париж, что дает основание предполагать, что артисты, как искусные политики, предугадали это событие. Военная дисциплина так строго соблюдалась в русской армии, что один солдат был наказан смертью за то, что при вступлении в Париж он взял (вероятно, с голоду) хлеб с летка булочника: офицер, заставший его при этом врасплох, тут же застрелил его. В самый день своего вступления в Париж русские войска дали поразительный пример повиновения. Император Александр был в театре, когда ему доложили, что расположившаяся в Елисейских полях императорская гвардия еще не получила харчей и что солдаты начали роптать. Император тотчас вышел из своей ложи, призвал французских чиновников и дал им понять, что он не отвечает за беспорядки, которые могут возникнуть, если оставят его войска без съестных припасов. После этого всем парижским извозчикам

приказано было перевозить в Елисейские поля всякого рода съестную провизию. Таким образом, русские солдаты, на глазах которых французы разграбили их родину, — солдаты эти, одержав, в свою очередь, победу над Францией, провели целый день без пищи и, несмотря на усталость и голод, не позволили себе никакого насилия. Какие люди! Какая армия! И как высоко одарен был государь, создавший из своих солдат людей, способных по его желанию покорить весь мир. Польские войска, служившие до тех пор Франции и Наполеону, просили разрешения вступить на службу к великодушному Александру, на котором сосредоточивались все надежды — надежды, ради которых так долго и так тщетно храбрые воины проливали свою кровь. Государь благосклонно принял выражения их преданности и поставил во главе их собственного брата, тем самым обеспечивая им свое покровительство и данные им обещания по отношению к ожидавшей их отечество судьбе. Замечательно, что не кто иной, как русский государь, заставил французское правительство уплатить его литовским подданным, завлеченным на службу Наполеона, недоплаченные им пенсии.

Многим из этих литовцев государь дал аудиенцию, милостиво говорил с ними, разрешил им вернуться к их домашним очагам; но он отказался принять членов временного литовского правительства, говоря, что он никогда не слыхал о подобном правительстве в своем государстве.

Мой отец, по возвращении из Парижа, рассказал мне, что секретарь временного литовского правительства составил письмо, — как бы условие или договор между государем и этим правительством, письмо, которое должны были подписать все члены последнего. По странному противоречию, говорил отец (который в то время объявил, что он никогда не подпишет подобного письма, и предложил другое, в приличествующих данным обстоятельствам выражениях), письмо это заканчивалось обычной формулой — выражения верноподданнических чувств. Всем этим лицам государь дозволил вернуться в Литву и вступить в пользование своими имениями.

Осматривая произведения искусства, украшавшие Париж, Александр обратил особое внимание на здание, увековечившее память Людовика XIV, здание, на мой взгляд, лучше всего свидетельствующее о величии этого замечательного короля, об истинно царственной его щедрости, благотворной и полезной. Я говорю о Доме инвалидов. В этом здании теперь вторично появлялся русский государь. Император застал старых победителей в глубокой печали: у них только что отняли свидетельствовавшие об их славе трофеи, — пушки, захваченные

при Иене, Ваграме, Аустерлице и т. д.

— Утешьтесь, доблестные воины, — сказал им государь, сердце которого всегда отзывалось на все благородные чувства, — я попрошу государей, моих союзников, оставить вам некоторые из предметов воспоминания о вашей славе.

И, прощаясь с ними, он приказал, чтобы оставили в Доме инвалидов двенадцать русских пушек. Везде и при всех случаях Александр проявлял такое же благородство чувств. Французы сочли долгом предложить государю переменить название Аустерлицкого моста.

— Нет, — сказал государь, — достаточно, если знать, что император Александр перешел через этот мост со своими войсками.

В аудиенции, данной Институту, Александр сказал, в ответ на речь Лакретэля, что «он всегда отдавал должное трудам и прогрессу французов в науках и искусствах; что несчастья Франции он не приписывал ученым и что он вместе с ними радуется, что они получили, наконец, свободу мысли. „Мое счастье, — сказал далее Александр, — мое единственное желание — быть полезным человеческому роду. Вот единственный двигатель, который привел меня во Францию.“ Император Александр, так же, как и прусский король, почтил своим присутствием публичное заседание Института и выслушал при этом похвальные речи Петру Великому и Фридриху II, речи, к которым президент искусно присоединил хвалу их августейшим преемникам.

Его Величество беседовал затем с некоторыми членами Института, с Сюаром, Вильменом, который еще не принадлежал к этому знаменитому обществу, но уже выдвигался своими юными, прекрасными дарованиями[15].

Император Александр принял также депутацию от Общества поощрения искусств и ремесел; во главе ее был известный ученый Шанталь. Он благодарил государя за покровительство, которое он соблаговолил оказать всем городским учреждениям при своем вступлении в Париж. Император ответил Шанталю: „Я от души желаю, чтобы искусства и наиболее полезные ремесла распространились по всей поверхности земного шара, и я высоко ценю всех тех, кто стремится содействовать своими талантами достижению этой благородной цели“.

Движимый не столько любопытством, сколько серьезным интересом, Александр посетил в Париже все учреждения, посвященные наукам, искусствам, промышленности, человечеству. Везде присутствие государя, его приветливость, его речи вызывали чувства удивления и восторга, внушали к его

личности самое нежное благоговение.

Ученые всех сословий, самые даровитые писатели постоянно восхищались его тонким, изящным, наблюдательным умом, светлыми суждениями, проявлявшимися в каждом ответе Александра; и они изумлялись, с каким благородным изяществом, естественным красноречием выражался русский государь на языке, который сами они постоянно изучали.

Осматривая приют для женщин, лишившихся рассудка из-за любви, Его Величество пожелал знать, много ли там несчастных созданий, потерявших разум вследствие чрезмерной и плохо направленной чувствительности. При этом директриса ответила ему: „Ваше Величество, до сих пор их было немного, но можно опасаться, что число их возрастет с той минуты, как Вы вступили в Париж“.

Я как бы вижу императора Александра, улыбающегося и краснеющего в ответ на эти слова.

Когда государь посетил Монетный дом, в его присутствии была выбита медаль, с одной стороны изображавшая первую букву его имени, со следующей надписью вокруг: „Восстановителю Европейского мира“. На другой стороне медали изображен был французский герб, при следующих словах: „В апреле 1814 года Франция вновь вступила в великий союз Европейских держав“. При посещении Лувра и Тюильрийского дворца император Александр остановился в так называемом салоне „Мира“ и со своей тонкой улыбкой сказал сопровождавшим его лицам: „Зачем был Наполеону этот салон?“ В самый день вступления государя в Париж, и по его приказу, добродетельный епископ Тройский (Булонский аббат) был освобожден из заключения, которому подверг его Бонапарт. Раздражительно-тщеславный Наполеон оскорбился правдивой речью, которую держал в его присутствии достойный священнослужитель, которого никакая угроза не могла запугать. Император Александр пригласил к своему столу почтенного директора Института для глухонемых аббата Гикара, которого он раньше наградил орденом Св. Владимира, — орденом, который Наполеон особым приказом воспретил ему носить.

Александр любил отмечать и награждать заслуги во всех классах общества. Он осыпал знаками своего благоволения вдову своего воспитателя Лагарпа и, посетив г-жу Лагарп, он с удовольствием говорил ей о своем чувстве признательности к просвещенным заботам человека, утрата которого еще была ему чувствительна. Гордясь покровительством, которое оказывал им Александр, художники спешили воспроизвести благородные черты этого гения мира; и вскоре появился его бюст с такой

надписью: „Alexandro Russiarum omnium imperatori memores Galliarum populi“.

„Iura pater populo, diademata regubus ultor,
Evropae pacem, templis sua numine reddit“.

Желая также выказать свое участие находившимся в Париже полякам, Александр предложил княгине Яблоновской дать бал, чтобы всех соединить в его присутствии. На этом собрании, где присутствовали также многие литовцы-эмигранты, Александр выказал все свойственные ему привлекательные качества; своим великодушным образом действий он хотел доказать, что девизом его сердца было любить и прощать. „Мое счастье, — говорил этот прекрасный государь, — заключается в счастье человеческого рода“.

Уже граф д'Артуа приехал в Париж, где присутствие его произвело сенсацию, когда император Александр пожелал дать Парижу великий пример, воздав благодарность Провидению за его поддержку и милости.

На площади Людовика XV, — площади, навсегда памятной в кровавых страницах истории революции, должно было совершиться, по приказанию Александра, торжественное священнослужение. Семь православных пастырей церкви, при соучастии Императорской капеллы, отслужили церковную службу с подобающей торжественностью, в богато украшенном алтаре, перед которым продефилировали войска, возвращавшиеся с блестящего смотра. Громадная толпа собралась, чтобы созерцать это зрелище, вызывавшее своей новизной естественное любопытство парижан. Как только государи вступили в алтарь, тотчас звучные голоса запели благодарственный молебен; воздух наполнился благоуханием ладана, и государи, так же, как их войска, опустились на колени, чтобы получить благословение свыше и склониться перед тем, кто дает власть королям.

Когда Людовик XVIII, возвращенный Франции, вступил на престол своих предков, император Александр отправился к нему на встречу, в Компьень. Он приехал без свиты, в сопровождении лишь одного своего адъютанта Чернышева. Принц Конде встретил Его Императорское Величество на лестнице и провел государя в гостиную, где его ждал французский король. Свидание двух монархов было столь же трогательное, сколько дружеское; беседа их явилась излиянием двух благородных сердец. По просьбе французского короля Александр тотчас даровал свободу ста пятидесяти тысячам французов — находившимся в России военнопленным. „Под какими бы знаменами они ни сражались, —

сказал Людовик XVIII, — но они несчастны, и я должен относиться к ним как к своим детям“.

Когда, при вступлении короля в столицу Франции, союзные государи обедали в Тюильрийском дворце, Людовик XVIII, вероятно, соблюдая старинный этикет французского двора, первый прошел в зал королевского банкета. Император Александр, несколько удивленный, сказал, улыбаясь, окружавшим его лицам: „Мы, северные дикари, более вежливы в своей стране“.

ГЛАВА XVII
Путешествие Александра в Англию и Голландию после трактата 1814 г. Возвращение в С.-Петербург. Торжества

Обеспечив спокойствие и независимость французов, так же, как неприкосновенность границ их территории, посредством мирного договора, гораздо более выгодного, чем Франция могла надеяться после стольких неудач, Александр покинул Париж и Францию и отправился в Англию. Вместе с прусским королем он поехал через Булонь, где их ждал флот, которым командовал адмирал герцог Кларенский. Их быстрый переезд совершился при звуках ружейных залпов, данных английским и русским флотами. Несметные толпы народа собрались на берегах Англии, чтобы присутствовать при высадке на берег русского и прусского государей. Когда же последние сели в приготовленные для них экипажи, тотчас народ неудержимым порывом, противиться которому было бесполезно, — отпряг экипажи и довез их до Дувра, среди общего энтузиазма и кликов: «Да здравствуют император Александр и прусский король!»

На следующий день оба монарха, чтобы избежать энергичных демонстраций английского народа, и к великому разочарованию последнего, уехали инкогнито, в почтовых каретах. В Лондон они приехали запросто, без свиты. Русский император остановился в доме, который занимала Великая княгиня Екатерина, любимая сестра, раньше его приехавшая в Англию.

Чтобы удовлетворить желание толпы, жадно стремившейся созерцать «Восстановителя Европейского мира», победителя, отличавшегося гуманностью и величием души, Александр, тотчас по своем приезде, должен был выйти на балкон и неоднократно принять шумные приветствия детей Альбиона. Везде по улицам, где должен был пройти кортеж государей, крыши домов были сняты, чтобы дать места любопытным. Против самого дома, который занимал русский император, поставлены были вдоль улицы скамьи и ложи, которые дамы занимали по билетам, чтобы видеть императора Александра при его проезде, во время пребывания его в Лондоне.

Император дал аудиенцию, в своем официальном помещении в Сент-Джемском дворце, — лорд-мэру с альдерменами,

облеченными в парадную форму. «Позвольте, государь, — сказал лорд-мэр, — выразить Вашему Императорскому Величеству, как мы живо чувствуем выпавшую на нашу долю честь в день, когда Великобритания имеет счастье принять у себя монарха, столь великого по занимаемому им высокому положению и еще более великому по качествам его сердца, заключающего в себе все, что есть благородного, великодушного, гуманного и справедливого.»

Александр ответил по-английски: «Примите, господа, мою благодарность за ваше лестное приветствие. Я уже давно желач видеть Англию; и теперь мне тем более приятно быть здесь, что после достопамятной войны Европа завоевала, наконец, мир, который, я надеюсь, долгое время составит счастье человеческого рода. Передайте от меня вашим соотечественникам, что английская нация имеет много прав на мое уважение; ее поведение в этой последней тяжелой борьбе вызвало мое восхищение, а также восхищение всего мира. Во время войны я всегда был верным союзником Великобритании, и в мирное время я останусь ее верным другом».

Я не буду подробно описывать блестящие празднества, для которых задолго делались приготовления в Англии: балы на три тысячи человек, роскошные пиры, данные лондонским муниципалитетом, многочисленные тосты, всегда сопровождавшиеся любимым напевом «God save the king» или «Rule Britania», спектакли, морские празднества в Вульвиче, в Портсмуте, — чередовались в этом непрерывном ряду увеселений и торжеств. Но государи могли заметить, что в этом великолепном приеме, столь необычайном по своей особенной торжественности, проглядывало не столько искреннее желание почтить столь высоких гостей, сколько национальный дух, тщеславное стремление к преобладанию со стороны властительницы морей; и что менее блестящие, но, быть может, более искренние и простодушные приветствия, полученные ими во Франции, выражали по крайней мере искреннюю признательность без примеси чего-либо личного.

Император Александр с интересом осмотрел самые замечательные окрестности Лондона, так же как общественный учреждения этого богатого города, между прочим банк, на который он обратил особенное внимание. По его словам, все виденное им подтверждало его мнение, что Англия, по своим коммерческим отношениям, по своим несметным богатствам, по достойному уважения характеру своих обитателей, вполне заслуживала ту славу, которой она пользовалась. Александр, со своей августейшей сестрой, посетил также Оксфорд, где он во всех подробностях осмотрел знаменитый университет, и также,

как прусский король, согласился принять диплом доктора по гражданскому праву. Церемония эта совершилась при торжественной обстановке, в присутствии огромного числа зрителей обоих полов и студентов в черных мантиях. Принц-регент, раньше получивший докторское звание, принял, в соответствующем костюме, обоих августейших кандидатов в общем зале. Университетский оратор произнес по-латыни речь, с восхвалениями по адресу обоих монархов. Затем несколько студентов продекламировали несколько поэтических отрывков на тему московского пожара, падения Наполеона, стойкости и великодушия союзников, мудрости принца-регента.

Император Александр почтил своим присутствием Бленгеймский замок и великолепный бал, данный в его честь графиней Жерсей. Он посетил также Ричмонд, Инвалидный дом в Гринвиче и в Челси, и другие общественные учреждения. Пробывши в Англии четыре недели, среди волшебной обстановки могущества и роскоши, Александр уехал в Голландию. Здесь он отправился на поклонение в дом, где Петр Великий жил в Саардаме. Собственник этого скромного жилища, осененного великими воспоминаниями, был счастлив принести его в дар августейшему преемнику Петра I, который вознаградил его со свойственной ему щедростью. Затем государь отправился в обратный путь через Брюкзаль, где его ждала супруга его, императрица Елизавета. После года отсутствия, после навеки памятной и славной кампании, России предстояло вновь увидеть, наконец, своего государя. — торжествующего и скромного в то же время, — качества, столь редко совместно сопровождающие блестящий успех! Рескрипт государя на имя петербургского главнокомандующего, генерала Вязмитинова, представляет образец отличавших императора Александра скромности и благочестия.

«Осведомленный о приготовлениях к приему, которые делаются по случаю нашего возвращения, и относясь всегда отрицательно к такого рода приветствиям, я считаю их теперь более излишними, чем когда-либо. Один Всевышний совершил великие деяния, положившие конец кровавой войне в России. Мы все должны преклониться перед Провидением. Передайте же мою неизменную волю, дабы прекратить всякие приготовления к церемониалу по случаю нашего возвращения в наше государство. Пошлите губернаторам всех провинций приказ, ни под каким видом не уезжать из их губерний. Я возлагаю на вас исполнение этого приказа».

По дороге в Петербург император быстро проехал через Литву, минуя Вильну. Я отметила за это время несколько

характерных черт, рисующих приветливый нрав государя и доказывающих, что удачи, успех, опьянение счастьем — не влияли на эту великую душу. Странствуя, по обыкновению, почти без свиты или отдельно от нее, государь остановился у деревенской церкви и пошел к обедне. По окончании ее он подошел к священнику и поцеловал у него руку, — знак уважения, который он оказывал священнослужителям нашей веры. Священник, не зная императора (этот анекдот я слышала от него самого), поцеловал его в лоб, при чем на него повеяло благоуханием волос государя. Выходя из пустынной церкви (это был рабочий день), государь увидел лишь одну женщину, ожидавшую свой экипаж. Он поклонился ей и спросил, куда она едет. Она ответила: «В Вилькомир.» (Это был город того уезда, где Его Величество должен был сменить лошадей). Так как экипаж этой дамы не приезжал, император, ради развлечения, предложил ей ехать в его коляске. Уверенная, что собеседник ее — простой русский офицер, она охотно согласилась; при этом она рассказала государю, что ей приходится ехать в Вилькомир, чтобы вести процесс, который она боится потерять, несмотря на то, что дело ее правое: может ли надеяться на справедливость, сказала она, бедная вдова дворянина, без всякой протекции! Ей советовали, прибавила она, обратиться к литовскому генерал-губернатору, но она не имела чести знать его; у нее не было средств, чтобы добиться благосклонного внимания губернского секретаря. Разговор этот очень забавлял государя, который поспешил предложить даме походатайствовать за нее у Корсакова. Бедная вдова поблагодарила его за любезность, но, по-видимому, не придала значения предложению услуг со стороны простого офицера. Каково было удивление свиты государя, когда Его Величество приехал вместе с женщиной, которая не была ни молода, ни хороша собой, и не отличалась хорошими манерами!

Но трудно себе представить замешательство и удивление бедной женщины, когда она узнала, по знакам почета, которые все оказывали ее спутнику, что она долго пробыла в обществе императора, ее государя. Лучше всего в этой странной встрече было то, что она выиграла свой процесс благодаря тому заступничеству, которое вначале не внушило ей доверия.

Император Александр чрезвычайно любил странствовать инкогнито. Он часто заходил в находившиеся на его пути дома частных лиц, беседовал с хозяевами, своей предупредительностью приобретал их доверие, расспрашивал их и таким путем открывал разные скрываемые от него злоупотребления властью, которые могли повредить благосостоянию его подданных. Однажды он вошел, таким образом, к одному дворянину, сельскому жителю,

хорошему малому. Последний принял его добродушно и, восхищенный дружеским видом, с которым император отозвался на его гостеприимство и стал пить с ним пиво, — воскликнул: «Как мы были бы счастливы, если бы все ваши товарищи походили на вас! К несчастью, большинство, в особенности гвардейские офицеры, грубы и требовательны. Благодаря им мы, как чумы, боимся прохода войск через деревню. Наконец, друг мой, — сказал он, все более оживляясь с каждым стаканом крепкого пива, — скажите, прошу вас, ваше имя, чтобы я знал, кого я имел счастье принять в своем доме?» Император, немножко смущенный, ответил, улыбаясь, что он называется честным человеком. «Итак, мой милый честный человек, — сказал дворянин, сердечно обнимая Его Величество. — благослови вас небо!» В эту самую минуту приезжают несколько лиц из свиты Его Величества: инкогнито открыто. Дрожащий и смущенный, дворянин падает к ногам государя, который ласково поднимает его и, уезжая, оставляет ему знак своего благоволения[16].

ГЛАВА XVIII
Император отказывается принять прозвание Благословенного. Награды русской армии и гражданам. Меры высшей мудрости

Если по своей необычайной скромности Александр отверг торжественное публичное чествование при своем возвращении в столицу империи, он не мог уклониться от чувств любви и восторга, повсеместно вызывавшихся ею присутствием.

Какая была минута для сердца матери, когда императрица Мария обняла сына, столь достойного ее по своим добродетелям, столь достойного, по своей высокой мудрости, выполнять благородную миссию умиротворителя Европы, государя, составлявшего честь и славу России!

Один он, влиянием своего характера, совмещавшего твердость, кротость, стойкость, — один он, руководимый и вдохновляемый религией, разрушил то, что создано было могуществом и гением, — и лишил Наполеона славных плодов двадцати лет трудов и побед. После нескольких попыток сопротивления, столь же бесполезных, сколько неудачных, государи европейского материка подчинились власти того, кто представлялся им в образе бича Божьего, которому никто не мог сопротивляться. Но пришел Александр и сказал им: «Он может быть побежден, доверимся Провидению». Ему поверили, и слова его сбылись. Довольный тем, что он без противодействия поставил Россию на должную высоту и в истинном свете проявил благородный характер той нации, судьбами которой он управлял, не приписывая себе ни единого из своих успехов; выказывая в счастье столько же умеренности, сколько он проявлял стойкости среди превратностей судьбы; мечтая лишь о счастье человеческого рода, — Александр внушил государям, своим союзникам, не только восхищение своей личностью, но и искреннее дружеское чувство; и без всяких со своей стороны стараний он на всю жизнь остался первым их советчиком. Свойства эти и заслужили ему то прозвание, о котором будет далее упомянуто.

Так как совершить великие деяния, которыми руководил Александр, мог лишь тот, кого благословил Всевышний. — то Синод, Государственный совет и Сенат пожелали обессмертить

подвиги русского народа и славу Александра С общего согласия, они отправили к государю депутацию, состоявшую из тайного советника князя Куракина, генерала Тормасова, сенатора графа Сотилова и т. д., чтобы предложить Его Императорскому Величеству прозвание Благословенного, — наименование, без сомнения, славное, но которое, казалось, не могло оскорбить скромность государя, так как оно в то же время указывало, что все великие деяния его были отмечены печатью Провидения. Депутация от имени государства умоляла Его Величество дозволить возвести в Петербурге памятник для увековечения столь славных воспоминаний, при следующей надписи: «Александру Благословенному, императору всей России, великодушному восстановителю Европейских держав, благодарная Россия».

Император принял депутацию с обычной своей приветливостью и ответил на ее речь указом, в котором, благодаря депутацию, он отказывался от наименования Благословенного, не согласовавшегося с его «взглядами и образом мыслей» и дававшего его верноподданным «пример, не соответствующий тем чувствам умеренности и духу смирения, которые он стремится им внушить». Указ заканчивался словами: «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам! Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце моем благословляю оный! Да благоденствует Россия, и да будет надо мною и над нею благословение Божие!»

Александр искал отдохновения от трудов столь долгой кампании лишь в неизменном, постоянном исполнении своего долга и в облегчении вызванных войной бедствий страны. Принужденный вновь покинуть Россию, чтобы отправиться на Венский конгресс, он поспешил облегчить эти бедствия наиболее быстрыми и действительными средствами. Государь начал с того, что приказал во всей империи воздавать благодарение Провидению за спасение России. Он учредил в пользу духовенства крест в память 1812 г. Торжествующая армия получила медаль с указанием года и дня своего вступления в Париж. Он, равным образом, учредил орден Св. Владимира для русского дворянства, принесшего отечеству столько геройских жертв, и разрешил носить его главам семейств или старшим их членам. Торговое сословие также получило, в награду за свои услуги, орден Св. Анны. Его Величество повсеместно освободил население от уплаты податных недоимок, начиная с 1813 г., так же, как от других налогов и штрафов. Государь даровал прощение всем заключенным, за исключением убийц и грабителей; избавил

от телесных наказаний преступников, осужденных на каторжные работы. Наконец, он распространил свое милосердие на всех, кто по тем или иным причинам вовлечен был наперекор долгу в ряды неприятеля. В то же время Александр приказа! вознаградить те губернии, которые во время кампании оказали правительству денежную помощь. Ссуды эти были бы возвращены, если б смерть не похитила у народа возлюбленного государя. Всегда заботливо относясь к нуждам своей империи, Александр провел тягостные войны, не вводя ни новых поборов, ни исключительных налогов. Поэтому лавры его никогда не орошались слезами его подданных. Благословения бедняков всегда сопровождали его предприятия и открыли ему в предначертаниях Провидения путь к блестящим успехам, о которых его истинно христианская скромность не позволяла ему и помышлять, ибо единственной целью его благородных стремлений, так же как единственным двигателем его мудрой и благотворной политики, — было счастье и спокойствие Европы. Да возродится его столь трогательная отеческая доброта в сердцах его преемников! Да сознают они так же, как этот великий государь, что опьяняющий дым славы, часто приобретаемой ценой счастья народов, если и дает минуту опьянения, все же не может вполне удовлетворить сердце государя: благоденствие народа, его благословения одни могут дать отрадную, чистую, ненарушимую радость, подобно небесным наградам, для которых они являются предвестником и залогом. Император велел также напечатать указ комиссии по вопросу об образовании духовенства, — указ, в котором выражаются трогательные религиозные чувства. Государь высказывает в нем ту мысль, что образование должно стремиться распространять тот свет, который светит во мраке. Направлять учеников к истинному источнику добра можно лишь следуя этому свету, теми способами, которые с такой простотой и мудростью указывает нам Евангелие, говоря, что Иисус Христос есть путь, истина и жизнь. Поэтому дух христианства должен быть основой всякого христианского общественного обучения, в особенности для молодых людей, подготовляющихся к духовному званию, ибо, подчиняя их божественному разуму, он охраняет их от заблуждений. Указ заканчивался выражением уверенности, что комиссия с помощью Всевышнего направит свои стремления к этой цели, без которой от трудов ее нельзя ждать истинного плода.

ГЛАВА XIX
Венский конгресс. Дипломатические интриги. Изумление, вызванное возвращением в Париж Наполеона

Проездом через Польшу в Вену император соблаговолил принять в Варшаве польскую депутацию. При этом глава депутации, сенатор Кицки, от имени своих соотечественников обратился к Его Величеству с выражением чувств благодарности и благоговения, так же как беспредельного доверия к великодушному покровительству Александра. Император отвечал на эту речь в лестных для поляков выражениях. Он им сказал, что едет в Вену, дабы совершить предпринятое в их пользу дело. «Я уверен, — прибавил государь, — что успех оправдает доверие вашей нации; счастье поляков будет моей наградой».

Император проехал через Пулавы, замок князей Чарторыских, которые уже несколько лет раньше имели счастье принять Его Величество. Пятнадцать дней, проведенных в замке государем, оставили неизгладимые воспоминания в сердце его знатных хозяев, которых государь осыпал особыми знаками своей дружбы. Кроме многочисленной семьи княгини Чарторыской, состоявшей из двух ее сыновей, принцессы Вюртембергской и графини Замойской, ее дочерей, в Пулавах собралось много знатных лиц: все хотели насладиться счастьем созерцать Александра и представиться ему. Среди этих лиц находились: моя тетушка княгиня Радзивилл, ее сын — князь Антоний, графиня Ржевусская, генерал Красинский, сенатор Новосильцев — вице-президент совета, и новая депутация от Варшавы. Несравненная доброта государя, проявлявшаяся в каждом его слове и исходившая из прекрасной души, которую не могли исказить ни могущество, ни счастье, — доброта эта вызывала энтузиазм и располагала к благодарности, преданности и доверию. Александр сказал польским депутатам: «Передайте жителям Варшавы, что я о них забочусь, и если я откладываю мой приезд в их город, то единственно, чтобы упрочить их счастье». В минуту отъезда Его Величества, простившись с ним, княгиня Чарторыская, ее дети и все общество отправились вперед к парому, на котором Его Величество вместе с экипажами свиты должен был переправиться через Вислу. Государь, казалось, был приятно удивлен этим вниманием, вы званным стремлением несколько лишних минут насладиться его обществом, и он это выразил со свойственной

ему приветливостью. Несмотря на прохладный вечер и близость воды, государь, доводя до крайности присущую ему вежливость, не захотел оставаться в шинели в присутствии дам. Поощренные его любезностями и комплиментами, княгиня Чарторыская, ее дочери и некоторые другие дамы попросили у него позволения взять несколько перьев из его султана. Внутренне польщенный этой просьбой, Александр охотно исполнил ее со свойственной ему чарующей грацией.

Так как европейские государи сговорились собраться в Вене лично или через посредство своих министров для обсуждения прав и интересов наций, то на конгрессе прежде всего поднялся вопрос о месте, которое каждый из них должен был занять. Со свойственной ему скромностью Александр не только не потребовал по праву ему принадлежавшего первенства, но, желая, наоборот, избегнуть всяких пререканий, способных задеть самолюбие, он предложил придерживаться алфавитного порядка, далеко отстранявшего его от первого места. Великий человек в Совете и там, где дело касалось высших интересов, Александр становился любезным, очаровательным собеседником во всех собраниях, где он благоволил появляться. Его августейшие сестры, Великая княгиня Екатерина (впоследствии королева Вюртембергская) и Великая княгиня Веймарская тоже были в Вене; и в их обществе, более чем во всяком другом, придворный этикет исчезал и заменялся шутливой беседой. Между императором и Великой княгиней Екатериной было большое сходство; и чтобы сделать его еще более поразительным, государь однажды вечером вздумал надеть платье и прическу Ее Императорского Высочества.

В день именин австрийского императора Александр и прусский король надумали сделать ему утром сюрприз и подарить ему: один — великолепный меховой соболий халат, другой — серебряный таз и кувшин прекрасной берлинской работы.

На улицах Вены часто можно было встретить императора Александра и прусского короля, гулявших вместе, одетых, как простые буржуа. Самые блестящие и замысловатые празднества, аллегорические картины, изображавшиеся красивейшими придворными дамами, оперы, спектакли, карусели, турниры, в которых немцы особенно сильны, большие костюмированные балы, великолепнейшие торжества давались в честь собравшихся в Вене со всей Европы самых знатных, высокопоставленных, одаренных и высокообразованных лиц. «В конце концов, — заметил в то время принц де Линь, шутивший даже на смертном одре, — в конце концов, празднествам конгресса недостает лишь

одного, — похоронной процессии при погребении маршала империи. Что ж, — я им доставлю это зрелище». К несчастью, он сдержал слово.

Постоянно озабоченные судьбой своего отечества, поляки с нетерпением ожидали результата переговоров конгресса и исполнения обещаний Александра. Однажды, когда один влиятельный австрийский министр стал пренебрежительно отзываться о поляках и высказываться против их интересов, Его Императорское Высочество Великий князь Константин, не будучи в состоянии сдержать свое неудовольствие, выразил его министру, как говорят, в весьма энергичной форме, за что поляки всегда будут бесконечно благодарны своему августейшему покровителю. Тем не менее, несмотря на бесконечные препятствия и помехи, которые венский кабинет ставил благородным и справедливым взглядам императора Александра, последний был провозглашен польским королем. Он сам соблаговолил сообщить эту весть полякам в письме, написанном собственной рукой председателю Сената, графу Островскому.

> *«Я сообщаю вам с особенным чувством удовлетворения, — писал государь. — что судьба вашего отечества, наконец, определилась по общему соглашению всех соединившихся на конгрессе держав. Принимая титул короля польского, я хотел исполнить желание польской нации. Польское королевство присоединится к империи посредством собственной конституции, на которой я хочу основать счастье вашей страны. Если интересы общего спокойствия не допустили, чтобы все поляки объединились под одним скипетром, я стремился, по крайне; мере, смягчить тягость разделения и везде обеспечить им мирное пользование их национальными правами. Прежде чем формальности дозволят подробно опубликовать все пункты, касающиеся окончательного устройства дел в Польше, я хотел, чтобы вы первый были об этом осведомлены по существу, и я разрешаю вам сообщить вашим соотечественникам содержание настоящего письма.*
>
> *Примите уверение в моем искреннем уважении.*
> ***Александр».***

Трудно представить себе, какую радость новость эта вызвала в истинно польских сердцах. Среди общего ликования уже ожидали скорого приезда желанного монарха, когда события в Европе внезапно изменились. Генерал Поццо ди Борго, русский посланник во Франции, приехал из Парижа в Вену и объявил

конгрессу, что Бурбоны, более чем когда-либо, утвердились на престоле. Через пятнадцать дней, среди одного празднества, на котором были представлены все божества Олимпа и Парнаса, вдруг, как громовый удар, пронеслась изумительная новость: «Наполеон покинул остров Эльба, Наполеон — во Франции!»

Лицо, передавшее мне эти подробности и бывшее свидетелем их, граф Сальмони, человек выдающегося ума, рассказал мне, что великий страх объял небесных богов, и что среди богов земных император Александр, как человек разумный, первый покинул празднество, чтобы скрыть от публики свое впечатление.

На следующий день, когда все оправились от потрясения, естественно, вызванного этим событием, размышления успокоили и уничтожили первоначальное изумление и невольный страх. «Это сумасшедший! Авантюрист!» — Так выражались, говоря о Наполеоне. Задетый колкими упреками, с которыми везде к нему обращались по поводу его неведения относительно положения дел во Франции, Поццо ди Борго шел дальше всех и уверял, что Наполеона повесят на первом же дереве по прибытии его во Францию. Однако, этот сумасшедший, авантюрист, вернее — этот непостижимый человек, бежавший с острова Эльба на простом бриге и чудесным образом пробравшийся среди английских кораблей, — высадился во Франции с горстью солдат. Двадцать дней спустя он вступил в Париж во главе армии, объявляя в своем смелом воззвании, что один он может восстановить мир, и он восстановит его в Европе.

О Провидение, кто проникнет в Твои предначертания! Нет, падение этого необыкновенного человека, долго казавшееся воображению столь непонятным, было менее непонятно, чем изумительное восстановление его власти.

Бурбоны рассеялись. Людовик XVIII, принужденный вторично покинуть отечество и предоставить престол своих предков чужестранцу, — на этот раз, поистине, узурпатору, — Людовик XVIII удалился в Гент. Но что ожидало теперь Францию и затем Европу? Подтвердившееся известие, что Наполеон — в Париже, что власть его восстановилась без всякого сопротивления, это угнетающее известие поразило и ошеломило Совет конгресса. После стольких великодушных усилий, после громадных жертв и потоков пролитой крови приходилось возвращаться вспять, возобновлять усилия, жертвы, как если б ничего еще не было сделано! Мысль эта могла внести уныние в сердца союзных государей. Император Александр объявил, что с него довольно войн, что он не желает постоянно жертвовать своими солдатами. К этому отрицательному отношению его к войне присоединились другие соображения личного свойства, и вполне справедливые.

Людовик XVIII послал в Вену князя Талейрана в качестве блюстителя интересов Франции. Трудно разобрать, каковы были намерения этого ловкого дипломата, который одновременно стремился, по-видимому, сообща со всеми державами ввести систему прочного умиротворения Европы, и в то же время переговаривался с Австрией по поводу договора, противного политическим интересам России и лишавшего ее того влияния, которому Франция обязана была своим спасением. Между тем как Талейран, вполне уверенный в твердости своего положения в Париже, стремился продолжить свою роль, он узнал о появлении Наполеона во Франции и вступлении его в столицу; в то же время он узнал, что Александру уже известны тайные интриги французского роялистского министерства. Как отразить этот последний роковой удар? Талейран был слишком умен, слишком сведущ в политике, чтобы не понять, что один император Александр мог еще спасти Францию, благодаря своему могуществу и влиянию на другие союзные державы. Итак, Талейран, зная великодушие Александра, основал на нем свои последние политические надежды и надежду на собственное спасение.

Он бросился к ногам государя и уверил его, что обманутый своим патриотизмом он неправильно понял интересы Франции и те союзные связи, которые ей следовало заключить. Он умолял государя простить его и не бросать то дело, которое близко касалось всех королей.

После нескольких минут молчания и размышления государь бросил строгий взгляд на Талейрана. «Дело идет не обо мне, — сказал он, — и не о личном оскорблении, которое не может задеть меня, а о спасении Франции». Нельзя, однако, не признать, что если б в этих критических обстоятельствах Талейран не проявил чрезвычайной, неустанной деятельности, конгресс разошелся бы, не пришедши ни к каким заключениям относительно судьбы Франции.

Со свойственным ему великодушием Александр, отстраняя всякое чувство личного недовольства и думая об интересах лишь общего дела, тотчас направил значительный отряд войска под предводительством Барклая де Толли не против Франции, но на помощь Бурбонам, против армии Наполеона.

ГЛАВА XX
Кампания 1815 года. Вторичное вторжение во Францию Умеренность Александра по отношению к Франции. Он является их покровителем против алчности своих союзников

Я не стану подробно описывать кампанию 1815 г., ознаменовавшуюся с той и другой стороны военными подвигами и закончившуюся достопамятной битвой при Ватерлоо. Русский император приехал в Париж лишь по возвращении в столицу Людовика XVIII[17]. Всегда одушевленный самыми великодушными и миролюбивыми чувствами, Александр появился в Париже в умиротворительном образе посредника, старавшегося отразить удары, которые стремилась нанести Франции политика других держав.

В то время, как полномочные министры составляли новый мирный договор, при весьма невыгодных для Франции условиях, Александр отправился в лагерь «Vertus», на смотр своих войск в присутствии союзных государей. При этом он издал приказ, в котором, воздавая должное доблести русского войска, он объявлял ему об окончании кампании и благодарил за усердную службу. Приказ заканчивался воззванием к Всевышнему, охранившему русское войско от сопровождающих войну бедствий и возвращающему его в недра отечества.

Жители Шампаньи собрались толпой в окрестностях лагеря, чтобы иметь счастье видеть прекрасного государя, которого они по справедливости считали своим истинным покровителем. Узнав, что французские дамы собрались в соседнем амбаре, чтобы присутствовать на смотру, государь послал им разных прохладительных напитков.

После смотра австрийский император и прусский король подошли к Александру, чтобы выразить ему свое одобрение по случаю прекрасной военной выдержки сорокатысячного русского войска, маневрировавшего в их присутствии с редким искусством и в величайшем порядке. Еще возбужденный произведенным смотром, император, держа руку на шпаге, с гордым видом отвечал обоим государям: «Я могу, если понадобится и если меня

к тому принудят, в два месяца собрать здесь такое же войско в двести тысяч человек». Государь хотел дать этим понять, что он готов с оружием в руках защищать Францию, буде союзные державы не захотят признать, что если, с одной стороны, желательно, чтобы Франция вернулась к миру и спокойствию, не нарушаемому внутренними волнениями, с другой стороны, — политика Европы, ради общего интереса союзных государств, требовала, чтобы Франция оставалась великой и сильной державой. Благодаря деятельному и великодушному вмешательству Александра Франция сохранила свои прежние границы; но, чтобы удовлетворить строгие требования союзных держав, она принуждена была уплатить большие контрибуции и взять на себя содержание ста пятидесяти тысяч человек иностранных войск. Ошибки народов навлекают на них страшную ответственность; лишь время может изгладить следы ее. Император Александр также отрицательно отнесся к тому, что у Парижа отняли все произведения искусства, в различные времена завоеванные благодаря доблести французов. Весьма мудрая мысль, очень благоприятная для изучения искусств и для европейских художников, побудила Александра предложить, чтобы эти произведения искусств не рассеивались по разным странам, а продолжали бы украшать то здание, где они были собраны, причем он предлагал переименовать Луврский музей в Европейский музей. И нет сомнения, что Аполлон Бельведерский и Венера Медицейская нашли бы более поклонников в Париже, где собираются все знаменитые художники, чем в Лондоне, который, притом, имел не больше прав на них, чем Париж. Проект этот был отвергнут другими державами.

Император Александр был также принужден решительно воспротивиться разрушению Аустерлицкого и Иенского мостов. У него была слишком великая душа и слишком широкий ум, чтобы не почувствовать, что воспоминание о славе французов было связано не с одним только каменным памятником; но не всем было дано думать и чувствовать так, как этот государь.

Во время своего пребывания во Франции Александр постоянно старался оказать помощь ее жителям. Он потребовал список вдов, сирот и земледельцев, жилища которых были разрушены в течение войны; и все те, кто пожелал отправиться в Крым, получили от него вспомоществование и требуемые паспорта. Александр выказывал французам такое полное доверие, что он отказался от охраны, которую ему предлагали, говоря, что во Франции это бесполезно, что он считает ее дружественной страной. Кто-то в Париже пожелал знать, где остановился русский император, при чем ему ответили: «Dans la plaine des Vertus, a

l'Hotel de la Magnanimite». Анекдот этот несколько в духе романов г-жи Скюдери.

В краткий промежуток Ста дней события следовали одно за другим, быстрее полета мысли. За это время Наполеон высадился во Франции и вновь вступил на престол. Людовик XVIII удалился в Гент. Союзные армии выступили против Наполеона и победили его. Последний бежал и доверился волнам океана, менее предательским, чем англичане, в руки которых отдался этот второй Фемистокл, этот новый Аннибал.

Наконец, Людовик XVIII вновь вступил в свои права и возвратился в столицу. Такие многообразные события могли бы заполнить собой целые века.

Нарушитель европейского мира, этот новый Прометей, который не похитил божественного огня, но хотел зажечь всю вселенную, — Наполеон был изгнан на скалу, среди океана; ему предстояло испытать муки всепоглощающего честолюбия, навеки лишенного питания.

Александр и Наполеон являют собой поразительный пример божественной справедливости. Как мог Александр одержать верх над гениальным человеком, казавшимся непобедимым? Он стал победителем, потому что боролся с помощью Божией, и никогда не гордился своими победами: тогда как Наполеон, всецело опиравшийся на силу своего оружия, дважды потерял свои громадные войска; могущество его рассеялось, как сон: «Горе тому, что опирается на земную силу!..»

Около этого времени я составила следующую молитву за русского императора: «Да охранит Провидение Александра во веки веков! Да поддержит Оно его своей силой в битвах и своей мудростью в управлении государством! Более всего, о Боже, сохрани его от опьянения властью, столь рокового для государей и столь зловредного для счастья их подданных! Поддержи его Своей мудростью в исполнении тех обязанностей, которые он несет Твоим именем; благослови его во всех его предприятиях, и сохрани сердце его в Своей всемогущей деснице».

ГЛАВА XXI
Александр, царь Польский. Празднества в Варшаве. Возвращение императора в столицу

Довольный тем, что он удачно и благоприятно для счастья Европы кончил памятную кампанию 1815 г. и достиг, в награду за свои труды, долгого и прочного мира, Александр собирался отдохнуть от войны и политических забот и дать счастье другим. Его ждали в Варшаве для коронования. И он отправился туда, отпраздновав предварительно в Берлине бракосочетание своего августейшего брата, Великого князя Николая, с дочерью прусского короля. Таким образом, он укрепил свой союз с этой державой двойной связью — кровной и политической.

Император Александр приехал в Варшаву 26 октября 1815 г. Он совершил свой въезд верхом, в польском мундире, с орденом Белого орла. Все улицы и окна на пути Его Величества были украшены цветами, вензелями и флагами, различные депутации ожидали Его Величество около триумфальной арки, на которой красовалась следующая надпись: Hie ames dici pater atgue princeps.

Государь не захотел принять ключи от города, которые поднес ему президент муниципалитета, и в ответ на речь последнего сказал: «Я не принимаю ключей, ибо я здесь не как победитель, но как покровитель, как друг, всем вам желающий счастья». Но он принял поднесенный ему хлеб и соль как самый полезный дар Провидения. Поляки вновь обрели короля, отца. В тот же памятный день, вечером, весь город был иллюминирован аллегорическими транспарантами. На улицах, при радостных кликах, двигалась громадная толпа, восторженно повторявшая имя Александра. Государь был тронут этими проявлениями любви и энтузиазма, на которые он не рассчитывал, думая, со свойственной ему скромностью, что поляки предпочитали ему Наполеона.

Александр даровал полякам конституцию, основанную на кодексе Наполеона, сенат и право созвания сеймов. Он назначил генерала Заиончека[18] на первый пост в царстве, — дал ему звание генерал-лейтенанта и сам сообщил ему об этом назначении. Старый воин возразил государю, что его скромные средства не позволяют ему принять этот пост. «Это еще лишняя заслуга в моих глазах,» — сказал император и назначил генералу

(которому он впоследствии даровал княжеский титул) из Государственного казначейства жалованье в 200 000 польских флоринов.

Когда император и польский царь принимал депутацию департаментов и городов, воевода Матаховский от имени своих соотечественников выразил одушевлявшие их чувства любви, благоговения и признательности к благородному победителю, даровавшему их отечеству новую политическую жизнь. Он прибавил, что в память столь счастливого дня жители всех департаментов составили складчину, чтобы в каждом обеспечить нуждающуюся семью землепашцев, и что они почтительнейше уведомляют об этом Его Величество… Государь ответил: «Я очень тронут выражением ваших чувств по отношению ко мне. Я знаю, что страна эта перенесла большие бедствия, — надо изгладить их следы. Чтобы тотчас облегчить их, я приказал русским войскам удалиться. Придя на помощь доброму сословию землепашцев, вы сделали то, что всего приятнее моему сердцу. Все, что вы предпримете в этом отношении, будет предметом самых живых моих попечений. Я всегда готов принять все просьбы, которые будут мне представлены как частными лицами, так и департаментами.

Я назначу на этот предмет лиц, которые будут давать мне отчет о ваших просьбах, и я обращу на них все мое внимание. Мои желания всегда будут иметь одну лишь цель — процветание вашей страны и счастье ее жителей».

Граф Огинский, русский сенатор (тот самый, который напечатал мемуары, благосклонно принятые публикой), граф Огинский во главе литовской депутации отправился в Варшаву приветствовать нового польского царя. Император принял его в тронном зале.

Огинский заметил, что, когда он в своей речи сравнил с молнией быстроту одержанных Александром побед, государь принял величественный вид. Он заметил также слезы на глазах государя, когда он говорил о благодарности литовцев Между тем нашлись лица, которые осмелились заподозрить этого благородного монарха в неискренности, и Наполеон заметил, говоря об Александре, что он — самый прекрасный, проницательный и самый фальшивый из всех византийцев. Не стоит опровергать подобную клевету, — ответом на нее служит вся жизнь Александра.

Пребывание императора в Варшаве ознаменовалось блестящими празднествами у генерала Красинского, графа Потоцкого, у принцессы Вюртембергской. Город дал также костюмированный бал в большом театральном зале. Здесь

собралось самое избранное общество, отличавшееся вкусом, богатством, изяществом и красотой. Моя мать по слабому здоровью не присутствовала на этих празднествах. Она имела честь быть представленной Его Величеству у ее сестры, княгини Радзивилл, причем она благодарила государя за все милости, оказанные семье ее. Государь разрешил моей матери объявить о предстоящем приезде его в Вильну, причем он говорил обо мне матери со свойственной ему снисходительностью. Было заранее известно, что государь пробудет в Вильне всего один день и будет ночевать в Товиани.

Мой отец предполагал уехать тотчас после бала, который должен был состояться по приезде Его Величества, чтобы отправиться в Товиани со мной и несколькими другими лицами. Он надеялся, что ему удастся сообщить государю о различных злоупотреблениях, прокравшихся в управление, также о том, каким образом некоторые представители власти проводили справедливые и умеренные взгляды столь доброго монарха. В Вильне также распространились тревожные слухи. Говорили, что в Петербурге образовалась русская партия, недовольная тем вниманием, которое государь оказывал полякам, и всем, что он делал для Польского царства Император сам не обманывал себя на этот счет, так как в Варшаве он просил поляков, чтобы они в своих патриотических речах не сеяли недоразумений между ним и его русскими подданными. Впоследствии я узнала в Париже от лица, заслуживающего доверия, что в 1815 г. маршал Сульт открыл очень важные документы, разоблачавшие зловещие планы. Маршал тотчас препроводил их императору, который поручил благодарить его и передать, что опасность не так-велика, как он полагает. Какая роковая беспечность, и как трудно понять ее! Как мог Александр, при свойственном ему здравомыслии и проницательности, разумно побуждавшей его гасить в других европейских странах очаги революции, — как мог Александр закрывать глаза на огонь, тлевший в его собственном государстве! Его сердце, по-видимому, обманывало его ум и отказывалось поверить такой чудовищной неблагодарности со стороны его подданных. Граф Ш*** и я, мы уже несколько лет тревожились по поводу доходивших до нас мятежных толков, и мы сообщили свои опасения некоторым представителям правительственной власти, которые сочли их преувеличенными страхами, фантазиями аристократов. Факты доказали теперь, что опасения эти были вполне основательны…

Император приехал в Вильну ночью. Уже заранее были сделаны приготовления к балу, к иллюминациям и пр. Мой отец велел поместить над дверью своего дома транспарант,

представлявший Вильну с ее живописными окрестностями, при восходе солнца, со следующими словами: «Восход зари обещает нам тихие, безоблачные дни». Адъютант князя Волконского предупредил меня утром, что Его Величество прибудет к нам в час пополудни. Утром государь принимал во дворце представлявшихся ему лиц. Увидев моего отца, государь сказал ему: «А, это вы, граф!» Мой отец хотел сказать Его Величеству несколько слов в свое оправдание, но государь прервал его, говоря: «Все забыто, прошлое забыто».

Мой отец, обладавший громадным тактом, почувствовал, что это слово «забыто» скорее означало «прощено». То же самое почувствовали моя сестра и я и преклонились перед этим благородным, впечатлительным сердцем, которое могло простить, но не забыть совершенные против него проступки. Отец мой восхищался государем и искренно любил его; он вступил в противную партию лишь благодаря особому стечению обстоятельств. Он не осмелился быть у меня, когда Александр соблаговолил посетить меня, и на этот раз моя сестра помогла мне принять Его Величество, с которым она имела честь познакомиться в первый приезд Его Величества в Вильну.

После первых приветствий я осмелилась спросить, доволен ли государь своим пребыванием в Варшаве? Государь отвечал, что Варшава не совсем удовлетворила его ожидания; что здания города построены неправильно и улицы грязны, но он согласился, что устройство этого города может быть усовершенствовано. Его Величество прибавил лестные слова по отношению к польскому обществу и к полякам вообще. «Я еще не выполнил, — сказал государь, — всех моих обещаний по отношению к ним; я еще ничего не сделал для поляков; но, отстаивая их, мне пришлось преодолевать большие препятствия на конгрессе: государи противились, насколько могли, моим планам по отношению к Польше. Первый шаг, наконец, сделан». Я не могла привыкнуть к слову «царство», которое употреблял государь. «Царство, — говорил он, — сильно пострадало. В городах, среди празднеств, это незаметно; но на деревне война жестоко отразилась». Александр очень восхвалял прекрасную военную выправку польских войск: «Им будет немного трудно забыть старый порядок и привыкнуть к новому; но мало-помалу они привыкнут. Солдаты должны подчиняться строгой дисциплине, ибо когда армия рассуждает, государство гибнет. Так мы видим, что Наполеон сам погубил себя, допустив в своих войсках отсутствие дисциплины». Государь заговорил затем о Франции и французах; причем в своем отзыве о последних он не поскупился на эпитеты: скаредные, корыстолюбивые, нечистоплотные, легкомысленные.

«Париж, — заметил он, — грязный город как в нравственном, так и в физическом отношении». Я не удержалась, чтобы не ответить на это: «Ваше Величество, я все-таки признаю за французами одно достоинство: они сумели оценить милостивое отношение Вашего Величества к Франции». При этих словах государь покраснел, опустил глаза и сказал мне, улыбаясь: «Я должен вам признаться, что я только исполнил свой долг. Мне было ужасно видеть, как вокруг меня делали зло. Австрийцы, также, как пруссаки, проявили остервенение и жадность, которые трудно было сдержать. Они хотели воспользоваться правом мести; но право это всегда меня возмущало; ибо надо мстить, лишь воздавая добром».

С каким грустным удовольствием я вторично привожу эти прекрасные слова! Я уже тогда писала дневник, и читатель может быть уверен не только в точности сообщаемых фактов, но и в отсутствии каких-либо искажений в тех словах государя, которые приводятся в этих мемуарах. Действительно, как прекрасны были слова эти в устах величайшего государя в мире, того, кто дважды победил мощь и гений великого человека! — Нетрудно было заметить, что государь с удовольствием (хотя всегда со скромностью) говорит о своих успехах, о своей деятельности за три года отсутствия, которые еще более прибавили ему красоты, так как он за это время похудел, что придало ему очень моложавый вид. В нем уже не проявлялась прежняя трогательная, чарующая привлекательность, навеянная несчастьями 1812 г.; но он по-прежнему был изящен, мягок и приветлив. Кроме того, по общим наблюдениям, нашли, что он несколько изменился в своем обращении с мужчинами.

Я спросила у государя, правда ли, что он предпочитает Лондон Парижу. «Я согласен, — отвечал государь, — в Лондоне нет прекрасных зданий, украшающих Париж, но там несравненно больше порядка, аккуратности, чистоты». Государь очень настаивал на последнем обстоятельстве и требовал строгого соблюдения чистоты в Петербурге, выказывая опасения, что в его отсутствие водворились иные порядки. Государь с восхищением отзывался об английских парках и сказал нам, что нигде нет таких искусных садоводов, как в Англии. Так как моя сестра выказывала живой интерес ко всем подробностям, сообщаемым по этому предмету государем, Его Величество спросил, есть ли у нее красивые сады, и выразил сожаление, что он не мог, по случаю дурной погоды, посетить Аркадию, когда он ночевал в поместье моей тетушки, княгини Радзивилл, близ Варшавы. Мороз стоял за последние дни очень сильный, и холод слегка чувствовался в комнатах. Государь заметил это и высказал нам при этом опасение, что после трех зим, проведенных во Франции

и Германии, он отвык от петербургского климата; впрочем, прибавил он, прекрасные парижские дамы среди элегантной, изысканной обстановки гибнут от холода в своих домах.

Затем государь соблаговолил выразить нам свое сожаление, что он не может пробыть дольше в Вильне. Бал начался в восемь часов. Государь, который с некоторых пор опять стал участвовать в танцах, долго танцевал вальс со мной и с другими дамами. Он проявлял в танцах столько же грации, как и благородства.

Танцуя полонез с князем Волконским, заменявшим в то время при Его Величестве графа Толстого, я сообщила ему о нашем проекте отправиться в Товиани; проект, которого уже нельзя было исполнить (прибавила я), так как Его Величество сам уезжал в Товиани рано утром.

«Ваш проект прекрасен, — сказал мне князь, — и не надо его отменять; наоборот, уезжайте сейчас же после бала, вы успеете доехать, а я беру на себя отсрочить отъезд Его Величества». Государь, который наблюдал за нами, непременно хотел узнать, о чем шла речь. Пришлось удовлетворить его желание, причем я прибавила, что уже нельзя исполнить наш проект, хотя знавшие о нем друзья наши в Товиани приготовили нам подставу по пути, так как иначе молниеносная быстрота, с которой ездил Его Величество, не позволила бы нам вовремя доехать. Государь поблагодарил меня в самых приветливых выражениях и подтвердил мнение князя Волконского, что если выехать в одиннадцать часов ночи, запастись теплой шубой, которая предохранила бы меня от холода, и если взять хорошую карету и хороших лошадей, я очень скоро доеду из Вильны в Товиани. «Впрочем, — сказал государь, — я выеду не очень рано». Я сообщила об этом разговоре отцу и сестре, и они решили, что надо ехать в Товиани. Но мой отец, довольно холодно принятый государем, уже не считал уместным предпринимать эту поездку. Моя сестра, едва оправившаяся после родов, не могла подвергаться сильному холоду. Моя тетушка, графиня Корвин-Косаковская, урожденная Потоцкая, решилась ехать со мной, а мой зять, граф Гюнтер, пожелал проводить нас. Мы переоделись и тотчас уехали. Перед нашим отъездом отец частным образом поручил мне сказать Его Величеству несколько слов в оправдание его и также моего брата.

По дороге у нас сломалась карета; к счастью, мы достали другую по соседству и продолжали наш путь до Товиани, куда мы приехали на рассвете, смеясь до упаду. От Вилькомира, отстоящего в одной миле от Товиани, нас все время принимали за государя и соответственно этому отдавали честь, причем гвардия брала на караул, курьеры скакали во весь карьер, чтобы

возвестить о прибытии монарха; а в Товиани все собравшееся в замке общество бросилось к парадному входу встречать Его Величество. Государь прибыл часом позднее и улыбнулся, увидев мою тетушку и меня. Он, казалось, был недоволен, что приехал так поздно, и жаловался, что его зимой везли так же долго, как летом.

Дело в том, что никто не знал, что Его Величество пожелает ехать в санях, поэтому с обеих сторон дороги снег смели и заполнили канавы щебнем и соломой.

Мы узнали также, что император остался недоволен виленским парадом. Так как утром не знали, что император назначил парад, войска не были готовы в назначенный час. Император, принужденный ждать на плацу, сделал строгий выговор генералу П***, командовавшему в то время гарнизоном в Вильне. После обычных приветствий и представлений государь прошел переодеться в свои прежние покои. Он вскоре вышел и, подошедши к моей тетушке и ко мне, приветливо поблагодарил нас за наше любезное внимание, осведомился, благополучно ли мы доехали, и выразил удивление, что у нас свежий цвет лица после ночи, проведенной на воздухе. «А у меня, — сказал он, — лицо горит, как в огне».

Затем завязалась общая беседа, или, вернее, государь сам вел беседу самым интересным образом. Он много говорил об Англии, о ее великолепных парках, о земледелии в этой стране, о вновь изобретенных машинах и в особенности о мудрых учреждениях Англии и общем благосостоянии ее жителей. «Как счастлива страна, — говорил государь, — где уважаются права каждой личности и где они неприкосновенны!» Говоря о Наполеоне, государь заметил: «Я предсказывал ему, что случилось; он не поверил мне».

Общество было уже не то, как в первый приезд Его Величества в Товиани. Старого графа Морикони уже не было в живых. Девицы Грабовская и Морикони были замужем и отсутствовали; но сестра последней, симпатичная графиня Фелицея Платер, присутствовала вместе со своей достойной, прекрасной матерью. Государь с участием говорил об отсутствующих, — о тех, кто умер и кто был вдали. Его Величество согласился ужинать со всем обществом. Выходя из-за стола, государь заговорил со мной о моей матери и рассказал мне довольно забавную сцену, происшедшую между Его Величеством и ею. «Познакомившись с ней у вашей тетушки, — сказал государь, — я хотел поцеловать у нее руку, — весьма обычный знак уважения по отношению к женщине; но она этому воспротивилась, и как я ни настаивал, она отдергивала руку

каждый раз, как я хотел взять ее; это было просто уморительно. Пусть ваша тетушка и князь Антоний опишут вам эту сцену, — они были при этом и очень смеялись». Удаляясь в свои покои, государь сказал нам: «Я настаиваю, чтобы дамы не трудились вставать рано утром; но я боюсь, что они откажут мне в этой просьбе».

Мы все ответили, что желаем воспользоваться каждой лишней минутой, которую можем иметь счастье провести в его присутствии. Несмотря на то, что мы с тетушкой очень устали после последней ночи, мы остались некоторое время с нашими дамами, чтобы описать им бал и бальные туалеты в Вильне. Между тем в шесть часов, когда еще не рассвело, надо было, уже одевшись, идти в гостиную. Государь вскоре появился и соблаговолил спросить, хорошо ли мы провели ночь; он также спросил, не дам ли я ему поручения в Петербург. Вместо ответа я спросила, какие приказания даст мне Его Величество в Вильну. Государь, обратившись к стоявшим в кругу дамам, сказал: «M-lle Фитценгауз не хочет дать мне поручений в Петербург и спрашивает, какие поручения я дам ей в Вильну.» Не знаю почему, слова эти больно задели меня. Я все надеялась, что Его Величество скажет мне что-нибудь по поводу моего отца. Воспоминание о прежнем милостивом отношении к нему государя по сравнению с теперешней холодностью внушало мне мысль, что мой отец быть может, будет недоволен, что я не попыталась, говоря о Его Величеством, оправдать его и моих братьев. Но случая для этого не представилось, так как вокруг меня постоянно были посторонние. Притом, что я могла сказать? К чему было напоминать о прошлом? Наконец, усталость после двух бессонных ночей так подействовала на мои нервы, что со мной едва не сделалось дурно. Я прошла в соседнюю комнату, чтобы подышать воздухом у окна. Заметив, как я изменилась в лице, государь последовал за мной и спросил, не больна ли я? Я ответила, что мне нехорошо от жарко натопленных печей, прибавила, что это скоро пройдет, и вернулась в гостиную с графиней Морикони. Государь передал дамам о причине моего нездоровья и заметил, как вообще вредно жить в жарко натопленных комнатах. Он прибавил, что и ему пришлось приказать открыть окна в своей спальне. Во всем, что говорил государь, проглядывала его доброта; но в то же время меня так волновала мысль, что я выказалась перед ним в смешном свете, что у меня сделалось сильнейшее сердцебиение. Я была крайне раздражена против себя самой. Как я ни старалась сдержаться, я задыхалась. Находившаяся около меня графиня Платер увела меня из гостиной. «Ради Бога, — сказала мне эта верная

приятельница, — придите в себя; подумайте, — человек двадцать не сводят с вас глаз». И она к этому прибавила такое смешное предположение, что я расхохоталась. Наконец, мне удалось овладеть собой; но у меня глаза были красны от слез, и эта неуместная сцена до крайности смутила меня. Государь вернулся к нам и с тревожным, озабоченным видом спросил у меня, подвержена ли я этому. Я ответила, что очень часто страдаю от нервов. «Да, очень часто», — с живостью подхватила моя добрая приятельница. Тут государь простился с нами и мы последовали за ним в гостиную, где он попросил меня быть на страже и следить, чтобы графиня Морикони не выходила. Но как только государь удалился, графиня вышла на крыльцо. Его Величество, уже сидя в санях, погрозил мне и сказал: «Часовой не исполнил своего долга.» Я ответила, смеясь, что часового ослушались.

ГЛАВА XXII
Изгнание иезуитов из Российской империи. Примерная строгость, проявленная против одного генерала-грабителя. Поездка государя в Варшаву. Развлечения. Разные эпизоды

Вскоре после своего возвращения в Петербург государь принял решительную меру, вызвавшую в обществе сильное удивление: он изгнал орден иезуитов сначала из Петербурга, затем из Полоцка и, наконец, из всей империи и объявил, что все государи были правы, изгнав из своих государств этот опасный, злокозненный орден. Быть может, было основание упрекать иезуитов в рвении, с которым они обращали в свою веру: это было опасно для местного вероисповедания. Своими проповедями они привлекали огромное число знатных лиц, и многие придворные дамы тайно от своих семейств перешли в иезуитство. Иезуиты покинули свои дома, бросили свои богатства, цветущие учреждения без малейшего ропота, считая постигший их указ как бы исходящим свыше, и преклоняясь, по крайней мере по внешности, перед божественной десницей. Один иезуит из Риги, почитавшийся лютеранами, ответил лицу, сожалевшему о постигшей его судьбе: «Я везде найду пять футов земли и смерть, которую я ищу».

В то же время государь принял несколько замечательно справедливых мер. Он лишил офицерского звания и разжаловал в простые солдаты генерала Тухлова, который позволил себе грабить в Литве во время кампании 1812 г. Александр принимал суровые меры против всех виновных, против всякого рода злоупотреблений; и строгость его служила полезным примером, внушая страх во всей империи. Своим разумным образом действий император доказал, что твердость, справедливость — качества, столь драгоценные в государе, совместимы с добротой, с той чрезвычайной чувствительностью, которую ему ставили в вину. В то же самое время появился манифест государя, на наш взгляд, исполненный благочестия и возвышенных взглядов. В этом манифесте Александр говорил о Боге, как Людовик Святой, а о своих успехах и победах он говорил так, как никакой другой

государь в мире, — со скромностью, редко встречающейся в истории монархов.

Тем не менее я с сожалением заметила, что, победив Наполеона в этом мире, он. вызывая его перед судом Божьим, как бы хотел преследовать его и в другом мире.

В 1816 г. я ездила с отцом и с одной родственницей в Карлсбад, Эфу и т. д. На обратном пути мы остановились в Варшаве, где 30 сентября ждали императора. Мы взяли помещение по соседству с моей матерью, на лучшей улице Варшавы, в очень большом отеле, но настолько переполненном вследствие ожидавшегося прибытия Его Величества, что мне удалось найти лишь две весьма плохие комнаты в нижнем этаже, выходившие на подъезд под воротами. Государь приехал ночью. Я это тотчас угадала по усиленному движению скакавших по улице военных. Нет ничего забавнее для того, кто сам обладает душевным спокойствием, как наблюдать из-за кулис за мировыми сценами; но для этого нужно иметь склонность к наблюдению, к покою, и полное отсутствие честолюбия.

В тот же день на Саксонской площади состоялся парад. Я видела, как государь проехал по улице верхом, в польском мундире, с зеленым и белым султаном на шляпе. В первый раз видела я его в национальных польских цветах! Первый бал состоялся у вице-короля. Моя тетушка, княгиня Радзивилл, поехала со мной на бал. Она уже видела Его Величество и между прочим сообщила ему о моем приезде. Государь, со свойственной ему добротой, соблаговолил отозваться обо мне тетушке в выражениях, которые я здесь не стану приводить. Тетушка повела меня в самую середину бального зала, чтобы представить Его Величеству. Государь обратился ко мне и сказал, что он надеется, что я не по болезни ездила на воды. Танцуя со мной, Александр соблаговолил вспомнить о моем нездоровье в Товиани и спросил, скоро ли я поправилась. Так как государь выразил желание посетить меня, я позволила себе заметить Его Величеству, что у меня слишком плохое помещение, чтобы иметь честь принять его, но что моя мать будет счастлива заменить меня. Император обратил мое внимание на его польский мундир, и я сказала, что уже имела удовольствие видеть его в нем. Государь спросил, где я его видела, и я ответила: «По дороге Вашего Величества на Саксонскую площадь». — «Я, однако, смотрел вокруг и не видел вас», — сказал Александр. Государь уехал с бала в одиннадцать часов. Он уже не работал по вечерам и вставал рано утром, чтобы присутствовать на военных упражнениях или чтобы работать со своими министрами. На следующий день состоялся большой смотр польских войск на Пованской равнине, где днем съехалось

бесчисленное количество экипажей и собралась громадная толпа лиц, прибывших пешком и верхом, чтобы присутствовать на этом блестящем военном зрелище. Чудное осеннее солнце освещало эту двигающуюся живую картину. По прибытии Его Величества войска прокричали «Ура!», и военная музыка заиграла любимый гимн «God save the king». Его Императорское Высочество Великий князь Константин, казалось, был в восторге, что может показать своему августейшему брату прекрасное войско, с такой отличной военной выправкой. По окончании смотра войска продефилировали в полном порядке, причем офицеры гарцевали на своих боевых конях, отдавая концом шпаги салют Его Величеству, который, когда проходили войска, все время держал руку под козырек. В следующее воскресенье, после парада, государь присутствовал у обедни в церкви Святого Креста, а я вновь обратилась к Богу с молитвой за преуспеяние этого прекрасного государя.

Вернувшись домой, я только что кончила одеваться, как моя горничная вдруг воскликнула: «Едет государь!» Я взглянула в окно и действительно увидела государя, выглядывавшего из въезжавшей в ворота кареты. Несколько смущенная визитом, о котором меня не предупредили, я надеялась, что Его Величество пройдет к моей матери; выйдя, чтобы убедиться в этом, я увидела, как государь одним прыжком с подножки кареты входил в комнату рядом с моей спальней. Он рассмеялся при виде моего смущения, попросил извинения за свою нескромность и сказал, что ему сообщил мой адрес его лакей, говоривший по-французски и по-польски. Наконец, видя мою нерешительность, государь подал мне руку, прося указать ему дорогу; и волей-неволей пришлось вести его в комнату, где еще царствовал полный беспорядок. В этом затруднительном положении я не знала, что мне делать: занимать ли государя или дать приказание убрать комнату. Горничная Виктория вошла со своим развязным видом субретки и избавила меня от этой заботы. Александр, ради развлечения, любил делать утренние визиты дамам, не предупредив их заранее; одну он застал в китайском капоте, другую — в тот момент, когда она накривь и наспех набрасывала чепчик на непричесанные волосы. Между прочим, вице-королева схватила насморк, так как слишком поспешно вышла из ванны, когда ей доложили о приезде государя. Все это смущение и тревога до крайности забавляли государя, так как в то время он был очень весел. Когда мы сели, император шутливо подал стул моей собачке, которую он очень ласкал, говоря, что по справедливости она должна участвовать в нашей компании.

Заговорив затем о параде, государь спросил, видела ли я

смотр и как он мне понравился. Наконец, моя мать, предупрежденная о прибытии Его Величества, поспешила сойти ко мне. Я сообщила об этом государю, который сказал мне: «Вы сейчас увидите повторение той сцены, которую я вам описывал». Действительно, государь пошел навстречу моей матери и хотел взять ее за руку, сняв перчатку. Моя мать почтительно воспротивилась этому. Государь, смеясь, говорил ей: «Неужели вы думаете, что я зачумленный, зловредный человек? Что же особенного в том, чтобы поцеловать у женщины руку?» Затем он целовал мою руку, в виде доказательства. Но моя мать утверждала, что, несмотря на разницу в их возрасте, она все-таки относится к государю как к отцу. Этот маленький спор очень насмешил нас. Государь сделал мне несколько вопросов по поводу моего путешествия. Я назвала Его Величеству тех лиц, которых он знавал в Вене, между прочим ландграфиню Фюрстемберг, женщину очень умную, получившую воспитание во Франции. Государь одобрительно отозвался о ней. Ландграфиня была сестрой князя Шварценберга, которого Александр называл своим товарищем по оружию. Я сказала также Его Величеству, что ландграфиня никогда не называла его иначе как Генрихом IV. Государь пожал плечами и сделал небольшую гримасу; я угадала — почему. Рассказывали, что во время своего пребывания в Вене Александр любил общество княгини Габризллы Д*** племянницы князя Шварценберга, особы, выделявшейся скорее прекрасными личными качествами, чем внешней привлекательностью. «Вы везде бываете, — сказал мне государь тоном любезного упрека, — вы везде бываете и не хотите приехать в Петербург. Я математически докажу вам, что вы сделали более длинный путь, чем отсюда в Петербург, где вы были бы приняты с распростертыми объятиями».

По этому случаю государь стал восхвалять моей матери мое поведение в 1812 г. и уверял, что он и его семья относятся ко мне с чувством глубочайшего почитания. Государь соблаговолил осведомиться о моей сестре, спросил у меня, что делается в Вильне, и уверял, что он в последний раз заезжал в этот город, чтобы видеть меня, так как прямой его путь лежал через Ковно. «Но прошу вас, — сказал государь. — пусть это останется между нами, иначе у меня с литовцами будут недоразумения». Это опасение со стороны государя рассмешило нас.

Государь опять заговорил о польских войсках. «Я не видал иностранных армий, которые бы превосходили их, — сказал он. — Быть может, есть такие же, но лучше польских войск — быть не может, и это правда, так как я очень требователен». Я не удержалась и, смеясь, повторила это слово, говоря, что государь

только притворяется требовательным. «Как, — возразил государь, — вы думаете, что я нетребователен, что я не умею сердиться?» (Опять притворство, подумала я). «Однако, я нашумел в Вильне из-за гарнизона. Вам рассказывали?» — «Да, Ваше Величество, я знаю, что сцена эта была прекрасно разыграна, с несравненным величием, и я сожалела, что не присутствовала при этом». Государь обратился к моей матери и сказал: «Вы видите, как ваша дочь смеется надо мной». Моя мать ответила: «Ваше Величество, Вы слишком ее избаловали». Я прибавила: «Узнав, как Вы для формы разбранили генерала П***, общество, равным образом, узнало, что Ваше Величество отозвали беднягу в сторону и уверили его, что одна ошибка не может изгладить воспоминания о долгой верной службе». Государь улыбнулся. Я тут сказала, что мы ждали к обеду мою тетушку и что она раскричится, застав у меня Его Величество. Так проявляла свои чувства княгиня Радзивилл, когда что-нибудь удивляло ее; и она это делала с особенной свойственной ей грацией, которую прославил принц де Линь в ее портрете, сделанном им под названием «Арми-душка». «Пусть она не слишком кричит, — сказал государь, — иначе я расскажу, что она пришла ко мне потайной лестницей. Однажды вечером я прогуливался по террасе замка; вдруг я вижу женщину, которая делает мне знаки из обер-гофмаршальских окон. Я не имел нахальства предположить, что эта женщина — одна из прекрасных дочерей обер-гофмаршала. Наконец, я подхожу и узнаю вашу тетушку. Она пришла ко мне на террасу, и я пригласил се взойти ко мне».

В ту самую минуту, как государь произносил эти слова, дверь отворилась настежь, и мы увидели мою тетушку, которая входила под руку со своим сыном, князем Антонием Радзивиллом, в сопровождении своей племянницы, симпатичной Изабеллы Б***, издавая те возгласы, о которых я предупреждала. «Как, — сказала она государю, — Вы здесь, не побывавши у меня? На что же это похоже!» Вслед за этим между государем и ею завязался весьма забавный спор. «Зачем же, — говорил Александр, — я пойду к вам, раз вы приходите ко мне?» — «Да еще Вы пожаловали в такую гадкую комнату», — продолжала тетушка. «Ведь я приехал не для того, чтобы любоваться комнатами», — сказал государь. Князь Антоний хотел поцеловать руку у государя, который ласково обнял его. Мой двоюродный брат только что приехал; он передал Его Величеству привет от прусского короля. Все говорили одновременно в этой маленькой комнате, смеялись, кричали, целовались. Этикета как не бывало, можно было принять нас за собравшуюся семью. Наконец, государь, который был в очень веселом расположении духа, взял на себя хозяйские обязанности

и стал предлагать дамам стулья. Все сели. Затем зашла речь о Великом князе Николае и принцессе Шарлотте Прусской. Я сказала, что видела в Познани бюст принцессы, который показался мне прелестным. «Да, — сказал Александр, — и характер у нее такой же, как наружность». Тетушка осведомилась о двух молодых великих князьях, которых она знала детьми. Государь сказал, что они очень красивы, головой выше его, и тонкие, соответс венно своему возрасту. Тетушка рассказала затем о своем свидании на террасе. «Чтобы описать его, нужен Тасс, — сказала она шутливо-восторженным тоном: он так был красив при лунном свете, он походил на Рено, — о, если б я могла быть Армидой!» Она прибавила много других лестных вещей, которые Александр всегда принимал за комплименты, тогда как по отношению к нему это была истинная правда. Он ее прервал: «Бросьте вашу поэзию. Я никогда ничего не читал из того, что сочиняли в мою честь; я предпочитаю вашу прозу. Поговорим лучше о народе, — как понравились вам мои солдаты?» Тетушка выразила ему свое одобрение. «Если так, — лукаво сказал государь, слегка толкнув меня рукой, чтобы я обратила внимание на лицо тетушки, — если так, не надо жалеть для них вашего Гарэна» (прелестная усадьба в одной версте от Варшавы). Тетушка тотчас горячо возразила, что ей тем не менее очень неприятно, что взяли под военный постой недавно купленный ею дом. После нескольких шуток в том же роде государь сказал ей: «Разве вы больше не приедете в Петербург? Приезжайте с вашей племянницей, и я опять подарю вам камушков, как в тот раз».

Эти камушки были не что иное, как громадный обелиск из розового гранита, на порфировом основании, стоявший в Аркадии. «О Боже мой! — сказала тетушка, — я охотно поеду с ней, но меня не отпустят; нужно для этого, чтобы Вы мне прислали указ». — «Хорошо, — сказал Александр, — я пришлю вам маленький приказ, только приезжайте».

Государь встал со словами: «Нет такой хорошей компании, которой не пришлось бы разойтись. Я должен вернуться домой, дети мои ждут меня к обеду».

Эти дети были генералы и полковники польской армии, которые в этот день удостоились чести обедать с государем. Моя тетушка последовала за Его Величеством и сказала, что ей надо поговорить с ним о тысяче разных дел, и, между прочим, она назвала одного из рекомендуемых ею лиц, которого она просила произвести в камергеры. «Потому что, — сказала она тоном, которому она умела придать комический оттенок, нисколько не нарушая благородства своих манер, — пока он не получит

желанного камергерского ключа, он будет, как лиса без хвоста».

Мы проводили государя до кареты, и тетушка повторяла в то время, как он садился в карету: «Как прекрасен, как восхитителен, несравненен!»

Два дня спустя, когда тетушка опять обедала у моей матери, ей передали записку от Новосильцева, представителя Его Величества в Варшаве; Новосильцев писал тетушке, что «небесный ангел» благоволит обедать у него завтра, и он просит ее к обеду, с племянницей, так как государь очень ее ценит и ему приятно будет видеть ее. Тон этой записки, столь любезной во всем, что меня касалось, польстил мне и в то же время удивил меня, так как тогда я еще очень мало знала Новосильцева. Мы тотчас угадали, из какого источника исходило это милое внимание, являвшееся новым доказательством благоволения, которого я не заслужила и которым я, естественно, была очень тронута.

Тетушка заехала за мной, чтобы отправиться на этот обед. Новосильцев принял нас со свойственной ему любезностью и даже поблагодарил тетушку за то, что она взяла меня с собой. Она ответила за меня несколько слов, так как я слишком была смущена, чтобы говорить фразы и комплименты. Вся свита государя, министры и несколько знатных лиц были в полном сборе; из женщин приглашены были только вице-королева, жена Государственного секретаря, г-жа Соболевская, женщина достойная во всех отношениях, и племянница Новосильцева, очень милая особа. Я тотчас познакомилась с двумя последними дамами, так как нас соединяло нечто общее: мы все три были смущены, особенно я, никогда не бывавшая на больших обедах. Г-жа Н*** уверяла, что я напрасно трушу, «так как, — сказала она, — когда дядя просил у государя разрешения пригласить дам, Его Величество одной из первых назвал вас». Как только объявили о прибытии государя, Новосильцев с племянницей вышли встретить его.

Государь подошел к дамам, извинился перед г-жой Соболевской, что он ее обеспокоил своим утренним визитом (она одевалась). Александр стал говорить ей о ее сыне, который, несмотря на свою юность, уже поступил на службу. Государь находил его очень красивым. «Так он походит на свою мать», — сказала я. «Нет, — с живостью возразила г-жа Соболевская, — он похож на своего отца». Александр улыбнулся, затем спросил, была ли я на смотру, и уверял, что Морфей помешал мне быть на нем. Он спросил также, знаю ли я окрестности Варшавы. Я ответила, что дурная погода не позволила мне проехать за город, но что я вообще предпочитаю окрестности Вильны. Государь, угадав мою мысль, тонко улыбнулся и сказал, что он одного

мнения со мной.

Обед был великолепный. За столом Великий князь Константин поклонился мне. К несчастью, я этого не заметила. Его Императорское Высочество сказал сидевшей рядом с ним княгине Радзивилл: «Ваша племянница очень скупа на поклоны». Тетушка передала мне, слово в слово, то, что сказал ей великий князь; тогда я, смеясь, поспешила поклониться ему дважды или трижды. Выходя из-за стола, все без всякого порядка разошлись по комнате.

Государь разговаривал с тетушкой у камина. Он позвал меня и, когда я подошла, сказал: «Попросите вашу тетушку показать вам ее дома. Вы будете довольны; вы увидите, какой там царствует порядок». Я думала, что он опять говорит об усадьбе Гарэн; но речь шла о двух домах в Варшаве, которые взяли под военный постой. Государь говорил, смеясь, что тетушка пожертвовала их отечеству и что в награду за это он и его брат подарят княгине шапку и амазонку из форменного сукна. Моя тетушка не особенно была довольна этой шуткой; но она делала вид, что шутит, так как у нее была просьба к государю. Она начала с того, что обратилась к Новосильцеву и, чтобы расположить в свою пользу государя, по-русски сказала ему: «Скажите, чтобы он сделал все, что пожелает княгиня Радзивилл». — Государь сказал мне: «Видите, как она говорит по-русски». — «Невозможно, — ответила я, — в более коротких словах попросить большего». — Мы все смеялись. Государь, милостиво желая похвалить меня даже в самых мелочах, повторил Новосильцеву сказанное мной и прибавил, что это совершенная правда. «Конечно, — отвечал Новосильцев, — ибо, если Ваше Величество прикажет, я должен буду сделать, что потребует княгиня». Государь пожелал знать, в чем дело. Вопрос шел об известном пространстве земли, принадлежавшей казне, которое тетушка хотела приобрести, чтобы увеличить свою Аркадию. «Не моя вина, — сказала она, — если мне не удалось кончить это дело; я о нем последовательно вела переговоры с тремя епископами и с Даву, которые пользовались этой землей; все они слетели. Но Вы, Ваше Величество, надеюсь, не слетите». Такое выражение, обращенное к государю, было очень комично, оно произвело свое действие. Государь сказал, что он сделает все возможное, чтобы этого с ним не случилось. «Но скажите, наконец, — спросил он, — сколько там земли?» — «Четыре квадратных версты». — «Как, — воскликнул государь, — достаточно было бы половины этой земли для маневров польской армии. А что же вы мне дадите в вознаграждение за нее?» — «Ваше Величество, у Вас будет двести пятьдесят флоринов

дохода». Забавное зрелище представляла, с одной стороны, притворная алчность моей тетушки, с другой — притворная скупость Александра, который как будто боялся, чтобы его не застали врасплох, и старался отстоять столь важные интересы. Все стороны разошлись, не придя ни к какому заключению.

ГЛАВА XXIII
Пребывание Александра в Варшаве. Празднества. Беседа государя с автором мемуаров

Из всех блестящих празднеств, состоявшихся в Варшаве за время пребывания императора Александра, самым удачным и хорошо организованным был бал, данный у себя в доме сенатором, воеводой графом Станиславом Потоцким. Танцуя со мной полонез, государь отпустил несколько шуток по поводу странствовавшего на севере англичанина, в то время находившегося в Варшаве; государь уверял, что я сделала чудо, заставив его вальсировать в такт, чего никогда еще не случалось ни с одним англичанином, говорил государь, — с тех пор, как англичане существуют на свете.

Я спросила государя, доволен ли он последними маневрами. Государь ответил утвердительно и пожелал знать, интересно ли мне было присутствовать на них. Я позволила себе ответить, что в качестве польки мне было это очень приятно; но как литовка, я испытывала грустное чувство и даже зависть. Он тотчас понял мою мысль, ибо он был одарен удивительной проницательностью и схватывал самый туманный смысл слов, попросту выражаясь, государь понимал с полуслова. Пожав мне руку с многозначительным выражением, он сказал: «Будьте покойны, все уже устроено». Потом, боясь, чтобы не услышали те, которые танцевали впереди и позади нас, Александр, говоря мне на ухо, сказал, что у нас в Литве будет такой же отряд войск, — один полк в Вильне, другой в Минске, — словом, то же самое внутреннее устройство.

Я осмелилась уверять его, что он встретит у нас такую же преданность и что литовцы ни в чем не уступят полякам.

— Вы уже найдете, — сказал мне затем государь, — большие изменения в управлении Литвой; многие места уже заняты литовцами.

Сердце мое так преисполнилось всем тем, что говорил государь, что я не находила выражений, чтобы поблагодарить его. Я сказала, что предположение, которое, может быть, питает Его Величество, что в Литве его не так преданно любят, как в Варшаве, — что предположение это огорчает меня. Государь успокоил меня в этом отношении и, когда, несколько минут спустя, он вернулся, чтобы танцевать со мной вальс, я сказала,

смеясь, что Его Величество, вероятно, желает удостовериться, я ли сумела заставить г-на Уэнтворта танцевать в такт. Государь ответил мне в том же тоне, что он может соперничать с ним в вальсе, и, сделав несколько туров, он спросил, что я об этом думаю? Я ответила, что г-н Уэнтворт был бы, наверно, очень польщен, если б знал, что у него такой соперник. В перерывах вальса я спросила у государя, предполагает ли он заехать в Вильну. «Нет, — сказал государь, — этот крюк отнял бы у меня два дня, а я тороплюсь в Петербург, чтобы поспеть к именинам моей матери; впрочем, я уже видел в Варшаве все, что я желал бы видеть в Вильне». Затем мы с государем стали для развлечения производить смотр всем хорошеньким женщинам на балу, а их было в то время в Варшаве очень много; мы особенно заметили г-жу Замойскую, женщину не первой молодости, но настолько владевшую чарами этого возраста, что все, видевшие ее в первый раз, всегда принимали ее за молодую девушку-невесту. У нее были удивительно красивые глаза, чудные зубы и талия сильфиды.

Александр на всех балах танцевал с ней вальс; говорили, что он делает это из кокетства, так как прекрасная талия г-жи Замойской оттеняла красоту его собственной талии. Среди красивых женщин выделялась также княгиня Ябло-новская, урожденная Любомирская, свежая, как роза; княгиня Доминика Радзивилл, впоследствии вышедшая замуж за генерала Чернышева, адъютанта государя; красивые дочери обер-гофмаршала, которых сравнивали с тремя грациями Старшая, ныне княгиня Ловиц, танцевала так прекрасно, что когда в Варшаву приехал Дюпор и она пожелала брать у него уроки, он объявил, что ему ничего не остается преподать ей в этом искусстве.

Накануне своего отъезда Александр соблаговолил заехать проститься со мной. Со свойственной ему изысканной, рыцарской вежливостью он спросил сначала моего позволения, не указав в точности день, когда он посетит меня. Тем не менее я была одета в минуту приезда Его Величества, так как это был наш обеденный час. Лакей осведомился, дома ли я.

Входя ко мне, государь сказал, что он приехал, чтобы поблагодарить меня за все мое внимание, и просил меня всегда считать его своим старым другом. Тех, кто не имел счастья близко знать Александра, быть может, удивит такое выражение; но в устах государя оно передавало лишь вежливое отношение его и благожелательность. Государь затем сказал мне: «Мы побудем здесь, не правда ли, и потом пойдем к „maman?“ Когда мы сели, государь спросил, видела ли я парад, и на мой

отрицательный ответ прибавил, что напрасно я не пожелала видеть его, так как в отеле некоторые окна выходят на Саксонскую площадь, что парад был очень удачный и что австрийский генерал, граф Вальмоден, присланный в то время в Варшаву императором Францем, не мог достаточно налюбоваться этими прекрасными войсками, организованными в столь короткое время. „Я бы не хотел, — продолжал государь, — нарушить существующие у нас добрые отношения, но если б этого потребовали обстоятельства, я думаю, войска дрались бы на славу“. Александр имел очень гордый вид, произнося эти замечательные слова, которые поразили меня. Затем государь обратился ко мне с вопросом, которого я не ожидала и который страшно смутил меня, хотя я чувствовала, что он внушен был тем участием, которое он благоволил выказывать мне с тех пор, как я имела счастье знать его. Он спросил, не собираюсь ли я выйти замуж. „Я говорил об этом с вашей тетушкой, — продолжал государь, — и она мне сказала, что вы отвергли все представлявшиеся партии. Вы, конечно, имеете право быть разборчивой; но разве нет никого, кто бы имел счастье нравиться вам? Я так желал бы видеть вас счастливой, я так желал бы вам достойной вас судьбы!“

Как это обыкновенно бывает в подобных случаях, я сказала в ответ страшную глупость. Государь ничего не возразил; он только возобновил свою просьбу, чтобы я приехала в Петербург.

— В случае, если ваша тетушка не поедет, не можете ли вы попросить вашу сестру поехать с вами? Я возразила Его Величеству, что у моей сестры многочисленная семья.

„Так что же! — сказал государь с движением некоторого нетерпения, — разве вы думаете, что над детьми в Петербурге тяготит проклятие?“ Я рассмеялась и объяснила ему мою мысль. Я воспользовалась этим случаем, чтобы замолвить слово Его Величеству, — даже без ведома моей сестры, — за моего зятя, графа Гюнтера Хильдесгейма и, отозвавшись о нем с самой хорошей стороны (а хороших сторон у него было очень много), я просила назначить его вице-губернатором в Минск или Вильну. К сожалению, другие лица только что были назначены на оба эти места; государь любезно выразил мне по этому поводу свое сожаление. Он предложил мне такое же место в Гродно; но последнее не могло устроить моего зятя.

Отношение Александра ко всем просьбам, с которыми к нему обращались, было в высшей степени ободрительное. Даже отказывая в просьбах, он был так приветлив, выказывал столько участия и чувствительности, что, казалось, отказ огорчал более его, чем то лицо, которое обращалось к нему с просьбой.

Говоря о том, какое счастье служить государю, я выразила ему сожаление, которое я иногда испытывала при мысли, что я — существо бесполезное, тогда как, если б я была мужчиной, я бы с радостью отдала ему всю мою жизнь и посвятила бы службе ему те знания, которые постаралась бы приобрести, чтоб быть ему полезной.

— О, нет! — сказал государь, — вы напрасно смотрите на себя как на существо бесполезное. При добродетельном поведении за женщинами обеспечена такая благородная роль! Своим примером, своими добродетелями они могут приносить обществу столько добра! Подобные личности, естественно, так привлекают, что около них как бы дышишь атмосферой добродетели. Я не помню, — прибавил государь, — у какого автора я заимствовал это выражение, но оно кажется мне весьма верным; тогда как другие женщины, при всей своей любезности, производят какое-то отталкивающее впечатление; ибо сочувствие между душами может быть лишь по отношению к нравственности (так как между душами может быть только духовное сочувствие). Первый проступок, — прибавил государь, — ужасная вещь, он часто ведет вас гораздо дальше, чем вы ожидаете! Это наклонный путь, который приводит вас к пропасти, и вы катитесь вниз, не имея силы остановиться.

Государь прибавил затем несколько весьма разумных размышлений о том благе, которое дает религия, об утешениях, о силе, которые она внушает в несчастных, и в жертвах, налагаемых ею на нас. Без сомнения, Александр, как и многие великие люди, имел свои слабости; но душа его проникнута была чистыми идеями нравственности и религии.

Так как государь встал и собирался уехать, я попросила его разрешения позвать мою мать; но государь пожелал сам подняться к ней и предложил мне руку. Моя мать встретила государя, который поговорил с ней несколько минут стоя и простился с нами, вновь выразив нам свои чувства неизменной дружбы. Я еще не совсем простилась с ним, я еще раз имела счастье видеть Его Величество на балу у княгини Чарторыской. Так как государь танцевал на этом балу более чем всегда, я позволила себе заметить, что он слишком утомляется перед отъездом. „Да, — сказал государь, — тем более, что я сегодня встал в четыре часа утра, но, — что вы хотите, — надо оживить бал“. Благодаря прекрасному здоровью государя, которое давало надежду, что наши молитвы о его долгоденствии исполнятся, он легко переносил усталость, и один из его адъютантов, граф Ожаровский, рассказал нам, что государь, вернувшись домой после бала, всю остальную часть ночи писал, отправлял курьеров,

читал, подписывал доклады и после этой утомительной работы, уезжая, он разговаривал с лицами своей свиты с обычной ясностью мысли и живостью. Правда, что как только Александр сел в карету, он заснул крепким сном и проснулся лишь в сорока милях от Варшавы. Удивительно трогательна была страстная привязанность Его Императорского Высочества, Великого князя Константина к своему августейшему брату: привязанность эта проявлялась в выражении его лица, во всей его особе, и нет сомнения, что государь никогда не имел более верного и преданного друга.

ГЛАВА XXIV
Отъезд автора мемуаров во Францию. Взгляд на французов. Уступчивая политика французского кабинета. Взгляды Александра на положение Франции. Эпизоды

В следующем году, когда решился вопрос о моем браке, я обратилась, согласно обычаям русского двора, к обер-гофмейстерине, графине де Литта, чтобы получить от Их Императорских Величеств разрешение на мой брак. Граф сам обратился с этой просьбой в Москве, где двор проводил зиму 1818 г. Он представился государю, который соблаговолил беседовать с ним о его предстоящей женитьбе, поручил передать мне свой привет и разрешил ему вернуться во Францию, чтобы исполнять там обязанности пэра. Я не позволила себе при этом случае прямо написать государю. Между тем, в том же году Александр, встретив в Варшаве мою мать, соблаговолил передать ей, что он искренно желает мне счастья и надеется, что я буду счастлива, так как граф Ш*** пользуется прекрасной репутацией. Государь прибавил, что, не получив от меня никаких вестей, он боится, что я обиделась, что он прислал мне свои поздравления через еврея (того самого, который в 1812 г. отвез мое письмо отцу). Последний приехал в Вильну в мое отсутствие; в случае, если б я передала ему письмо для государя, он получил приказание отвезти ему это письмо в Варшаву. Когда, несколько месяцев спустя, я находилась в Вильне, этот еврей пришел предупредить меня, что он отправляется в Минск к государю, и спросил, не дам ли я ему письмо для Его Величества. Ввиду этого я написала, что израильтянин, доставивший мне милостивый привет от обожаемого мной государя, показался мне благим вестником; я прибавила, что уезжаю вскоре во Францию; что воспоминание о милостях, которыми почтил меня государь, никогда не изгладится и по-прежнему будет составлять мое счастье. Еврей вскоре вернулся и привез нижеследующий приветливый ответ:

«Я очень счастлив, что могу письменно принести вам мою искреннюю благодарность за полученное от вас

милое письмо, которое доставило мне большое удовольствие. Так как я имел случай оценить вас, то мои пожелания счастья были вполне уместны при таком событии, как ваш брак. Я позволяю себе повторить их и пожелать вам доброго пути. Да сопутствует вам Божественное Провидение и да хранит Оно вас! Прошу вас удержать мне место в вашем воспоминании и верить, как я ценю его, и примите выражение почтительной дружбы, с которой я к вам отношусь.

Александр»

Это письмо, написанное его рукой, и такой прекрасной рукой, послужило мне во Франции как бы талисманом против предрассудков нетерпимости и злобных наветов. Вскоре после моего приезда во Францию, когда рассеялся туман иллюзий, я вскоре убедилась, как правдива была та картина Франции, которую в беглых чертах набросал Александр, картина, которая раньше казалась мне преувеличенной. Я невольно сравнивала тот холодный эгоизм, тот тон ледяного равнодушия, который в общем господствует в парижском обществе; искусственные потребности, вызванные пустотой; ненасытную алчность; пестроту политических взглядов; размеренный придворный этикет. Я невольно сравнивала все это с ласковой рыцарской приветливостью, столь свойственной русским и полякам. С каждым днем сознание этого различия делалось мне все тяжелее.

Все вызывало во мне желание покинуть Францию, но я хотела покинуть ее с честью для графа Ш***. В то время речь шла о замещении места в русском посольстве и выбор посланника был предоставлен на волю императора Александра. Так как граф Ш*** не имел настолько влияния в министерстве, чтобы попасть в список кандидатов, он согласился, к сожалению, несколько поздно, чтобы я написала государю и попросила дать ему это место, которое не столько льстило нашему самолюбию, сколько удовлетворяло сердечное наше стремление приблизиться к особе Его Величества. Когда мое письмо достигло государя, посланником в Россию только что был назначен ла Ферронэ. Назначение это, притом, могло встретить лишь всеобщее одобрение. В 1820 г. я отправилась в Литву, и так как там против графа Ш*** велся очень несправедливый процесс, я решилась ехать в Варшаву, где в то время находился государь, чтобы просить его покровительства и правосудия. Я встретилась с Его Величеством на балу у маршала ла Диэт; и так как государь не знал, что я приехала в Варшаву, он выказал при виде меня самое приятное удивление, соблаговолил уверить меня в своем

неизменном дружеском расположении. В доказательство он посетил меня на следующий день и сам обратил мое внимание на свое отношение ко мне, вызвавшее самую глубокую мою признательность. Я приняла Его Величество в гостиной моей матери, которой не было дома, и государь спросил, не занимаю ли я моих прежних комнат в нижнем этаже: он боялся обеспокоить мою мать, ибо никто в мире не обладал утонченной деликатностью в такой степени, как он. Государь соблаговолил затем выразить свое сожаление, что он не мог исполнить мою просьбу по отношению графа Ш***. «Ваше письмо, — сказал мне Александр, — дошло до меня очень не скоро, и уже после назначения г-на ла Ферронэ. Притом, когда я в первый раз был в Париже, я уже дал мое слово королю, поручившему спросить у меня, одобряю ли я назначение г-на ла Ферронэ на место посланника в С.-Петербурге. И когда мне прислали список, среди всех замечавшихся в нем имен (государь назвал их) я не мог не избрать г-на ла Ферронэ, прекрасного человека, которого я раньше знал в качестве эмигранта». Государь обратился ко мне с множеством вопросов, вызванных искренним участием: о моем пребывании во Франции, о моей новой семье и т. д. Он спросил — счастлива ли я, и очень лестно отозвался о графе Ш***. Я ответила Его Величеству, что различие в политических взглядах сеяло во Франции смуту и неприязнь не только в обществе, но и в лоне семейств. «Что же еще нужно французам? — сказал Александр, — казалось бы, все соединилось, чтобы дать им счастье. Небо даровало им прекрасную страну, благоприятный для земледелия климат. Они пользуются свободой в той мере, которой можно разумно желать, — и они еще недовольны!» Когда я заговорила о либеральной партии, Александр сказал: «О! это одно лишь название, — как бы плащ, которым они прикрывают свои дерзновенные намерения. Нет ничего менее либерального, в истинном смысле этого слова, как все, что составляет демагогическую партию во Франции. По вашему браку, по вашим семейным отношениям, — продолжал государь, — вы, несомненно, принадлежите к самому избранному обществу Парижа. В массе есть, без сомнения, лица благонамеренные, но встречаются также и зараженные». Я угадала мысль государя, но не хотела подчеркнуть ее и потому молчала. «Я столько просил, умолял, — говорил Александр, — чтобы с самого начала Реставрации держались твердого образа действий. Мне не поверили; печальные последствия этого проявились в трагической смерти герцога Беррийского. Событие это тем более прискорбно, что характер герцога, изменившийся к лучшему, подавал большие надежды.» Александр приписывал это роковое событие и вообще

все несчастья Франции пристрастию Людовика XVIII к Деказу. Он очень любил Ришелье, высоко ценил его и желал, чтобы он утвердился в министерстве.

Государь с уважением и похвалой отозвался о брате короля (ныне Его Величество Карл X), говоря, что характер его закалился в школе превратностей судьбы. Он также похвалил геройское мужество герцогини Беррийской и, казалось, с нетерпением ожидал результата желанного события, которое должно было утешить благонамеренную часть населения Франции и успокоить Европу. Александр был, по-видимому, в тревожном настроении… и дал мне понять, что он недоволен последними известиями из Франции.

Так как государь спросил меня, почему граф Ш*** не приехал со мной в Варшаву, я пояснила прискорбную причину, лишавшую его счастья представиться Его Величеству, и я воспользовалась этим случаем, чтобы рассказать ему о процессе графа Ш***. Государь сказал, чтобы я представила ему записку об этом деле, и уверил меня, что он с удовольствием будет моим уполномоченным. Когда же я хотела поблагодарить его за все его милости, государь сказал, что это лишнее, что никакой нет заслуги в том, что меня ценят и отдают мне должное.

Я составила краткую записку, но не знала, каким путем доставить ее государю. Я надеялась, что мне удастся поговорить с ним на балу у вице-короля, но я приехала так поздно, задержанная длинным хвостом экипажей, что в ту минуту, когда я входила в зал, государь уже выходил и не заметил меня. На следующий день, в то самое время, когда я рассказывала своей матери об этой неудаче, мне доложили, что придворный лакей прислан Его Величеством узнать о моем здоровье, так как государь не видел меня на балу.

Какое милое внимание, вызванное одним лишь чувством благожелательности! Так как я предполагала провести в Варшаве всего несколько дней, государь, узнав, что я накануне отъезда, соблаговолил сам приехать проститься со мной и сказал при этом, что он надеялся, что я продолжу свое пребывание в Варшаве дней на десять, — срок, назначенный для отъезда Его Величества, собиравшегося на конгресс в Тропау, в Силезии. Я ответила, что обещалась графу ИТ*** возвратиться в назначенное время и что я никогда не нарушала своего слова. Я представила мою записку государю, который тотчас стал читать ее и затем вдруг прервал чтение, говоря: «Кажется, читать в присутствии дам — не особенно вежливо». Мне хотелось возразить, что со стороны государя это, наоборот, милость, доказывающая, что он на самом деле хочет ознакомиться с представленным на его правосудное

воззрение делом. Прочитав записку, государь, положив ее в карман мундира, сказал, что он очень любит мои писания и что я могу быть спокойной, — он будет моим адвокатом. «Никогда, — отвечала я, — дело не поступало в лучшие руки; и где можно надеяться найти правосудие, если не в сердце нашего обожаемого монарха?»

Моя мать испросила у Его Величества разрешение прочесть выдержку из письма моей сестры, которая была в деревне и поручала ей выразить ангелу ее чувства обожания. Государь принял это приветствие с обычной своей скромностью и сказал, что он всегда ценит знаки внимания, которые ему оказывают. Государь коснулся затем состоявшегося в этом же году бракосочетания своего августейшего брата.

«Много препятствий пришлось мне победить, — сказал он, — чтобы обеспечить счастье моему брату; но теперь он, наконец, счастлив настоящим образом, ибо мне не нравился прежний его способ быть счастливым», — с тонкой улыбкой прибавил государь. Он восхвалял также характер великой княгини, ее ангельскую кротость.

Государь пожелал знать, есть ли у графа Ш***, помимо его обязанностей пэра, другая должность, военная или гражданская? Я воспользовалась случаем, чтоб обратиться с просьбой о новой милости. Граф Ш*** не владел никаким имуществом во Франции, где он принужден был жить, тогда как в России он имел большое состояние, обремененное значительными расходами, и многочисленную семью, которую нато было содержать; поэтому он лишен был средств вести не только приличный его положению образ жизни, но даже не имел самого скромного обеспечения. После напрасных попыток получить какое-нибудь платное место он теперь надеется достигнуть этого при посредстве влияния русского правительства на герцога Ришелье. Я попросила Его Величество дать мне рекомендательную записку к его посланнику в Париже; при этом я выразила ему, как я буду счастлива чувствовать себя под покровительством моего ангела-хранителя даже во Франции и быть ему обязанной тем благосостоянием, которое, быть может, достанется мне.

Александр ответил, что он сам сочтет за счастье помочь мне и что он даст мне письмо, гораздо более длинное, чем моя записка…

Когда государь оставил нас, мы с матерью, говоря между собой о доброте этого ангела, испытали чувство умиления и в то же время грусти, которая теперь представляется мне предчувствием сердца, — увы! слишком верным. Мы не без основания думали, что такие совершенные и добрые существа не

остаются долго на земле, ибо небо всегда спешит отозвать то, что принадлежит ему.

В тот же день при виде государя, быстро проезжавшего в открытой коляске, моя мать сказала: «Нет, поистине, мы совсем напрасно тревожимся за него. Он так молод, у него прекрасное здоровье, Бог сохранит нам его». И мы кончили тем, что стали смеяться над нашими страхами, в то время лишенными всякого основания.

Однако, в Александре уже не проявлялось той беззаботной веселости, которая раньше одушевляла его. Он, казалось, был недоволен польским правительством, образом действий сейма, расходами, превышающими средства государства. Он постоянно стремился к уединению. Часто, не предупредив свою свиту, он отправлялся один в какую-нибудь уединенную местность в окрестностях Варшавы и приказывал принести ему туда обед. Он был, однако, совсем здоров, положение его в России и в Европе было по-прежнему господствующим…

Возвратившись в Литву, я вскоре получила депешу от двора, с письмом к русскому посланнику в Париже, и с копией этого письма для меня.

В то же время я имела удовольствие узнать, что, вследствие особого предписания Его Величества виленскому генерал-губернатору, процесс был прекращен.

ГЛАВА XXV
Новая поездка Александра в Вильну. Беседы с автором мемуаров. Политические взгляды и мнения государя. Несколько слов о Веронском конгрессе и испанской войне

Когда я возвратилась во Францию, все были взволнованы одним великим событием, которое, казалось, должно было произвести некоторые изменения в Европе и, быть может, оживить старинную эпоху Крестовых походов, возродить рыцарский дух. Читатель угадывает, что я говорю о восстании Греции, о геройских попытках, привлекавших внимание не только религиозных людей, но и всех любителей искусств, всего чудесного, всего того, что пробуждает воображение и увлекает его чарами воспоминаний, тесно связанных с этой, некогда столь славной страной.

Все ожидали, что русский император первый, как глава греческой веры, объявит себя покровителем своих братьев-единоверцев, что он поддастся благородному желанию помочь грекам изгнать турок из Европы и овладеть столь прекрасной страной.

Признаюсь, что, не останавливаясь на других соображениях, я от всей души желала ему этой новой славы в довершение той, которую он уже приобрел.

Но политика европейских государей взглянула на это событие с другой точки зрения. В желании и стремлении греков сбросить тяготевшее над ними позорное иго и восстановить справедливую независимость увидели лишь роковой революционный дух, который за последние сорок лет стремился подточить европейские престолы и опрокинуть власти, установленные законом и божественной санкцией.

Греки были предоставлены своей судьбе, и императору Александру пришлось волей-неволей отказаться от всех личных выгод и от славы, которую сулило ему это благородное предприятие, ради поддержания европейского мира и столь необходимого равновесия, устойчивость которою он держал в собственных руках.

У Франции были в то время собственные причины для тревоги. Испания — ее соседка и союзница, находясь накануне кровопролитной и разрушительной революции, привлекала к себе внимание Европы и французского правительства в особенности.

В это время, т. е. весной 1822 г., я предприняла поездку в Вильну по семейным делам, касающимся моего состояния. Император Александр прибыл в этот город 2 июня, чтобы произвести смотр шестидесятитысячному отряду войск. Он проехал бульваром, вдоль Вилии, и пораженный тем, что жители города при виде его не проявляют радости, он сказал впоследствии княгине Трубецкой, что его теперь не скоро увидят в Вильне. На следующий день Александр вместе со своими тремя августейшими братьями присутствовал на блестящем смотру, на равнинах Верки. Узнав, что я нахожусь в Вильне, государь поручил передать мне, что он очень этому рад, и велел спросить, не обеспокоит ли он меня своим посещением.

Я никогда не забуду, что в этот день мой французский лакей, которому я дала соответствующие наставления по поводу приема государя, ответил Его Величеству, спрашивавшему, дома ли я: «Ош, monsieur».

Александр соблаговолил тотчас обратиться ко мне с несколькими вопросами по поводу моего ребенка. На вопрос, почему я не взяла его с собой, я ответила, что побоялась подвергнуть его утомлениям долгого путешествия (ему было всего шесть месяцев) и что среди радости, которую я испытываю при виде моего государя, я более всего сожалею о том, что не могу повергнуть к его стопам моего ребенка. Государь, видя, как я растрогана, сказал мне с искренней чувствительностью: «О! я понимаю, как вам было тяжело расставаться с ним».

Так как государь соблаговолил вспомнить о графе Ш***, я сказала, что, принужденный присутствовать на заседаниях палаты пэров, он не мог сопутствовать мне. «Я очень боюсь, — прибавила я, — что Ваше Величество удивляется, что я постоянно путешествую одна; между тем мое главное желание и стремление в том, чтобы заслужить и сохранить уважение, которое Ваше Величество благоволит оказывать мне…» Александр ответил мне, что ни время, ни отсутствие, ни расстояние не могут изменить его чувств ко мне.

Государь пожелал узнать, что помешало устроить крестины моего ребенка (император был заочным крестным отцом) в Париже. Я рассказала государю, что произошло по этому поводу, и откровенно призналась, что часть вины падает на меня. Когда у меня родился сын, я написала императору Александру, что он рожден французским подданным и что я умоляю Его Величество,

не из тщеславия, но в залог счастья моего ребенка быть его крестным отцом. Государь, со свойственной ему добротой, согласился оказать мне эту милость, прислал мне богатый подарок и поручил находившемуся в то время в Париже графу Шувалову заменить его при этом обряде, так как в письме моем я просила, чтобы государь избрал для этого настоящего, доброго русского, а не посланника, которого я не считала таковым. И как раз это обстоятельство вызвало противодействие со стороны французского духовенства, — противодействие, которое не возникло бы, если б назначенное государем лицо принадлежало к римско-католическому вероисповеданию. Государь уверил меня, что раз вопрос возник из-за религиозных взглядов, он совсем не оскорблен случившимся, и предложил мне свои услуги на будущее время.

Александр спросил, какое дело побудило меня приехать в Вильну, — не касается ли оно того процесса, о котором я представила ему записку в Варшаве? Он еще помнил о ней по прошествии двух лет. Вообще, память у государя была поистине изумительная, но в этот день она изменила ему.

«С каким удовольствием, — сказал он, — я вновь встречаю вас в той самой комнате, где я некогда вас видел! Вот тот самый диван, где вы сидели, у того же круглого стола…» И он искал глазами фортепиано, которого не было в комнате. Я не знала, что отвечать, и очень была смущена, ибо это была квартира моего отца, которую я занимала в его отсутствие, но не та, где я несколько раз принимала Его Величество, так как мой отец переехал в другой дом. Я решила поэтому молчать, и вот как бедных государей обманывают в самых мелочах и даже те, кто наиболее им предан…

Государь перешел затем к важным вопросам. Он с интересом говорил о положении Франции, одобрил перемену министерства, причем упомянул о Деказе и Талейране. Он сказал, что Франция многим обязана герцогу Ришелье (который на конгрессе в Aix la Chapelle добился отозвания из Франции союзных войск); что он мог бы быть более одарен, но что это вполне честный человек, преданный своему отечеству, и что при настоящих обстоятельствах подобные люди редки.

Мне казалось, что у императора Александра преувеличенные понятия о силе и ораторских талантах демагогической партии (он так называл левую палату депутатов). Я позволила себе заметить, что ей не уступает в этом отношении партия роялистов. Каждому оратору левой, которого называл государь, я противопоставляла оратора правой: генералу Фоа, Бенжамену, Констану и другим я противопоставляла Кастельбалка, Лабурдонэ, Делало. Я не знаю,

удалось ли мне убедить Александра, так как он, казалось, был сильно поражен влиянием, которое имели таланты оппозиции на национальный дух Франции.

Я позволила себе сказать, что эти волнения, вызванные недовольными, беспокойными людьми, не могут разрушить спокойствие массы французской нации, которая после стольких политических потрясений теперь стремится лишь к миру и к внутреннему спокойствию. Я захватила с собой только что появившееся сочинение о революции в Пьемонте. Я заговорила об этой книге с государем, который прочел ее, придавал ей большое значение и сообщил мне, что я не знала, что основу этого политического романа составляло истинное происшествие. Государь заговорил затем о делах в Испании. «Я вижу один лишь путь для разрешения их, — путь вооруженного вмешательства. Испания — очаг революций, средоточие опасного духа, который для спокойствия наций необходимо сдержать и сократить. Я бы охотно взял на себя это предприятие, но как достигнуть Испании, миновав Францию? Не опасно ли вовлекать Францию в такую войну?»

Я, само собой, не позволила себе никаких замечаний по таким важным вопросам; но, изменив разговор, я сказала: «В Париже мы недавно предполагали, что Ваше Величество уже в Константинополе». Александр улыбнулся. «Да, — сказал он, — люди этой партии очень хотели бы, чтоб я этим нарушил мои принципы, но ничто в мире не заставит меня это сделать». — «Ваше Величество, Вы показали беспримерную умеренность и твердость, не поддавшись искушению, столь сильному, надо сознаться, — искушению совершить великое завоевание и избавить Грецию от тяготеющего над ней ига». — «В мои политические виды, — сказал государь, — не входят никакие проекты расширения моего государства, настолько великого, что оно уже возбуждает внимание и зависть других европейских держав. Я не могу и не хочу благоприятствовать восстанию греков, ибо такой образ действий противоречил бы принятой мной системе и неизбежно разрушил бы тот мир, который мне так трудно было водворить, — мир, столь необходимый Европе. Притом, если б я хотел внять голосу человеколюбия, а также моего сердца, который побудил бы меня помочь грекам, я только увеличил бы количество жертв. Малейший шаг, сделанный моими войсками для поддержания их, явился бы сигналом всеобщей бойни. Ведь вы знаете, что это греческое население почти все рассеяно по полуострову Морей, и оно было бы все истреблено турками, прежде чем русские успели бы добраться до Константинополя».

После этой интересной, серьезной беседы государь вдруг перешел к колким шуткам по поводу нежных чувств французского короля к одной придворной даме. «Как! — воскликнул он, — в шестьдесят семь лет у Его Величества Людовика XVIII — любовницы!» — «Ваше Величество, — возразила я, — это любовь платоническая». — «Я и этого не допускаю. Мне сорок пять лет, тогда как королю шестьдесят семь, а я все это бросил». Действительно, за последние годы Александр вел примерный образ жизни, и г-жа Н*** давно находилась в изгнании в Париже. Государь спросил, видела ли я его солдат на смотру; я ответила, что видела его «гигантов». На самом деле, и люди, и лошади, — все в этом войске показалось мне гигантским; лошади в особенности были слишком тяжелы и велики для кавалерии. Его Величество спросил меня затем, почему, часто путешествуя, я еще ни разу не побывала в Петербурге. Я ответила, что это был. моей мечтой, одним из моих испанских замков. «Почему же вы называете это испанским замком, — с живостью возразил Александр. — Что же такого особенного в этом путешествии для вас, когда вы ездите с быстротой курьера? (Я приехала из Парижа в Вильну в четырнадцать дней). Для вас это все равно, что проехать из Вилькомира в Товиани». — «Не совсем так, Ваше Величество, — отвечала я, — но я сделаю все возможное, чтобы побывать в Петербурге будущим летом, и. конечно, тот день, когда я увижу моего мужа и моего ребенка у ног Вашего Величества, будет прекраснейшим днем моей жизни». Александр соблаговолил выразить свое удовольствие по поводу этого обещания. «Мы не можем похвастаться, — скромно сказал он, — чтобы Петербург был равен Парижу по красоте и по всякого рода преимуществам, представляемым этой великой столицей; но мы сделаем все, чтобы наилучшим образом принять вас».

Я показала государю портрет моего ребенка; он долго смотрел на него и нашел моего сына хорошеньким. Он спросил меня о моем отце, о женитьбе моих братьев; внимательный и предупредительный, он ничего не позабыл из того, что близко касалось меня. Прощаясь со мной, Александр соблаговолил вновь уверить меня в своем неизменном расположении и просил по-прежнему относиться к нему дружески и благосклонно. «Будьте уверены, — прибавил он, — что в моих чувствах к вам нет ничего личного и что дружба, которую вы мне внушаете, вполне чистая и бескорыстная».

Его Величество соблаговолил быть на балу, который дал в честь его предводитель дворянства, в думе. Все, так же, как я, заметили, что император Александр, называвший себя старым солдатом, не казался старше тридцати лет; он был еще

удивительно хорош собой и поражал блеском своей красоты. Танцуя со мной, Его Императорское Высочество Великий князь Константин сделал мне честь спросить, не по делу ли я приехала в Вильну: «Верно, это по поводу какого-нибудь процесса? — сказал он, — ибо вы, поляки, только этим и занимаетесь». К несчастью, это была истинная правда.

На этом балу я впервые имела честь видеть Великого князя Николая (ныне царствующего императора), который соблаговолил говорить со мной. Я была поражена изяществом и необыкновенным достоинством его манер и разговора, и, по правде сказать, я нашла, что молодой великий князь смотрит еще более величественным, чем сам государь, который был гораздо красивее его.

Государь простился со мной на балу; он уезжал на следующий день рано утром. Я сговорилась с несколькими моими приятельницами, с графиней Лопасинской и графиней Платер, чтобы быть на бульваре при его проезде. Государь всегда путешествовал в открытой коляске; он нас узнал и, смеясь, поклонился нам. Он отправлялся тогда на конгресс в Верону, где у него состоялись очень важные переговоры с г-дами Монморанси и Шатобрианом. Тот и другой были достойны узнать и оценить государя, и оба возвратились в Париж в восторге от его ума, изящества и в особенности от его благородного образа мыслей. В частности, г-н Монморанси доказал ему свою преданность, вышедши из министерства, когда оказалось невозможным выполнить представленные ему Александром идеи и план действий, которые разум его не мог не одобрить. Государь, возвращаясь из Вероны и проезжая через Варшаву, соблаговолил посетить мою мать и долго беседовал с ней о достоинствах г-д Монморанси и Шатобриана. Он поручил моей матери передать мне свой привет и прибавил по моему адресу милое слово, которое я хотела бы заслужить и которое, без сомнения, было более любезно, чем верно: «Нельзя видеть ее и не полюбить».

На Веронском конгрессе Александр предложил французскому правительству отправить на собственный счет русское войско на помощь Испании, без участия Франции Предложение это, само по себе столь великодушное, посеяло великую смуту во Франции и в особенности в Париже. Слабая и робкая партия, во главе которой стал г-н Талейран и которая заседала в Сен-Жерменском предместье, высказалась в том смысле, что надо, не колеблясь, принять это предложение, что большое счастье, что русский император со гласен взять на себя столь опасное для Франции предприятие. Талейран произнес речь, в которой доказывал, что Испания уже однажды сыграла роковую роль по отношению к

Франции; что он в то время предупредил правительство и предсказал ему роковые последствия войны на Пиренейском полуострове, и он считает долгом напомнить это при настоящих обстоятельствах. Со своей стороны герцог Фитп Джемс, один из выдающихся ораторов палаты пэров, выступил против этой речи, которую он пытался опровергнуть.

Более сильная и смелая партия объявила, и не без основания, что допустить вмешательство посторонней державы в дела Испании, являвшиеся для Франции семейными делами, — это значит наложить неизгладимое пятно на честь французов. Этот важный вопрос обсуждался во всех салонах Парижа, и я при этом слышала, как несколько молодых и красивых дам высказывались по этому поводу с таким же красноречием, как и истинным патриотизмом. Наконец, Людовик XVIII разрешил вопрос со свойственной ему мудростью: он сумел сочетать честь Франции и своей короны с сохранением мира в государстве, выказав благородное доверие доблести и верности своих войск и поставив во главе их принца, которому суждено было прибавить новые лавры к тем, которые заслужили его предки. По отношению к военным успехам читатель знает, насколько события оправдали и даже превзошли надежды французов и ожидания Европы.

ГЛАВА XXVI
Болезнь государя. Поездка автора мемуаров в С.-Петербург. Описание этого города и его окрестностей

Император Александр, который всегда пользовался прекрасным здоровьем, опасно заболел зимой 1824 г. Семейные огорчения, неприятности, быть может, преувеличенные его чрезвычайной чувствительностью, к которым присоединилась простуда, — все это внезапно вызвало сильную болезнь, естественно, возбудившую тревогу в августейшей семье и во всей столице. За последнее время государь стал часто удаляться, даже зимой, в свою любимую резиденцию в Царском Селе. Он вызывал к себе министров и вел очень уединенный образ жизни, без всяких других развлечений, кроме длинных прогулок по парку, простирающемуся на две-три версты.

Однажды (это было во время бракосочетания Его Императорского Высочества Великого князя Михаила), после особенно длинной прогулки в одиночестве, государь вернулся во дворец продрогший и велел принести обед в свою спальню. Но он не был в состоянии есть, и вскоре на ноге его открылась рожа, которая распространилась со страшной быстротой; затем сделалась лихорадка с бредом и воспалением мозга. Государя тотчас перевезли в крытых санях в Петербург, где консилиум докторов, опасаясь начинавшейся гангрены, высказался за отнятие у государя ноги. Но так как прописанные лекарства произвели желанное действие, доктора удовольствовались тем, что поставили дренаж; благодаря своему прекрасному здоровью государь вскоре стал выздоравливать.

В первый раз, когда император после своей болезни показался на улицах Петербурга, народ везде при его проезде становился на колени, трогательным образом проявляя свою чрезвычайную радость и благодаря Небо, сохранившее ему отца.

В тот же год мне удалось исполнить давно задуманный проект поездки в Петербург и принести почтительные мои приветствия августейшему моему государю, в прелестном городе, где он родился и где находился его престол. Мы приехали в первых числах июня, в эпоху, когда в этой северной стране нет ночей. От последней станции, т. е. от Стрельны, летнего местопребывания Великого князя Константина, на пространстве трех французских верст, дорога идет вдоль шоссе между двумя

рядами дач, или прелестных деревенских домов, выходящих с одной стороны на море, а с противоположной стороны — на каналы или рукава Невы. Эти дачи разделены между собой, как бы большой дорогой, рядом садов, где преобладает белоствольная береза, бледная листва которой выделяется на темной зелени северных елей и сосен. Вазы с цветами, изящно расставленные или сгруппированные среди деревьев, представляют собой как бы олицетворение весны, которая дарит жителей севера лишь одной улыбкой, как заметила одна остроумная особа из моих знакомых. Все эти здания очень разнообразны по архитектуре и общему характеру. Здесь, среди массы зелени, вы видите греческий храм с его прекрасным перистилем и изящными лестницами; там — китайский павильон с пагодами и серебристо-звенящими колокольчиками; далее вы видите швейцарский домик — скромная с виду постройка, скрывающая роскошь под обманчивой внешностью. А вот итальянский бельведер, изящно возвышающийся над окружающими его деревьями и составляющий живописный контраст с готическим замком и его зубчатыми башнями. Везде в громадных теплицах укрываются от свежего или леденящего воздуха те плоды, которые обыкновенно небо дарует более счастливому климату и которыми богатые русские вельможи за большие деньги удовлетворяют свое сластолюбие. Словом, тысячи предметов, знаменующих столь же разнообразные, сколько замысловатые вкусы, представляются удивленным и очарованным взорам путника. Окрестности Парижа, за исключением королевских дворцов, ничего не представляют такого, что могло бы равняться великолепию окрестностей Петербурга, где, однако, все создано искусством. Эти прекрасные здания, порожденные богатством или прихотью, построены на плохой почве, представлявшей некогда обширное болото.

Я была равным образом поражена величественной и правильной красотой Петербурга, улицы которого, широкие и теряющиеся вдали, обсажены деревьями и украшены тротуарами из граненого камня. В различных местах города виднеются каналы, окаймленные гранитными набережными, которые сообщаются между собой посредством красивых железных мостов. Дома, не имея величественного вида прекрасных парижских зданий, отличаются изяществом своих оконных рам, из цельного стекла и с красивыми орнаментами. Кроме того, в Петербурге очень много замечательных зданий. В то время самое избранное общество удалилось на свои дачи. Немногие остававшиеся в городе жители, почти все в национальных костюмах, придавали столице Российской империи какой-то азиатский вид,

представлявший своеобразный контраст с вполне европейским изяществом ее зданий. На длинных улицах и бесконечных набережных лишь изредка встречались экипажи — немногие английские кареты или кареты, сделанные по английскому образцу, запряженные по-русски, четверкой лошадей с длинными гривами, которые ехали чрезвычайно скоро и управлялись бородатым кучером и маленьким крикливым форейтором. На красивых широких тротуарах почти не видно было пешеходов. Вечером, при сумеречном освещении, которое не похоже ни на дневной, ни на лунный свет, но которое распространяет на предметы какой-то волшебный отблеск, — вечером, говорю я, этот красивый пустынный город производил на меня впечатление панорамы.

Приехав в Петербург, мы остановились всего на несколько дней в отеле «Англия», на Адмиралтейской площади, против Зимнего дворца, резиденции Его Императорского Величества. Дворец этот построен в стиле древней французской архитектуры. Возвышающееся против дворца Адмиралтейство, великолепное здание, построенное императором Александром; ведь если Петр Великий основал Петербург. Александр украсил его. Государь имел большую склонность к архитектуре, понимал в ней толк и очень любил строить. От императорского дворца до Невы, вдоль Адмиралтейства, расположен сад, состоящий из нескольких рядов тополей: он занимает такое большое пространство, что на нем можно было бы произвести смотр стотысячному пехотному войску Нева окаймлена каменной набережной из розового гранита Столь величественная, когда она спокойна, страшная в бурю, Нева представляет взорам волны сапфирового цвета; в течение части года она покрыта судами, над которыми развеваются цвета всех наций; виднеются на ней также хорошенькие яхты, беспрерывно снующие друг перед другом. Нева одновременно составляет украшение, славу, богатство и страх Петербурга.

Когда я приехала, императора Александра не было в Петербурге. По возвращении из поездки в военные поселения, которыми государь остался очень доволен, он отправился, чтобы присутствовать на маневрах в нескольких милях от столицы, и никто не знал, когда он возвратится в Царское Село. Поэтому я обратилась со своими первыми приветствиями к статуе гениального основателя Петербурга, к статуе, которая так часто была уже описана в печати, что я избавлю читателя от своих описаний. Затем я отправилась любоваться прекрасными зданиями на Английской набережной: Академия, Биржа, — громадное здание, где собраны произведения четырех частей

света. Я посетила чудную церковь Казанской Божьей Матери, которой справедливо восхищаются, с внешней стороны — величественной и благородной архитектурой, а с внутренней стороны — массой заключающихся в этой церкви золотых и серебряных предметов, ослепляющих глаза; сияющий вид храма напоминает некогда существовавший в Лиме храм солнца.

Гостиный Двор представляет собой нечто вроде восточного базара, заключающего в себе все, от богатого магазина золотых дел мастера до лавки простого ремесленника. Я никогда не видывала даже в Париже более громадной выставки фруктов, как в Петербурге на фруктовом базаре: там были всякие плоды, в том числе гигантские ананасы, по сто франков за штуку. В Петербурге всего два общественных места для прогулок: во-первых, Летний сад, обнесенный очень красивой золоченой решеткой. Он обсажен в старом стиле, украшен беседками и купами деревьев, печальными и мрачными; кой-где встречаются плохие мраморные статуи. Второе гулянье — Екатерингофский сад, в ста шагах от города, куда народ толпами отправляется гулять по воскресеньям и праздникам. Экипажи знатных лиц проезжают по аллеям этого парка; здесь празднуется 1 мая, считающееся в Петербурге началом весны. В многочисленных сборищах, образующихся вокруг игр, русских гор, балаганов и т. д., я заметила контраст, который, признаюсь, не понравился мне. Мужики, богатые городские купцы, в национальных костюмах, которые так идут к их высокому росту, с длинной бородой, придававшей им внушительный и патриархальный вид, важно прогуливались, в сопровождении своих жен и дочерей, одетых по-европейски. В нарядах этих последних не было ни малейшего вкуса, они представляли пеструю смесь разных парижских украшений, неуклюже нагроможденных вопреки моде и благообразию. И при этом, представьте себе, под украшенной цветами шляпой — татарское лицо желтого цвета с плоским носом; а под богатым вышитым платьем — уродливую ногу в плохой обуви. Рядом с этими карикатурными фигурами, пародиями на французские изящные туалеты, — выделялись другие женщины, кормилицы из домов русских вельмож, одетые в прелестный костюм, украшающий самую некрасивую фигуру: в кокошнике, (золоченый чепец, украшенный каменьями, очень высокий и так красиво прибавляющий роста), в шелковом кафтане, грациозно обрисовывающем талию, и накинутой на плечи богатой шубе, которая предохраняет от всякого холода в этом климате, столь изменчивом даже летом. Все в этом костюме — благородно, богато, грациозно. Если б я имела честь быть русской императрицей, я уверена, что я тотчас стала бы носить этот

костюм, отказавшись от капризных мод Парижа, который присвоил себе право налагать их на весь мир. Примеру этому последовал бы двор, столица и вся империя, и он был бы равносилен закону против расточительности; ибо опыт показывает, что костюм, не подвергающийся изменениям, как бы ни был он богат, стоит гораздо дешевле, чем модные туалеты, которые приходится постоянно возобновлять. Я посетила внутренность Зимнего дворца. Картинная галерея заключает в себе много произведений искусств великих мастеров; она недавно обогатилась прекрасной коллекцией, которую Александр приобрел после смерти императрицы Жозефины. Кол-лекция медалей, принадлежавших дому Орлеанов, тоже весьма замечательна. В зимнем саду Эрмитажа я видела потомков голубей, которых кормила сама Екатерина II. Мы сделали также несколько загородных поездок на Каменный остров, где жила невестка графа Ш***, графиня С***, урожденная княжна Голицына, особа, отличавшаяся как внешней привлекательностью, так и своим милым, кротким нравом. Каменный остров — в одной версте от города; ехать на него надо через Неву по плавучему мосту. На Каменном острове множество дач, — все очень красивые, расположенные среди леса, окруженного рекой и прорезанного каналами, рукавами Невы и маленькой речкой Черной, которые раздробляют его на несколько островов, соединенных мостами. У императора тоже есть резиденция на Каменном острове. Дворец и небольшой сад расположены на маленьком рукаве Невы, где стоит большая императорская яхта. Недалеко отсюда, близ реки, возвышается прекрасный дом греческой архитектуры графа Лаваме, также дома Нарышкина, графа Строганова и других. Перечислить их все — невозможно; я могу только сказать, что благодаря красоте реки и свежести зелени местопребывание это в течение двух-трех месяцев лета является, поистине, волшебным приютом. Крестовский остров представляет собой большой общественный сад, вроде старинного сада Божана, на Елисейских полях. Близ Крестовского острова — Елагинский остров, где возвышается недавно отстроенный дворец, принадлежащий Ее Величеству, императрице-матери; изящные контуры, белизна этого здания, построенного среди цветущих полей и вод, делали его подобным лилии, выступающей в хрустальной вазе среди букета роз. Я осмотрела также Таврический дворец и сад, великолепное создание великолепного Потемкина. Бальный зал, являющийся в то же время зимним садом, отличается гигантскими размерами. В то время там работали над праздничными украшениями и готовили фейерверки по случаю ожидавшегося приезда Ее

Императорского Высочества Великой княгини Марии и принцессы Оранской.

ГЛАВА XXVII
Монаршее гостеприимство. Новые свидания с Александром. Деревенские занятия государя. Портрет императрицы Елизаветы

Узнав, что государь возвратился, я решила поехать в Царское Село, хотя меня несколько смущала общая молва о том, что государь никогда не дает аудиенции в деревне; уверяли, что даже если написать ему, трудно увидеть государя, так как более чем сомнительно, чтобы ему передали письмо. Помимо весьма естественного желания повергнуть мои верноподданнические чувства перед обожаемым государем, у меня было к нему несколько просьб, и между прочим о том, чтобы совершить, наконец, обряд крещения моего ребенка.

Итак, я поехала, охваченная чувством робости и смущения, и, если б было возможно, я без сожаления отказалась бы от этой поездки. Царское Село в двадцати трех верстах от Петербурга. Я остановилась в гостинице под названием «Французская реставрация», где мне дали, для меня и моих горничных, всего одну маленькую комнату, почти без мебели. Хозяин, очень удивленный, что я не в восторге от этого помещения, сказал мне хвастливым тоном, что в этой комнате останавливался французский посланник, когда приезжал в Царское Село. Я решилась вечером отправиться за справками к графине Ожаровской, супруге генерал-адъютанта Его Величества; я обоих знала давно, они были мои соотечественники, очень обязательные и милые люди. Друзья мои жили в парке. Я прошла мимо дворца, громадного здания в старом французском стиле, разукрашенного статуями, позолотой, куполами и пр. Дворец этот показался мне пустынным; одни лишь часовые стояли на посту во дворе. Уединение, в котором жил государь, внушило мне мрачные мысли. Нет, говорила я, под влиянием этих размышлений, по малой мере преждевременных: нет, император Александр в Петербурге — не тот император Александр, которого я знала в Товиани, в Вильне, в Варшаве! Таковы все государи! С какой радостью, с какой предупредительностью я принимала его каждый раз, как он благоволил посещать меня; а здесь — какая разница! Быть может, я не получу и стакана воды в этом дворце, негостеприимном, как все обиталища великих мира сего.

Счастлив тот, кто никогда не приближается к ним, еще счастливее тот, кому нечего просить у них! Погруженная в эти печальные мысли, я шла медленно, не обращая внимания даже на шум карет, быстро проезжавших мимо меня; так дошла я до «китайского города», как называют построенные в китайском вкусе хорошенькие домики, числом около двадцати, где живут адъютанты Его Величества. У каждого из них свой особый дом, конюшня, погреб и свой сад. В середине этого небольшого городка, расположенного в форме звезды, находится окруженная тополями круглая беседка, где г-да адъютанты собираются на балы и концерты. Мосты, трельяжи, украшенные пагодами киоски, — все в части парка, окружающей городок, в китайском вкусе; а весь городок составляет лишь крошечную часть громадного парка.

Генерал О*** и его жена приняли меня очень хорошо. Они предполагали, что государь останется на смотрах несколько дней. Но, послав во дворец и узнав, что государь ночует у себя, генерал посоветовал мне отправиться рано утром с его женой в парк; по его словам, это был единственный способ встретить государя, который гулял в парке каждое утро. Проект отправиться в погоню за государем по парку величиной в несколько верст, — показался мне странным; пришлось, однако, согласиться, несмотря на то, что мне очень хотелось возвратиться в Петербург. Граф О*** любезно проводил меня до гостиницы. Пересекая аллею, я увидела в отдалении красивого офицера в форменном сюртуке (летний костюм, принятый при дворе), который кланялся нам; я было приняла его за государя, но офицер показался мне более стройным; притом, в аллеях было темно. Я ничего не сказала, но маленький О***, племянник генерала, вдруг воскликнул: «Это государь!» Г-жа О*** сказала мне: «Ваша счастливая звезда привела его, так как в этот час он никогда не гуляет в парке». Мы обе тотчас вернулись назад. Государь, видя, что мы идем к нему, со своей стороны пошел навстречу нам и, узнав меня, с удивлением воскликнул: «Как! Вы! С каких пор вы здесь?» И когда я ответила, он соблаговолил упрекнуть меня, что я не отнеслась к нему как к другу, и несколькими словами не предупредила о моем приезде и отняла у него две недели. Словом, он обратился ко мне с разными любезностями, которые государь так хорошо умел говорить. Я извинилась, сказав, что я побоялась обеспокоить Его Величество, ввиду поглощающих его время смотров. «Я распорядился бы иначе», — ответил государь, и он так же, как всегда, милостиво принял почтительные приветствия, которые мать моя поручила повергнуть к его стопам; он с участием осведомился о моем здоровье и спросил, по-прежнему ли его

комната полна картин и птиц. Государь пожелал знать, где я остановилась, и сказал: «Вам, вероятно, очень неудобно в этой гостинице; позвольте пригласить вас к себе; ручаюсь, что вам будет лучше, чем там». Я выразила мою глубокую благодарность за такое неожиданное, любезное внимание. Государь удалился, сказав, что он должен распорядиться, чтобы приготовили мое помещение и послали за мной.

После этого я направилась с г-жой О*** к моей гостинице. Я была в восторге от этой счастливой встречи, избавившей меня от страха, что государь уже не расположен ко мне по-прежнему. Напротив, он показался мне на этот раз еще более приветливым (если это было возможно) и полным той несравненной доброты, которая должна была бы привязать к нему все сердца, если б все сердца были чувствительны и благодарны.

Вернувшись к себе, я тотчас легла, не думая, что мне в этот же вечер придется переехать во дворец. Но только что я легла, как за мной приехала карета с посланным: помещение, ужин, — все было готово, кроме одной меня. На следующий день, в семь часов утра, за мной явился первый камердинер государя в одной из тех легких, изящных карет, в которых обычно разъезжают по парку. В карету была запряжена пара великолепных лошадей. Я наскоро оделась и отправилась с моим ребенком. Меня привезли в Александровский дворец, носящий это название, так как он был построен для Александра, по приказанию императрицы Екатерины, согласно рисункам и планам прекрасного итальянского архитектора. Дворец этот замечателен по изяществу и по редкой гармонии всех его размеров. Нижний этаж занимал обыкновенно Великий князь Николай со своей августейшей супругой, но в то время Их Императорские Высочества были в отсутствии Предназначавшееся мне помещение находилось во втором этаже и соприкасалось с длинной открытой галереей, выходившей в столовую и служившей хорами для музыкантов во время больших обедов. Из всех окон моего помещения открывался прелестный вид — парк и императорский дворец в ста шагах от Александровского дворца. Через группу деревьев, скрывавших часть здания, просвечивали пять золотых куполов церкви, увенчанных сверкающими крестами, которые в тихую погоду отражались в красиво очерченном пруде, окаймленном зеленой лужайкой.

В моем помещении был приготовлен изящно поданный завтрак, с корзинами фруктов, редких в России даже летом.

Камердинер ушел, спросив предварительно, не нужно ли мне что-нибудь и все ли так, как я желаю. Я была совсем одна в громадном дворце, не считая придворной прислуги: мои

горничные еще оставались в гостинице. С помощью фантазии я могла себе представить, что я перенеслась в какой-нибудь волшебный дворец легендарных времен. Я сошла в парк и вскоре встретила генерала О***, который шел ко мне со своей женой. Они мне сообщили, что видели Его Величество, что государь говорил им по поводу крестин и сказал, что он готов удовлетворить мое желание и что остается только назначить день.

Беседуя, мы подошли к новому зданию, которое государь ради развлечения строил в парке. Это была очень высокая четырехугольная башня, так называемая «башня рыцарей», так как с четырех сторон ее, в нишах, стояли статуи рыцарей. В этом здании предполагалось поместить юного Великого князя Александра.

Государь, следивший за рабочими, сделал несколько шагов навстречу нам и, обратившись ко мне, самым любезным тоном выразил надежду, что мне удобнее в новом помещении, чем в гостинице. Александр осведомился, почему я не приехала во дворец накануне, и стал уверять, что он, не теряя минуты, тотчас послал за мной проводника и т. д. Я представила моего сына государю, который очень смеялся тому, что ребенок называл его большим солдатом.

Возвратившись во дворец, я отослала в Петербург своих наемных лошадей и написала графу Ш***; сообщая ему о новых милостях государя, я звала его к себе.

Камердинер государя явился затем предупредить, что Его Величество посетит меня в двенадцать часов, и, несмотря на проливной дождь, визит этот состоялся в назначенный час. Государь, с любезностью самого гостеприимного хозяина, соблаговолил осведомиться, довольна ли я своим помещением и достаточно ли оно просторно, чтоб граф Ш*** мог в нем поместиться; при этом он любезно прибавил, что граф Ш*** — его старинный товарищ по оружию; наконец, он спросил, не предпочту ли я поместиться в «китайском городе», чтобы быть поближе к графине О***. Одно лишь доброе сердце может внушить такую высшую вежливость и такую деликатность! Александр сказал мне затем, что двор вскоре переедет в Петергоф, и пригласил меня последовать туда за ним. Уже зная от моей матери о положении моих дел, он соблаговолил выразить мне свое участие. Я кратко пояснила ему все обстоятельства и, прося о предоставлении мне взаймы ссуды из Государственного банка на более выгодных условиях, чем те, которые установлены правилами, я принуждена была сказать государю, что граф Ш*** разделил часть своего состояния между своими детьми и что я

приобрела остальную часть, с обязательством, в исполнение последней воли его отца, — уплатить все его долги.

— Из этого следует, — сказал государь, — что у графа Ш*** нет ничего, а у вас — очень мало.

— К сожалению, Ваше Величество, это истинная правда, — отвечала я. Государь уверил меня в своем неизменном участии ко мне и сказал, чтобы я представила ему записку об этом деле.

Говоря Его Величеству о впечатлении, которое произвел на меня Петербург, я, конечно, очень восхваляла красоту русской столицы. «Да, — сказал государь, — это красивый город, но, в конце концов, это лишь каменные стены, и вы не найдете здесь того общества, которое вы оставили в Париже». Я тогда повторила Его Величеству то, что я имела честь говорить ему раньше: что парижское общество, разъединенное столь различными интересами и взглядами, представляет мало привлекательного; что демон политики овладел всеми французами; что, начиная с бедного извозчика на козлах и торговки, продававшей спички в своей лавчонке, во Франции не было никого, кто бы не считал себя призванным не только читать, но и понимать ходячую газету, в особенности «Constitutionner, что в самых блестящих салонах Парижа речь шла лишь о прениях в двух палатах и об образе действий министерства, наконец, что по необходимости и к несчастью, среди этого столкновения различных чувств, предубеждений, взглядов, касавшихся столь серьезных интересов, — сатонная беседа должна была с каждым днем утрачивать ту легкость, грацию, ту аттическую соль, которые некогда выделяли французов среди всех других европейских наций.

Прощаясь со мной, государь вновь соблаговолил уверить меня в своем участии и дружеском отношении ко мне и просил меня не считать его слова за пустые комплименты. Генерал О*** и его милая жена, со свойственной им любезностью, предложили показать нам парк Царского Села; он был отчасти создан государем или, по крайней мере, увеличен им и украшен. По его приказанию парк содержался в таком порядке и чистоте, как я нигде еще не встречала. Тысяча рабочих, ежедневно наполнявших парк, постоянно подметали дорожки, как только кто-нибудь проезжал в карете, верхом, или даже проходил пешком; подчищали и подрезали газоны, которые были удивительно красивы. В нескольких шагах от дворца и в присутствии государя рабочие эти смеялись, пели; и довольство, которым они, по-видимому, пользовались, вливало в душу чувство радостного удивления при мысли о том, кто давал им счастье. Самыми замечательными сооружениями парка были — Виндзорская

башня, построенная в меньших размерах, но по точному образцу лондонской башни, среди темного леса, театр и красивая ферма, одно из любимых развлечений императора Александра, которому интересно было следить там за полевыми работами. В этой ферме, украшенной трельяжем и хорошенькой французской голубятней, можно было увидеть на скотных дворах лучший скот всей Европы — тирольские коровы, швейцарские, венгерские, голландские, холмогорские и т. д., и стадо мериносов, которое паслось в парке. Внутренность фермы была выдержана в голландском стиле: стены из изразцов голубого фаянса, стеклянные шкафы с хозяйственными принадлежностями. Мне показали великолепно переплетенную счетную книгу, в которой государь ради развлечения сам записыват доходы от своих баранов; и он очень был доволен, что сукно его мундира было выработано из их шерсти.

Эти простые занятия, приближавшие государя к природе, доставляли отдых его уму, утомленному долгой напряженной работой. Недалеко от фермы находится жилище лам. за которыми ходит человек, вывезший их из Азии. Эти животные никогда не пользуются свободой; вид у них печальный и истомленный. Самая красивая часть парка — озеро, очень большое и настолько глубокое, что по нему плаваю! большие яхты и миниатюрный корабль. По берегам его виднеются прелестные руины, сооруженные по рисункам Робера; деревья очень красиво сгруппированы и артистически подобраны по теням. В конце парка возвышается триумфальная арка, украшенная оружием, со следующей, трогательной по своей красоте, надписью на русском и французском языках: „Моим дорогим товарищам по оружию“. Меня провели сводом, походившим на пещеру Понзилиппа: это была скала, высеченная в виде свода, — игра природы, так как почва здесь везде гладкая и плоская. Во время моего посещения для государя строили по древним образцам баню; или, вернее, ее разрушали благодаря тому, что не были соблюдены размеры постройки, которая предназначалась для вмещения громадного бассейна, высеченного из одного куска гранита и настолько обширного, чтобы в нем можно было плавать во всех направлениях. Я посетила затем дворец: большой позолоченный зал, где давала аудиенции императрица Екатерина; покои императора Александра, часть которых, поистине, великолепна. Стены зала отделаны ляпис-лазурью, порфиром, янтарем и т. д.; паркет украшен инкрустациями из перламутра и драгоценного дерева и т. д.

Сообщающаяся с покоями императрицы большая открытая галерея, с которой между колоннами открывается чудный вид на

озеро, на развалины, на цветущее поле и т. д., - украшена бронзовыми бюстами, главным образом великих людей Древнего мира; при виде их вспоминаются главы Плутарха: они как бы вновь встают перед глазами на челе этих героев.

Император Александр вел в Царском Селе деревенский образ жизни; двора не было, и в отсутствие обер-гофмаршала император сам проверял отчеты в расходах по домашнему хозяйству. Он принимал в Царском Селе лишь министров в определенные дни недели. Александр вставал обыкновенно в пять часов, одевался, писал, затем отправлялся в парк; при этом он посещал свою ферму, новые постройки и давал аудиенции лицам, имевшим представить ему докладные записки. Лица эти преследовали его иногда по всему парку, который всегда был открыт и днем, и ночью. Император гулял в парке один, без всяких предосторожностей; часовые были только у замка и у Александровского дворца. Принужденный, вследствие состояния своего здоровья, вести строгий образ жизни, Александр обедал у себя один и ложился обыкновенно очень рано. Вечером, перед уходом, гвардейцы играли под его окнами, исполняя почти всегда печальные мотивы, которые я слышала из своих комнат.

Императрица Елизавета, со своей стороны, жила в полном уединении; при ней находилась только одна фрейлина, и она никого не принимала в Царском Селе. Она соблаговолила сделать для меня исключение; я имела счастье вести с государыней беседу, причем я осталась в восторге от ее изящества и ума.

Императрице Елизавете было тогда сорок пять лет от роду. Она была стройная, хорошо сложенная, среднего роста; нежный цвет ее гонкого лица пострадал от сурового климата; судя по сохранившимся остаткам красоты, можно было представить себе, как очаровательна была государыня в весеннюю пору своей жизни. Ее разговор и приемы, в которых отражалась какая-то трогательная томность, и в то же время полный чувства взгляд, грустная улыбка, захватывавший душу мягкий звук голоса, наконец — что-то ангельское во всей ее личности, — все как бы грустно говорило, что она не от мира сего, что все в этом ангельском существе принадлежит небу. Я никогда не позабуду ее благосклонного приема и приветливых слов, с которыми она ко мне обратилась по поводу известного ей достойного (как она выразилась) поведения моего в 1812 г. Она была настолько любезна, что коснулась и моих незначительных сочинений, заметив, что она с удовольствием прочла их; что она очень рада, что предметом их я избрала исторические события нации, в которой она принимает живой интерес. Я позволила себе ответить, что столь лестное мнение внушает мне гордость, от

которой мне трудно воздержаться, так как я не только никогда не льстила себя надеждой получить ее милостивое одобрение, но не надеялась, чтобы эти скромные произведения были ей известны. Ее Величество спросила меня затем, пишу ли я новое сочинение и на какой сюжет. Я изложила ей план „Политического Карлика“, над которым я только что начала работать. Государыня одобрила задуманный мной план и сказала, что сочинение мое, посвященное описанию малоизвестной эпохи, представит двойной исторический интерес — для Франции и для Польши. Императрица затем перешла к романам Вальтера Скотта, восхищающего ее своим воображением, и отозвалась о них с той тонкостью ума и суждения, которая проявлялась во всем, что она говорила. Прекрасно образованная, государыня посвящала почти все свое время французской и русской литературе. Она расспрашивала меня о моих путешествиях по Франции и Германии; я описала живописные местности Германии, в особенности берега Рейна, где среди всех природных богатств встречается столько древних памятников, римских сооружений, готических башен, развалин, сохранившихся от феодальных времен… „Воспоминания от всех времен“, — прибавила императрица своим мягким, выразительным тоном. Эти немногие слова говорили более, чем весь мой рассказ, и я выразила это своим взглядом, который государыня, кажется, поняла. Невозможно было хотя однажды видеть императрицу Елизавету и не почувствовать к ней почтительного влечения; и я, со слезами на глазах, сказала это ее фрейлине, прибавив: „Она так заслуживала быть счастливой!“'

Я не посмела сказать более этого. Моя тетушка, графиня Радзивилл, имевшая честь пользоваться милостью императрицы Елизаветы, прозвала ее „1e calme“[19]. Слово это прекрасно характеризовато государыню, которая сама так называла себя в письмах, которые она благоволила писать моей тетушке. Императрица Елизавета показывалась в парке только к вечеру, верхом; я часто видела, как она проезжала по темным аллеям, в сопровождении только своей фрейлины и конюшего; мне казалось, что она как бы окутана каким-то облаком печали. Говорили, что она избегает гулять в парке утром пешком, из опасения стеснить государя; но откуда этот страх? Как много счастливее были бы они оба, если б могли сойтись!

Казалось, они были как бы созданы друг для друга: то же изящество, кротость, ум; следовательно, было нечто, мешавшее сближению их сердец? Как печально, что только смерть соединила эти две прекрасные души!

ГЛАВА XXVIII
Императрица-мать. Августейший крестный отец. Меланхолия государя; главная ее причина. Грустные предчувствия. Отъезд Александра в Сибирь

Я имела честь быть представленной августейшей матери Александра, добродетели которой служат примером и гордостью ее семьи. В тот день, когда я была ей представлена в Павловске, ее летнем местопребывании, я последовала за Ее Величеством и за всем многочисленным и блестящим, как всегда, двором императрицы-матери в так называемый павильон роз, где был сервирован обед. Императрица очень любит цветы. После обеда государыня сошла в сад, сама нарезала роз английскими ножницами, специально для этого предназначенными, раздала их дамам и дала мне две розы, которые я сохранила как драгоценное воспоминание об этом дне и о милостивом внимании государыни. Величественный рост императрицы, ее красивое сложение и сановитость — невольно поражают и при первом взгляде внушают почтение с примесью некоторой робости; но выражение доброты, отражающееся во всех ее благородных чертах, вселяет доверие в сердца и наполняет их чувством почтительной любви к этой очаровательной государыне.

В этом году праздник в Петергофе не состоялся по случаю отъезда Ее Императорского Высочества Великой княгини Александры, собиравшейся в это самое время ехать морем в Пруссию. Тем не менее множество посетителей прибыло в Петербург и его окрестности, чтобы полюбоваться морем, которое очень красиво. Нам отвели в Петергофе помещение австрийского посланника, в Александровском дворце, в парке, где останавливались обыкновенно приглашенные на праздник иностранные министры.

Так же, как в Царском Селе, нам дали здесь дворцовую прислугу, стол, экипаж и т. д. Слуги[20], славные люди, обожавшие своего августейшего повелителя, сменялись через каждые восемь дней.

Так как остававшиеся после нас яства шли в их пользу, они закармливали нас до невозможности. Утром они нам подавали

чай, шоколад, кофе, разные сласти; за этим следовал завтрак; в три часа обед с мороженым и самыми дорогими винами; вечером чай и затем ужин, хотя бы мы совсем не были расположены есть. Кроме того, в промежутках между этими трапезами они осведомлялись, не голодны ли мы.

В Петров день императорская семья собралась во дворце. Там я впервые увидела супругу Великого князя Николая, поразившую меня своим изяществом и красотой стройной талии. Головой выше окружавших ее придворных дам, она походила на Калипсо среди ее нимф. Я имела честь быть ей представленной, так же, как супруге Великого князя Михаила, которая, в немногих обращенных словах, проявила ум столько же образованный, сколько приветливый. Императрица-мать тоже принимала в этот день; она спросила, нравится ли мне Петергоф. Красота этой местности носит величественный характер. Дворец, построенный в древнем вкусе, не отличается ни обширностью, ни красотой; но с балкона, на который выходит аудиенц-зал, открывается вид на аллеи садов, и сквозь сверкающие фонтаны, выбрасывающие свои струи выше самых высоких деревьев, виднеется море, покрытое многочисленными кораблями, отправляющимися в Кронштадт или возвращающимися оттуда. В парке показывают любимую беседку Петра Великого, где у него была маленькая кухня и все хозяйственные принадлежности в голландском роде; здесь он еще представлял собой мастера Петра Саардамского. Посетителям показывают здесь халат и ночной колпак Петра Великого и даже туфлю Екатерины, доказывающую, к слову сказать, что она всюду умела себя поставить на хорошей ноге. Против беседки — пруд; и теперь еще старые золотистые карпы, которых кормил Петр I, подплывают на звук колокольчика за хлебом, который им бросают. В Петергофе есть прекрасная писчебумажная фабрика, где выделывают веленевую бумагу крупного размера, и также завод, где отделывают сибирские драгоценные камни. — аметисты, топазы, малахиты и т. д.

Император Александр удостоил графа Ш*** частной аудиенции в Петергофе и принял его так приветливо, что граф проникся чувством восхищения и благодарности к государю. Отпуская графа Ш***, государь сказал ему: "Я принужден с вами проститься, — я провожаю мою невестку, которая уезжает сегодня в Ораниенбаум". И он спросил графа, видел ли он судно, предназначенное для путешествия Ее Императорского Высочества. Зная, что Его Величество, из внимания к великой княгине, велел отделать это судно со всевозможными удобствами и роскошью, граф Ш***, осмотревший его раньше вместе со мной во всех подробностях, лестно отозвался о нем. Государь,

боявшийся для великой княгини последствий морского путешествия, с живостью ответил: «Я сделал все, что мог, чтобы облегчить ей путешествие, но я не могу охранить ее от морской болезни». Это судно, только что отстроенное, вмещало восемьдесят пушек и восемьсот человек. Покои Ее Императорского Высочества, состоявшие из семи комнат и часовни, были меблированы и отделаны очень изящно, — зеленой шелковой материей. На мосту была устроена палатка, где собирались слушать гвардейскую музыку. Словом, были приняты все меры, чтобы способствовать приятности морского путешествия. Избранный, чтобы везти Ее Высочество, капитан, сделавший кругосветное путешествие, признался нам, что он предпочел бы дважды объехать свет, чем брать на себя поручение, без сомнения, очень почетное, но весьма ответственное.

Двор уехал из Петергофа после недельного пребывания. Императрица-мать отправилась в Елагинский дворец, государь — в Петербург. Я получила записку от Его Величества, который соблаговолил написать мне, чтобы условиться относительно дня крестин. Церемония назначена была на воскресенье, 22 августа старого стиля.

Александр приехал в два часа пополудни. Он приласкал своего счастливого крестника, несколько раз поцеловал его и сказал мне во время крестин: «Не беспокойтесь за меня, я в этом деле не новичок». Крестины продолжились дольше обыкновенного, так как аббат Локман (настоятель церкви Мальтийского ордена) счел нужным произносить молитвы по-латыни и по-французски; он закончил церемонию красноречивым воззванием к крестному отцу и к родителям, убеждая их воспитывать ребенка в тех религиозных взглядах, которые помогут ему сохранить дары, полученные им при крещении. Государь, улыбаясь, смотрел на меня в критические для ребенка минуты. Впрочем, сын мой очень хорошо выдержал испытание соли и воды, ибо внимание его было отвлечено богатым костюмом аббата и диакона, украшениями алтаря, зажженными среди белого дня свечами.

После погружения в воду государь сам вытер длинные вьющиеся кудри неофита и в нескольких приветливых словах поблагодарил аббата Локмана. Заметив, что граф Ш** удалился сейчас же после церемонии, Александр тотчас пошел за ним, милостиво говоря, что это ни на что не похоже, что граф Ш*** не остался у себя, и, заставив его вернуться в гостиную, потребовал, чтобы он сел в его присутствии.

Разговор вскоре коснулся политики. Государь неодобрительно отозвался о перемене министерства во Франции,

в значительной степени приписывая его влиянию известной дамы. Выразив свое сожаление по поводу отставки Шатобриана, государь сделал несколько метких замечаний относительно мелочных финансовых взглядов (он так выразился) одного французского министра и г-на Каннинга, которому он тоже не придавал значения[21]. Государь милостиво преддожил нам вернуться в наше помещение в Царском Селе до его отъезда в Сибирь. «Быть может, — прибавил государь, — я могу надеяться, что вы останетесь здесь до моего возвращения и проведете зиму в Петербурге?» Выразив нашу глубокую признательность за столь любезное приглашение, мы принуждены были ответить, что дела графа Ш*** и в особенности его служебный долг требовали возвращения его во Францию. Государь коснулся болезни Людовика XVIII. - болезни настолько серьезной, что опасались за его жизнь «Я, однако, надеюсь, — прибавил Александр, — что воцарение нового короля во всяком случае не вызовет смут во Франции; брат короля любим в стране, и он сумеет проявить должную твердость». Я показала государю присланное мне матерью кольцо, с выгравированным на бирюзе изображением Александра, и прибавила, что она не могла бы придумать для меня более приятного подарка. Государь нашел портрет похожим и сказал, что он очень благодарен моей матери, так как кольцо это сохранит его в моем воспоминании; и он поручил мне передать ей свой привет.

Когда государь сел в коляску, толпа народа огласила улицу радостными криками «Ура!», вызванными, как всегда, присутствием возлюбленного монарха. Государь через два месяца должен был предпринять путешествие в семь тысяч верст для осмотра в Сибири Уральских гор, где недавно были открыты очень богатые золотые прииски. Государь не был знаком с этой частью империи и предполагал посетить все местности своего государства, дабы лично составить себе понятие о благосостоянии своих подданных, о средствах поощрения национальной промышленности, содействия торговле посредством проведения новых дорог, каналов и т. д. Все стремления этого великого государя, все его труды, ночные бдения клонились к одной лишь цели — к счастью пятидесяти миллионов людей.

Накануне отъезда государя я сошла рано утром в парк, чтобы посмотреть на его виды с «башни рыцарей». Вскоре я увидела подходившего с другой стороны государя, который взошел на платформу башни. Я поспешила взять свой портфель и удалиться; но государь последовал за мной в рощу, говоря, что я так скоро бегу, что он едва может догнать меня. Я извинилась, высказав опасение, что обеспокоила Его Величество. Государь сказал мне,

чтобы я отгадала, в котором часу он встал. «В четыре часа», — отвечала я. «Нет, в половине четвертого», — возразил Александр. «Я завален работой, — продолжал он. — В эту пору я каждый год предпринимаю путешествие по империи, — и что же! каждый год все спешат покончить все свои дела со мной, как будто мне уже не предстоит вернуться». Какое знаменательное слово! Это было предчувствие. Через год, в ту же пору, Александр предпринял новое путешествие… Из него он уже не вернулся!

Я спросила государя, зная, что рана на ноге его еще открыта, — не пострадает ли его здоровье от такого длинного путешествия. «Нет, — сказал он, — настоящая пора очень благоприятна для путешествия в тех местностях, где сейчас нет дождей, а бывают легкие морозы». Затем государь сказал мне, что моя просьба относительно займа удовлетворена; в то же время он высказал сожаление, что не может исполнить другую мою просьбу. Старший сын графа Ш***, служивший в России с ранней юности, вернее — с детства, очень желал получить место адъютанта при Его Величестве и просил меня походатайствовать за него. Мне очень хотелось устроить это дело, и не зная, насколько оно трудно, я употребила все средства, чтобы достигнуть желанной цели. «Я принужден, — сказал государь, — ответить вам откровенно, как лицу, которое я люблю и уважаю. Я не могу дать молодому человеку, который до сих пор не был на действительной службе, место, считающееся наградой за многолетнюю службу». Я напомнила об одиннадцати годах службы моего пасынка. «Одиннадцать лет, — возразил Александр, — много ли это в сравнении со службой стольких заслуженных офицеров в Польше, полковников, считающих лет двадцать службы, и какой службы? вечно на войне, в ранах и т. д. Все они стремятся получить это место; потому я по справедливости не могу дать его этому молодому человеку. Поставьте себя на мое место; нанести им такую обиду…»

Я умоляла Его Величество стать на мгновение на мое место и простить меня, если я обратилась к нему с неуместной просьбой. Никакая ваша просьба, — сказал он, — не может быть неуместной по отношению ко мне. И он удалился, сказав, что он навестит меня в час пополудни. Войдя ко мне, государь вторично извинился, что отказал мне в моей просьбе. Я воспользовалась этим, чтобы попросить его вспомнить при другом случае о молодом человеке, за усердие которого на службе Его Величества я ручаюсь. По этому поводу государь обратился ко мне с несколькими вопросами, доказывавшими его искреннее участие. Затем Александр соблаговолил одобрительно отозваться о моих сочинениях; и мне очень хотелось ответить ему, что я слишком

высокого понятия о его времяпрепровождении, чтобы поверить, что он тратит время на чтение таких пустяков.

Я рассказала государю про маленькую литературную войну, которая из-за него случилась у меня по поводу сочинения, озаглавленного «Воспоминание французского пленника». Эта подробность, кажется, позабавила его.

Когда Александр говорил о своих путешествиях, я сказала ему, что потребуется более года, чтобы объехать его государство через Камчатку; и что намедни граф Ш*** и я строили фантастические планы завоевания Его Величеством Китая, ради округления империи. По правде сказать, я заговорила об этом слишком издалека, — чтобы коснуться бедной Греции, о которой уже все позабыли.

«О, моя империя и так чересчур кругла, — ответил государь, — и ваша мысль очень неполитична. Россия и так слишком обширна: большие расстояния между губерниями замедляют сообщение. Условия эти тормозят укрепление общего порядка, который сильно от них страдает». Государь заговорил затем о революции, только что разразившейся в Португалии. Я позволила себе заметить, что движение это нельзя не приписать английской политике. Государь ничего не ответил, но сделал утвердительный знак головой. Во время разговора сын мой, находившийся в галерее, каждую минуту приотворял дверь гостиной и убегал, как только я звала его. Государь уверял, что малыш с нетерпением ждет его ухода, чтобы одному пользоваться обществом своей мамы. Я пошла за ним и поставила его на стол около Его Величества, который поцеловал его и убеждал меня дать ему развиваться на свободе, не прибегая к каким-либо принуждениям. Бедный государь! Как он любил детей и как он был бы счастлив, если б его собственные дети остались в живых[22]. Я не преминула с благодарностью упомянуть о милостивом отношении ко мне Их Императорских Величеств и сказала, что я вижу в этом новое доказательство благосклонной снисходительности ко мне Его Величества. «Вы всем обязаны лишь самой себе, — отвечал государь, — императрицы, прежде чем видеть вас, уже знали вас с самой хорошей стороны».

У меня на столе стоял огромный ананас, присланный мне государем, который ежедневно посылал знакомым дамам в Царском Селе корзинки со всякого рода фруктами, — с персиками, абрикосами, мускатным виноградом и т. д. Говоря о красоте теплиц Ее Императорского Величества и особенной любви к цветам императрицы-матери, я прибавила, что Ее Величество воспитывает юные растения гораздо более интересные, чем прекраснейшие цветы в ее садах.

Александр понял мою мысль и ответил, что основанные императрицей воспитательные заведения для девиц имели громадное влияние на исправление нравов и принесли огромную пользу всем классам петербургского общества. Государь обожал свою августейшую мать; впрочем, он питал самую нежную и деятельную любовь ко всем членам императорской семьи, в особенности к своим братьям, и старался предупреждать все их желания; в свою очередь, императорская семья обожала его.

Государь расстался со мной, отправляясь обедать в Павловск, к императрице-матери. Прощаясь со мной, он сказал: «Теперь вы возвращаетесь во Францию; когда же мы можем надеяться вновь увидеть вас? Вы теперь убедились, что путешествие в Петербург — это пустяки». Зная, что Его Величество предполагает быть в будущем году в Варшаве, я ответила, что употреблю все старания, чтобы приехать в это же время в Варшаву и иметь счастье приветствовать Его Величество. Он, по-видимому, остался доволен ответом. Государь — особенно в то время — не любил расставаться с людьми, к которым он относился благосклонно, — с мыслью, что он уже больше не увидит их. Это имело связь со словами, которые он сказал мне за несколько дней перед тем: «Когда я уезжаю, все думают, что я уже больше не вернусь». Я хотела поцеловать у него руку в ту минуту, как он удостоил протянуть мне ее, но он поспешно отдернул руку, говоря, что мы — такие старые друзья, что можем поцеловаться.

Я проводила государя до галереи, выражая ему пожелания счастья, о котором я постоянно молилась. При слове «счастье» Александр сделал движение, как будто он в него уже не верил; печальное выражение его болезненно поразило мое сердце и никогда не изгладится из моего воспоминания… Он удалился… и мне уже не суждено было еще раз увидеть его!

Нет сомнения, — и многие это подтвердили, что у Александра задолго до смерти были роковые предчувствия[23]. В то время граф Ш*** и я приписали проскользнувшее у него выражение грусти горю, которое Его Величество только что испытал, горю, которое его великая душа старалась превозмочь, т. е. скрыть наружные его проявления, но которое тем не менее тяжко легло на его сердце: он только что потерял свою дочь, — дочь, не признанную им, которая носила имя своей матери… Эту привлекательную молодую особу семнадцати лет привезли в чахотке из Парижа в Петербург, — наперекор мнению докторов и по совету нескольких шарлатанов-магнетизеров, предсказавших ей долгую жизнь, здоровье и замужество. Уже умирающая, она была обручена с графом С***, который магнетизировал ее согласно указаниям парижских ясновидящих. Когда прибыло

заказанное в Париже великолепное приданое (стоившее 400 000 франков), юной невесты уже не было в живых.

Похоронные принадлежности, надгробный венок — заменили блестящие туалеты и венец, предназначенные для брачного торжества… Государь узнал об этом печальном событии во время парада. Он сразу страшно побледнел; однако он имел мужество не прерывать занятий и только обмолвился знаменательной фразой: «Я наказан за все мои прегрешения».

Кто же утешал Александра в этом горе? Утешителем его явился ангел — Елизавета!.. Удрученная потерей собственных детей, она полюбила эту молодую девушку; и когда, гуляя, императрица случайно встречала ее еще ребенком, она прижимала ее к своей груди и в детских чертах ее печально старалась отыскать сходство с тем, кого она обожала. По возвращении государя из поездки в военные поселения одна знакомая ему дама спросила, хорошо ли Его Величество чувствует себя после этого путешествия. «Да, — отвечал государь, — телом я здоров; но что касается духовного моего состояния, я все страдаю, и горе мое тем сильнее, что я не могу проявлять его». При этих словах глаза его наполнились слезами, которые он поспешил отереть. Государь часто один отправлялся на могилу дочери. Он воздвиг ей памятник в церкви Св. Сергия, в Петербурге.

Накануне отъезда Его Величества генерал Уваров принес мне от имени своего августейшего повелителя великолепную бриллиантовую брошь. Я сказала, что государь, без сомнения, забыл, что он уже сделал мне подарок по случаю крестин, поэтому я не считаю возможным принять этот дар. Но генерал уведомил меня, что мой отказ вызовет неудовольствие государя. Я не посмела больше настаивать. В этот день перед моим отъездом из Царского Села императрица Елизавета дала мне прощальную аудиенцию. Государыня приняла меня с обычной своей мягкой приветливостью; она так умела соединять в беседе достоинство царицы с обаянием умной женщины! Говоря со мной, она коснулась путешествия государя, и голос ее принял, как мне показалось, еще более мягкую интонацию, когда она говорила: «Надеюсь, что это путешествие принесет пользу государю». — Свидание это было короче предшествовавшего, так как императрица принимала также в этот день министров и свиту Александра. «Надеюсь, — сказала государыня, — что ваши дела или семейные отношения побудят вас вскоре возвратиться в наши края». Затем, по своей чрезвычайной доброте, она соблаговолила выразить сожаление, что я уезжаю. Когда Елизавета встала, я умоляла ее прогнать меня, так как сама я была не в силах

оставить ее, я сказала, что почтительная привязанность, которую я испытываю к ней, перешла ко мне по наследству от моей тетушки, княгини Радзивилл, и что я сохраню ее во всю мою жизнь. Елизавета выразила мне сожаление по поводу кончины тетушки. «Она была такая добрая, — сказала она, — такая милая!» Государыня ни разу не дозволила мне поцеловать у нее руку, хотя я говорила, что мной руководит столько же привязанность к ней, как и уважение, и она повелела мне поцеловать ее. Я уже не надеялась еще раз увидеть это ангельское существо, когда на следующий день, через час после отъезда государя, оставившего Царское Село в шесть часов утра, мы увидели, гуляя с графом Ш*** по большой аллее, даму, легко одетую, несмотря на свежую погоду, изящную и покрытую вуалью. Она шла с дамой, которую я тоже не узнала. Граф Ш*** сказал мне: «Это императрица Елизавета!» — «О нет! — возразила я, — вы знаете, что она в этот час никогда не гуляет, особенно пешком». Я едва договорила эти слова, как дама направилась к нам, и когда она подняла вуаль, я узнала государыню. Она соблаговолила вновь обратиться к нам с милостивыми словами и сказала графу Ш***, что она очень рада случаю проститься с ним; при этом государыня выразила сожаление, что мы не можем продолжить наше пребывание в Царском Селе. Говоря об отъезде государя, она сказала: «Сегодня погода более сносная, но вчерашний день был ужасен». (В тот день дождь шел беспрерывно). Уверяли, что императрица Елизавета уже не любила Александра, но я убеждена в обратном. Несколько вырвавшихся у нее слов, ее голос, звучавший особенно нежно, когда она говорила о нем, — все доказывало мне, что я не ошибаюсь. Притом, было так много чувства в столь простых словах ее: «Вчерашний день был ужасен…» Елизавета думала о следующем дне! Наконец, смерть Елизаветы доказала, что она никогда не переставала любить Александра, так как она не могла пережить его, и что все ее надежды, так же, как и единственное желание, заключались в том, чтобы соединиться с ангелом, которого она оплакивала.

ГЛАВА XXIX
Некоторые новые подробности об императрице-матери: ее любовь к литературе и искусствам; ее учреждения

Печальна была последняя моя прогулка в парке Царского Села. Хотя было довольно тепло, небо было облачное. Эти прекрасные места, которые я уже не надеялась более увидеть, казалось, приняли унылый, печальный и пустынный вид со времени отъезда своего очаровательного волшебника; и всегда печальное приближение осени являлось как бы трауром по случаю его отсутствия. Подымая упавший на землю осенний лист, я вспомнила стихи Делилля:

> «De moment en moment la feuille sur la terre
> Interrompt en tombant le reveur solitaire»[24].

Я навсегда сохранила этот лист в моей записной книжке. В эту минуту я перебирала в уме, с чувством глубокой благодарности, многочисленные проявления участия и благожелательности, которыми император Александр почтил меня за те двенадцать лет, что я имела счастье знать его; чувства столь дружеские, которые, как он сам говорил, не изменило ни время, ни отсутствие; чувства столь редкие даже в среде равных и родных. Этот великий государь, ничем мне не обязанный, для которого я была ничто, между тем осчастливил меня своей августейшей дружбой. Призывая на него все небесные благословения, я с грустью говорила себе: «Этот ангел, так умеющий сочувствовать горю ближнего (ибо не было в Петербурге семьи в горе, где бы он не появился со словами мира, утешения, сострадания и т. д.), — этот ангел, составляющий счастье всех окружающих, сам не наслаждается счастьем. Он был отцом и потерял свою дочь, и не смеет оплакивать ее! оплакивать дочь, единственное утешение в старости, теперь еще весьма отдаленной, но которая когда-нибудь застигнет его в одиночестве, без отрадных родственных связей». В то время я не предчувствовала, что дни его сочтены и что роковой конец так близок; но я была невольно взволнована его грустным видом при

нашем последнем прощании, и впечатление это не покидало меня.

Когда, в день моего отъезда из Царского Села, я обратилась к императрице-матери с просьбой о прощальной аудиенции, государыня пригласила нас с графом Ш*** к своему столу в Павловске. Прежде чем отправиться к Ее Величеству, я зашла к почтенной добрейшей княгине Ливен, воспитавшей всю императорскую семью, которую она обожала и о которой мы с ней беседовали все время, пока были вместе. Я смею утверждать, что в эту минуту сердца наши бились в унисон. Я последовала за княгиней в гостиную и вскоре в кругу, где я сидела, государыня соблаговолила обратиться ко мне с любезным упреком, говоря, что это очень нехорошо, что я так скоро уезжаю. За обедом государыня жаловалась на плохую погоду в этом году и прибавила: «А что думает о нашем климате графиня Шуазель?» Если б я сидела ближе к государыне, я бы позволила себе заметить, что при виде обилия украшавших стол чудных фруктов трудно поверить, что не находишься в самом прекрасном климате мира. Выходя из-за стола, Ее Величество подозвала к себе графа Ш*** и меня, чтобы полюбоваться в большое окно из цельного стекла прелестным видом в парк и водопадом на искусственных скалах, украшенных развалинами. Падающая с высоты этих скал вода теряется в прозрачном озере, окруженном группами деревьев, среди которых открываются виды на церковь, деревни и т. д. Императрица сказала графу Ш***: «Ваш отец очень любил эту гостиную и этот вид; он часто бывал здесь при Его Величестве покойном императоре Павле». Она повторила эти последние слова проникновенным тоном. Эта достойная государыня сохранила благочестивую и нежную память о своем несчастном августейшем супруге.

Каждый год, в день его смерти, она запирается в склепе, где хранятся останки Павла I, чтобы помолиться и вознести к Богу свои слезы. — Затем государыня взяла под руку княгиню Ливен и в сопровождении всей свиты прошла в библиотеку, находившуюся в прелестной, недавно сооруженной галерее, прекрасно освещенной и снабженной стеклянными шкафами, в которых заключались великолепнейшие издания. Длинный стол из красного дерева был уставлен картонами, ящиками, рисунками. Под окнами, в столах со стеклянными витринами, я заметила коллекцию гравированных камней и, зная, что Ее Величество обладает столь редким для ее пола талантом прекрасно гравировать на камне, я хотела спросить (но я на это не решилась), нет ли среди древних шедевров также и современных произведений…

Государыня сказала, что ей очень приятно показать нам свою библиотеку, только что приведенную в порядок; она милостиво прибавила по адресу графа Ш***, что он найдет в этой библиотеке сочинение своего отца «Живописное путешествие по Греции»; затем, внезапно обратившись ко мне, и к великому моему смущению, государыня сказала, что в библиотеке имеются мои два романа, что она ожидает третьего, который, как ей говорили, уже начат… Как я ни протестовала, государыня на этом настаивала, смеясь со мной по поводу особой чести, оказываемой моим скромным писаниям. Затем Ее Величество пригласила нас полюбоваться чудными коллекциями всевозможных великолепных гравюр, вюртембергских литографий, таких прекрасных и хорошо исполненных, что мне пришлось согласиться с государыней и признать их преимущество над парижскими литографиями. Она показала нам также английские гравюры, раскрашенные с совершенством, приближающим их к миниатюрам. Удаляясь в свои покои и принимая наши почтительные прощальные приветствия, государыня милостиво сказала нам, что она желает, чтобы мы сохранили приятное воспоминание о Павловске. Столь отрадные минуты, проведенные там в ее августейшем присутствии, никогда не изгладятся из моей памяти, ибо воспоминание о них сохраняется в моем сердце. Я осмелилась умолять Ее Величество дозволить мне осмотреть перед отъездом благотворительные учреждения Петербурга. Она соблаговолила дать свое согласие и обещала сделать распоряжение, чтобы меня приняли в Екатерининском институте и в Смольном монастыре. Распорядок дня государыни весьма замечателен: кроме времени, посвящаемого ею искусствам, она постоянно руководит благотворительными учреждениями и следит за всем, что их касается. Когда заболела баронесса Адлерберг, очень почтенная особа, начальница Смольного монастыря, пользующаяся доверием Ее Величества, государыня тотчас отправилась в Смольный, чтобы заменить ее. — Прежде всего я посетила Екатерининский институт для благородных девиц. Молодые особы, в изящном, но простом костюме, одни в коричневых, другие в зеленых платьях, с прекрасными манерами, изящно кланяющиеся, — все находились в классах (учителя и учительницы были все на своих местах); их по очереди спрашивали по истории, географии, по начальной физике, риторике, философии и т. д. Мне очень забавно было слушать, как маленькая десятилетняя барышня рассказывала об Аристотеле. Мне очень понравился метод преподавания для развития памяти этих молодых особ. Все экзамены прошли прекрасно. На полезные для женщин занятия обращается там

столько же внимания, как на искусства и учение: мне показапи прекрасные ручные вышивки Дортуары и рекреационные залы — все там блистало чистотой или сверкало белизной. Я присутствовала на обеде воспитанниц всех классов, которому предшествовала молитва; последняя, спетая столь юными и столь чистыми голосами, воздававшими благодарения Богу за его благодеяния, показалась мне так же трогательной, как и гармоничной. Смольный монастырь гораздо обширнее Екатерининского института: число находящихся там в то время воспитанниц, дворянок и мещанок вместе, простиралось до четырехсот шестидесяти. Баронесса Адлерберг, несмотря на свое недомогание, любезно приняла меня и поручила помощнице начальницы показать мне учреждение. Я приехала слишком поздно, чтобы присутствовать на экзаменах; но мне предложили осмотреть классы. Форма здесь такая же, как и в Екатерининском институте. Меня провели коридором, который служит для прогулок зимой; в нем тысяча шагов в длину, и он натерт воском. Здания красивы и хорошо содержатся; отсюда можно любоваться чудным видом на Неву и на Таврический дворец. В то время, как я осматривала дортуары и рекреационные залы, воспитанницы всех классов перешли в столовую: я, поистине, была поражена зрелищем, которое представили мне эти четыреста молодых особ, одинаково одетых, большинство хорошенькие, стоявшие кругом столов, расположенных в форме подковы, вдоль громадного сводчатого зала… После молитвы все сели за стол; у каждого класса свой стол, во главе которого своя наставница. Мне предложили отведать обед, состоявший из очень питательного супа, пирожков, говядины и блюда из овощей. По мере того, как я проходила вдоль столов, воспитанницы вежливо вставали; я просила начальницу сказать, чтобы они не беспокоились, но когда я уходила, они все вместе встали, чтобы поклониться мне. Я зашла к г-же Адлерберг выразить ей мое восхищение; она обещала повергнуть к стопам Ее Величества мои почтительные приветствия. Все эти молодые особы обожают императрицу, как ангела-хранителя. Прибытие ее является всегда праздником для монастыря; они бросаются навстречу государыне, окружают ее, как дети, вновь встречающиеся с любимой матерью; и она. на самом деле, мать для них, ибо она занимается всем, что может обеспечить им счастье в этом мире и в будущем. Я очень сожалела, что не успела посетить другое учреждение, созданное императрицей-матерью для бедных солдатских дочерей. Их обучают чтению, письму, счету, всем работам, свойственным их полу, и когда обучение их закончено, им помогают выйти замуж или найти место. Госпиталь для инвалидов явился бы

учреждением, достойным как величия и щедрости русского государя, так и военной славы столь могущественной империи; к несчастью, еще не собраны средства, необходимые для подобного учреждения.

ГЛАВА XXX
Картина наводнения в Петербурге. Отзывчивость Александра. Путешествие государя в Таганрог. Его кончина. Заключение

Прошло два месяца с тех пор, как я уехала из Петербурга. Александр прибыл в столицу довольный путешествием, счастливый вернуться в столь дорогую ему семью, к которой присоединились его две августейшие сестры. В это-то время разразились ужасные бедствия петербургского наводнения. Под напором морских волн и бурного ветра Нева вышла из берегов с такой стремительностью, что в одно мгновение часть города была затоплена; при этом нельзя было ни остановить, ни предупредить разлития реки; при шуме бури и волн нельзя было даже слышать сигнальных выстрелов, которые давали в крепости для предупреждения жителей города об опасности. Все были застигнуты врасплох среди своих занятий неприятелем, которому ничто не могло противостоять. Рабочий за своим делом, купец в своей лавке, часовой на своем посту, множество лиц, ездивших утром в экипажах по своим делам, — все стали жертвой наводнения. Нижние этажи были затоплены, и в несколько часов вода поднялась в некоторых кварталах на семнадцать футов. Квартал, где находился дворец, благодаря близости реки подвергался наибольшей опасности, и императорская яхта стояла наготове, чтобы принять государя, который, удалившись со своей августейшей семьей в верхний этаж дворца, принужден был созерцать бедствия народа, тогда как он готов был спасать его ценой собственной жизни. Лодки с гребцами проезжали по затопленным улицам и спасали несчастных, которые тонули, стараясь добраться до своих жилищ. Одного часового отнесло течением с его будкой до Зимнего дворца; увидев своего государя у окна, бедный солдат, который даже перед лицом смерти не мог забыть военную дисциплину, взял на караул… его удалось спасти… Надгробный крест, снесенный потоком с кладбища по ту сторону реки, остановился напротив дворца, что было сочтено за роковое предзнаменование. Как только река вновь вступила в берега, государь тотчас сам посетил местности, наиболее пострадавшие от наводнения. Он затем тотчас пришел на помощь наиболее пострадавшим жителям, положение которых в эти

первые минуты было ужасное, так как соль продавалась до двадцати пяти франков за фунт. Мудрые меры государя, чувствительность которого не ограничилась слезами, вызванными зрелищем этих бедствий, вскоре восстановили порядок и спокойствие и изгладили самые следы этого страшного, непредвиденного несчастья.

Возвратившись в том же году во Францию, перед достопамятной коронацией Его Величества Карла X, я получила письма от матери, сообщавшей о чести, выпавшей на долю Варшавы, осчастливленной в то время присутствием своего возлюбленного монарха. Александр соблаговолил посетить мою мать, которая поблагодарила его за все щедрые милости его ко мне во время моего пребывания в Петербурге. Государь осведомился, не повредил ли моему здоровью петербургский климат. Он говорил с ней также о своем крестнике; сказал, что ребенок хорошенький и отлично вел себя во время крестин; при этом моя мать воспользовалась случаем, чтобы показать Его Величеству одно из моих писем, где я приводила весьма удачное выражение моего сына. Кто-то сказан ему, когда он возвратился во Францию: «Не, правда ли, как красив ваш крестный отец?» Причем ребенок тотчас добавил: «И как добр!» — Государь возразил на это, что он слишком стар, чтоб быть красивым, и что слово ребенка более правильно. Говоря с моей матерью о княгине Ловиц, государь сказал: «Это ангел; у нее редкий характер; мой брат очень счастлив». В день рождения Его Императорского Высочества Великого князя Константина император пожаловал княгине орден Екатерины; он сам надел на нее орден и просил княгиню предстать с этим украшением перед августейшим своим супругом. В день именин княгини он подарил ей великолепное жемчужное ожерелье. Казалось, здоровье государя в его последнюю поездку в Варшаву, т. е. в июне 1825 г., было столь же цветущее, как в лучшие его годы; а через пять месяцев его уже не стало! Никогда еще не бывал он столь милостив к полякам: своей добротой по отношению к ним он как бы хотел превзойти самого себя. Он был доволен всеми окружающими, всем, что он видел; сделанными в городе усовершенствованиями, предприятиями администрации; он удивлялся, что при таких небольших затратах было устроено несколько фабрик, мостовая и т. д. Он хвалил, благодарил, раздавал вспомоществования, милости, вникал во все нужды… Сколько скорби и сожалений должен был он вызвать по себе благодаря своей несравненной доброте!..

Проезжая через Литву, император Александр остановился в Товиани, где он осыпал знаками своего благоволения княгиню Р*** и ее мужа, унаследовавших это имение после смерти их

тетушки, — утрата, которая, по-видимому, произвела впечатление на Александра. Он соблаговолил также вспомнить обо мне в Товиани.

Здоровье императрицы Елизаветы, за последнее время сильно пошатнувшееся, явилось мотивом рокового путешествия в Таганрог. Трудно понять, каким образом и почему доктора сочли полезным для грудной болезни климат этого города, расположенного на берегу моря и зимой подверженного очень холодным ветрам?

Удвоив свою заботливость по отношению к жизни, которая, казалось, стала ему дороже с тех пор, как ей грозила смертельная опасность, государь пожелал сопровождать свою августейшую супругу в Таганрог.

Там-то, на окраине их империи, ждала их неумолимая смерть, дабы одновременно поразить эти две августейшие жертвы!

Успокоившись, благодаря временному улучшению здоровья государыни, постоянно движимый своим добрым сердцем, стремившимся лишь к счастью подданных, Александр предпринял это роковое путешествие…

Под влиянием глубокой меланхолии государь часто поговаривал о том, чтобы удалиться в Таганрог, который нравился ему по своему местоположению. Он не хотел следовать предписаниям своего английского доктора Вилье и лишь жаловался на страшное нервное расстройство. Увы! Он поражен был в сердце; он умирал, чтобы не наказывать неблагодарных, мятежных подданных, ужасные замыслы которых были ему известны. В то время, как все вокруг него верило в мнимое спокойствие, не подозревая об опасности, грозившей России и ее государю, — он, этот ангел, изнемогая под тягостью страшной тайны, — в разгар болезни и р припадке горя, проронил лишь следующие слова: «О чудовища, неблагодарные, — я хотел лишь их счастья!» Слова эти явились как бы проблеском света. Пересмотрели бумаги государя и открыли в них сведения о преступном заговоре… Было уже слишком поздно, удар достиг своей цели, и вероломство заговорщиков, их черная неблагодарность сослужили им, быть может, лучшую службу, чем отцеубийственный кинжал!.. Одна лишь злоба убийц не нашла удовлетворения!.. Его не стало!.. Слава, могущество, красота, изящество, приветливость, ангельская доброта — все было разрушено, поглощено беспощадной смертью!.. Александр расстался с жизнью без сожалений: мог ли он еще любить ее! Он исполнил религиозный долг с покорностью, внушенной истинным благочестием и чистой совестью. Его последние слова, когда он

пожелал еще раз бросить взгляд на небо, которое, казалось, уже раскрывалось, чтобы принять его, — выражают также безмятежность последних его минут. «Какой прекрасный день!» — сказал государь, когда подняли шторы на окнах его спальни. Да, без сомнения, то был прекрасный день, он дал ему беспредельное счастье, бессмертную славу. Но то был ужасный день для тех, кому предстояло пережить его, для несчастной Елизаветы, которая, приняв последний вздох, последний взгляд своего супруга, мечтала лишь об одном — последовать за ним в могилу, чтобы встретиться с ним на небесах! «Наш ангел на небе, — писала она, — а я еще прозябаю на земле; но я надеюсь вскоре соединиться с ним…»

Какая ужасная весть для матери, для августейшей государыни, — лишь благочестивая и сильная душа ее могла перенести такую потерю, такое горе! Успокоенная относительно драгоценной жизни Александра первым письмом императрицы Елизаветы, несчастная мать, преисполнившись надежды и радости, бросилась к алтарям, чтобы воздать благодарение Всевышнему, который, казалось, внял, наконец, мольбам пятидесяти миллионов людей, моливших Его о возвращении им их государя, их отца. Весь Петербург, опьяненный радостью по случаю прибытия курьера с добрыми вестями и запечатлев на память каждое слово трогательного послания своей возлюбленной государыни, толпами направился в церкви… Не кончился еще молебен, как Великий князь Николай получил последнюю роковую весть. Он вернулся в собор, где все были поражены изменившимся его лицом, на которое горе наложило свою печать. Не имея духа нанести столь ужасный удар сердцу матери, он решил, что одна религия будет в состоянии смягчить его. Митрополит направился к государыне, держа в дрожащих руках крест, накрытый черным крепом. При виде медленно и торжественно выступавшего священнослужителя, с вечным символом страдания в руках, несчастная мать поняла постигшее ее горе и, подобно Богоматери, упала без чувств у подножия распятия, знаменовавшего ей собственную ее утрату… Какая горестная картина и какой сюжет для великого художника! Внутренность великолепного Казанского собора, сверкающего золотом и огнями; облаченный в богатые ризы священнослужитель, отражающий во всех своих чертах безмолвное невыразимое горе; величественная государыня — столь нежная мать, проявляющая на своем лице внезапный переход от радости к горю; Великий князь Николай, удрученный собственным горем, и в то же время тревогой за любимую мать; группы присутствующих, отражающих на своих лицах сомнение,

надежду и страх; таинственный свет алтаря, рядом с мрачным блеском свечей и лампад; ладан, еще курящийся у подножия алтаря; богослужение, переходящее от радостного молебна к печальной панихиде, — какой сюжет для нового Рафаэля! Какой материал для нового шедевра!

Европа одновременно узнала о болезни и смерти великодушного государя, возвратившего ей мир и спокойствие. Его оплакивали по всей Европе. Народы с горестью узнали, что друга, освободителя наций уже не стало. При дворах все облеклись в траур. Австрийский император, узнав о смерти Александра, своего верного союзника, воскликнул в порыве чувствительности, делавшей честь как ему, так и тому, кого он оплакивал: «Я потерял лучшего своего друга!» — Трогательное и красноречивое слово в устах государя[25]. В Париже при русском посольстве в это время готовились праздновать день рождения государя, которому отныне принадлежали лишь посмертные почести. Я не стану описывать своих чувств при получении этой скорбной вести: одна религия может успокоить и смягчить подобные горести. Я узнала о роковом событии неожиданно из письма, присланного мне из Парижа в деревню, где я находилась. Как только я мельком пробежала его, у меня вырвался горестный крик; граф Ш***, очень удивленный, спросил, что со мной; я с рыданиями сообщила ему весть, восклицая, что этого быть не может. Граф Ш*** бросился к газете, которую он еще не открывал, и вернулся со слезами на глазах: мы не могли более сомневаться в нашем несчастье. Даже мой сын почувствовал его. Граф Ш***, положив руку на его голову, сказал в присутствии нескольких лиц: «Бедное дитя, он еще не знает все, что он потерял». Мой Александр, печально подняв головку, сказал: «Я потерял своего крестного отца!»

Каждый день получались подтверждения горестной вести, притом со зловещими подробностями, наполнявшими душу негодованием и возмущением. Общепринятое мнение, что эта прекрасная жизнь прервалась лишь десницей Провидения, — впервые влило утешение в мое сердце. Тем не менее, хотя вокруг меня постоянно раздавались роковые слова: «Император Александр умер в Таганроге»; хотя я много раз видела эти слова на письме, и они неотступно преследовали мое воображение и днем и ночью: несмотря на все это, мое сердце, мое воображение, — все во мне отказывалось поверить очевидности; и я постоянно видела Александра перед собой таким, как я узрела его в последний раз, во всей его привлекательности и изумительной доброте. Вместо того, чтобы отбрасывать от себя столь печальные подробности, встречавшиеся в газетах, я жадно

их искала; я черпала утешения в этом всемирном трауре, в раздирательных и так прекрасно выраженных сожалениях, находивших отклик в моем сердце. Мне отрадно было видеть, что печать моя разделяется даже обитателями той Шампаньи, в которую Александр вступил победителем. Вплоть до бедного виноградаря в окрестностях Эперней или Вертю, никого не было, кто бы не воскликнул, узнав о смерти Александра:,Ах! какое несчастье, он спас Францию! Крестьянка сказала мне однажды: «Увы! он был столь же добр, как и красив!» — Как красноречивы были эти непроизвольные сожаления, не вызванные ни принудительными внушениями, ни подкупом! Снискал ли какой-либо другой государь более прекрасную надгробную хвалу![26] Россия и Польша огласились долгими стенаниями и облеклись в траур. Горе тем, кто не нес его в своем сердце! Вечный позор тем, кто посмел изменить данной Александру присяге! Но отбросим эти мрачные мысли и взглянем лучше на тех, кто, унаследовав добродетели и власть Александра, представили собой единственный в мире пример. Мир видал братьев, с оружием в руках оспаривавших друг у друга кровавое наследие отца; но в благородной борьбе между Константином и Николаем проявилось лишь бескорыстие, высота души, великодушие. Эти два великодушных великих князя, еще удрученные горем, уступали друг другу великую империю. Известно, что княгиня Ловиц, считая себя препятствием для исполнения ее августейшим супругом высокого своего призвания, — бросилась к ногам Константина, умоляя его забыть о ее существовании и выполнить свое назначение, приняв принадлежавшую ему по праву рождения корону. Но Константин в своем решении руководился своей любовью к ней и словом, данным почитаемому и любимому брату.

Несмотря на свое великодушное сопротивление, Николай вступил на опустевший трон, на котором его мудрости предстояло восторжествовать над столь ужасными событиями. Бог поддержал его среди испытаний; Он и впредь поддержит его.

Если император Александр заслужил наименование Благословенного, будем надеяться, что по примеру этого незабвенного государя его августейший наследник, подобно ему, внушит уважение к своему имени и к своей власти; подобно ему, предпочтет любовь своих подданных суетному блеску славы и этим путем когда-нибудь получит от своих современников и потомков имя «Безупречного», — прекрасное наименование, которое сумели заслужить не только немногие государи, но и вообще немногие люди.

Я попыталась в этом скромном очерке изобразить Александра

таким, как он рисуется в его собственных деяниях и словах. Я сочту себя удовлетворенной, если те, кто имел счастье знать его, быть к нему близкими, кто любил его и был ему предан, — если они узнают в этом изображении некоторые черты великого и прекрасного его оригинала, достойного иного, более талантливого пера!

Конец

1829

notes

Примечания

1

Тот, кто извлек Францию из пропасти революций, кто в течение некоторого времени сумел даже внушить Александру чувство восхищения перед своими дарованиями, — тот, само собой, не был человеком обыкновенным. И, притом, Наполеон доказал, как мало значит человеческое величие!

2

Отец мой, граф Фитценгауз, в то время уже с год как изгнанный в Казань, однажды обедал в многочисленном обществе у местного губернатора, когда, во время трапезы, внезапно доложили о прибытии фельдъегеря. Все гости побледнели; губернатор дрожащими руками раскрыл адресованный на его имя пакет, в котором, к общему успокоению, заключался орден для одного из стоявших в Казани генералов.

3

Другие утверждают, что Пален распорядился сам, чтоб Павлу передано было это тайное извещение.

4

Княгиня Радзивилл, виленская воеводша, мать княгини Чарторыской и моя тетушка, — умная, талантливая и одаренная, с живым воображением, подолгу гостила в Петербурге. Ее милостиво принимали императрица Екатерина, осыпавшая ее милостями и дарами, Павел I и император Александр.

Нарышкина.

6

Так сказано в оригинале.

7

Автор говорит о Бородинской битве, которую французы называли сражением под Москвой.

8

По смерти императора Александра ничто не могло заставить Илью расстаться с телом его обожаемого господина.

9

Император, как мне кажется, должен был сказать: «Если бы я не был Александром, я бы хотел быть Моро». Примеч. автора мемуаров.

10

Вероятно, автор разумеет здесь историка Арно, автора книги «Жизнь Наполеона». Примеч. французского издателя.

11

Автор ошибается: Наполеон и его сторонники порицали не капитуляцию Парижа, но оставление позиции при Эссоне после сдачи Парижа. Заметка французского издателя.

12

Чернь, всегда готовая ниспровергнуть идола, которому она кадила накануне, хотела разрушить статую Наполеона. Полиция тотчас издала приказ, объявляющий, что Его Величество, русский император, взял это произведение искусства под свое покровительство, и что статуя Наполеона будет немедленно заменена статуей мира. Равным образом было воспрещено оскорблять и печатно поносить лиц, принадлежавших к прежнему правительству. Великодушный Александр не забывал ничего. Примеч. автора мемуаров.

13

Граф Нессельроде, министр русского императора, тем не менее должен был напечатать заявление, в котором он объявлял, именем государя, что Его Императорское Величество, взяв на себя заботу об интересах Европы во время пребывания своего в Париже, не хочет вмешиваться в дела частных лиц по отношению к законам и местной полиции и поэтому государь предлагает обращаться в таких случаях к местным властям.

14

При этом я не могу не обвинить в несправедливости великого писателя, который в своей «Истории Наполеона», столь недостойной его громадного таланта, следующим образом объясняет великодушный и бескорыстный образ действий императора Александра в указанную эпоху: «Мы не оскорбим память императора Александра, государя, одаренного такими прекрасными, благородными качествами, если выскажем предположение, что на нем отразилось влияние его воспитателя, француза Лагарпа. Александр не мог сбросить с себя ту соединенную с тщеславием чувствительность, которая превращает доброжелательный поступок в театральную сцену и опьяняется аплодисментами. Заразный воздух Парижа, лесть, неожиданный успех, желание устранить всякую тень недовольства, одним словом, стремление выказать великодушие в минуту торжества, — все это, по-видимому, увлекло Александра за пределы благоразумия и осторожности».

В этих немногих словах проглядывает чувство ревности, характеризующее английскую нацию. Последняя не могла простить Александру его успехи и могущественное его влияние, оскорблявшие гордость англичан и их стремление к преобладанию. Наконец, его благородный отказ от должности тюремщика Наполеона — является осуждением некрасивого поведения английского правительства по отношению к несчастному и слишком доверчивому врагу. Примеч. автора мемуаров.

15

При этом уместно будет, я думаю, привести здесь выдержку из замечательной речи, произнесенной г-ном Монморанси во Французской академии: «Мы уверены при этом, что получим одобрение короля. Воздавая должное его верному союзнику, государю, которому предстояло исполнить высшее назначение и которого мы так рано и так жестоко лишились, мы исполняем благородные намерения короля. Поверьте, господа, тем сообщениям свыше, которые еще звучат в глубине моей души; теперь, не боясь быть нескромным, я могу открыть с глубокой скорбью, что все интересы человечества были дороги и священны для великодушного сердца Александра. В эпоху Реставрации один член старинной Французской академии, отличавшийся тонкостью вкуса и ума, был представлен Его Величеству, русскому императору. „Ваше Величество, — сказал императору Сюар, имя которого привлекло благосклонное внимание государя, — Вы находитесь в стране, которую должны любить, так как в ней воздается должное той славе, которую любит Ваше Величество. Если Ваша августейшая бабка стала бессмертна в России, она этим обязана Франции“. Слышавшие эту речь, столь привлекательно изящную, проникнутую тонким патриотизмом, стремившимся использовать для Франции тайну великого сердца, заметили, что государь улыбался, без сомнения, думая при этом как о Франции, так и об этом обещании славы. Обещание это дано и принято не всуе: потомство выполнит его. За тот пример, который Александр дал престолам, за его стремление к миру, ко всеобщему благоденствию, за его великодушие, бескорыстие и заслуги перед Францией, — за все это воздастся его памяти поэзией и историей, которые восхвалят его и обессмертят его имя. Примеч. автора мемуаров.

16

Император Александр, путешествуя, раздавал множество драгоценных вещей — табакерки, кольца, фермуары, наименьшда стоимость которых равнялась трем- и четыремстам франков. Он делал также подарки по случаю крестин, когда он бывал крестным отцом; и эти дары, весьма значительные, постоянно возобновлялись, так как государь никогда не отказывал в этой милости, и почти всем военным известного чина дозволено было просить о ней государя Интересно было бы подсчитать все годичные расходы императора Александра на подарки. Я уверена, что они составляли громадную сумму. Александр давал также пенсии многим иностранным литераторам и артистам. Примеч. автора мемуаров.

17

Единственная надежда французов среди бедствий, которые они саки навлекли на себя, — Александр вызвал своим появлением в Париже сильнейший энтузиазм. Государь в сопровождении одного адъютанта гулял однажды инкогнито в Пале-Рояле Толпа узнала его и при восторженных кликах проводила его до дворца в Елисейских полях, где он остановился.

18

Генерал Заиончек провел часть своей жизни на французской службе. Это был один из самых выдающихся офицеров во французской армии. Наполеон очень уважал его.

19

Спокойствие.

20

Александр вникал в интересы всех своих слуг, без исключения. Встретив однажды в парке Царского Села баронессу Розен, муж которой, генерал на службе Его Величества, квартировал в этом городе, государь сказал ей: «Баронесса, я очень рад, что между вашим домом и моим вскоре состоится союз». Горничная баронессы Розен выходила замуж за пастуха, пасшего мериносов Его Величества.

21

Графиня Шуазеяь, вероятно, хотела оказать, что государь не любил Каннинга… потому что не придавать ему значения — было бы слишком большой ошибкой, даже принимая во внимание всевозможные различия в политических взглядах. Прим. французского издателя.

22

У императрицы Елизаветы были две дочери, которые умерли, когда у них прорезывались зубы.

23

Это особенно резко проявилось перед последним роковым путешествием его в Таганрог. Говорят, государь так был расстроен, прощаясь с семьей, с двором, что не мог сдержать своих чувств. При выезде из Петербурга он велел остановить карету и обернулся, чтобы еще раз взглянуть на этот чудный город; и грустный взор его, казалось, посылал месту его рождения — последнее, печальное прости.

24

«Время от времени падающий на землю лист
Прерывает мою уединенную мечту».

25

Добродетельный князь Гогенлоэ, искренно любивший императора Александра, совершил босой религиозное паломничество, чтобы вымолить исцеление государя, добродетелями которого он восхищался.

26

Несколько лиц упали в обморок, узнав о смерти Александра, между прочим его посланник в Дрездене г-н Ханыков, и другие опасно заболели. Граф Ожаровский, адъютант государя, при первом же известии о болезни Александра покинул Варшаву, где он в то время жил, и поспешил в Таганрог к своему умирающему государю. Он проводил останки его до Петербурга, — последняя дань верности, которую он неизменно выказывал ему при жизни. Приводя это проявление преданности, которое должно было бы найти более подражателей среди многочисленных лиц, удостоившихся особых милостей этого великого государя, я с искренним удовлетворением и, быть может, с чувством законной гордости привожу здесь польское имя.